

Карен Дашев

Научно-фантастический роман
«Ковчег водорослей»

Часть первая

Глава 1. Колдовская борода.....	1
Глава 2. Открытие в банке.....	4
Глава 3. Отдай колдуна!.....	6
Глава 4. Милости природы.....	8
Глава 5. Трудное отчество.....	10
Глава 6. Искомая тревога.....	12
Глава 7. Серёжки связи.....	15
Глава 8. Придётся знакомиться.....	18
Глава 9. Визит к Минотавр.....	22
Глава 10. Скучные пряники.....	24
Глава 11. Лукавый помощник.....	27
Глава 12. Мышкин чай.....	30
Глава 13. Планов громадье.....	34
Глава 14. Львы и гиены.....	36
Глава 15. Двое непричастных.....	57
Глава 16. Пасьянс не сойдётся.....	60
Глава 17. Тащить или не тащить – вот в чём вопрос!.....	63
Глава 18. В добрый путь!.....	65
Глава 19. Пиранья мечты.....	68
Глава 20. Донный удильщик.....	70
Глава 21. Три сестры.....	74
Глава 22. Кроты и их ямки.....	77
Глава 23. Туз пик.....	81

Битва в океане

ГЛАВА 1. КОЛДОВСКАЯ БОРОДА.

Вновь пришло утро в мир. И у него ни кто не спросил, что нужно ему от людей, с чего это оно радостное такое? А человек пока ещё спал – он вчера много думал. Но, со временем, и его начало тревожить пробирающееся в его спящие глаза солнце. Постепенно они открылись, и человек сел на кровати. Весь облик проснувшегося говорил о том, что он потерял что-то очень важное и ценное. Что именно было потеряно даже ему самому было не ясно, но на душе было как-то беспокойно. Заря вообще частенько рушит многие человеческие фантазии. Чаще всего хорошо, что рушит. Прошедшим вечером человек собирался спасти весь мир, принести всем решение их проблем, построить «ковчег спасения», который повезёт страждущих к далёким и желанным берегам. Но – пришло утро. И он не мог даже вспомнить, что планировал вчера

делать. Вечерние «голубые дали» померкли в лучах нового дня. У этого человека не было даже имени, только – сетевой псевдоним. Правда, он в жизни чаще всего им и назывался, что частенько приводило собеседников в какое-то странное чувство непонятности. Также было и в сети. Назывался он ником «Ной». Причём даже и фамилия была того же качества – Комиту. Но ни компьютерщиком, ни гордым жителем Интернета он не был. Да и имя его совершало совершенно ненужную службу. Сначала он писал его по-английски, и половина посетителей просто его даже прочесть не могли. Потом «Noah Cometoez» плавно превратилось в «Ной Комиту», что, правда, делу особо не помогло. Любой сетевой разговор сразу скатывался к вопросу: «почему «Ной»?». Но отвечать правду желания не было, а придумывать интересную ложь не было умения. Да и вообще затея решить свою проблему в социальных сетях с каждым днём все более и более блекла. Ной не умел «интересно» говорить, вообще не понимал, как это в сети можно себе друзей находить. А для дела всей его жизни ему очень нужен был друг. Друг на Камчатке...

Утром на Ноя из зеркала взглянул уставший и немного небритый мужчина. Где-то в глубине души ему рисовалась большая прямая и седая борода, чьи зародыши сейчас собирались быть сбритыми. «Ной... вот у Ноя борода, наверное, была... И что это я ничего, что собрался вчера вечером сделать, сейчас не помню?». А в это время настойчиво потребовал внимания желудок: «Кормить нужно, однако. А еда со вчерашнего обеда кончилась уже». Нужно было возвращаться с достигнутых небес мысли на землю с её примитивными, но вместе с тем совершенно необходимыми нуждами. Жую за завтраком бутерброд, Ной снова начал беспокоиться мыслью о деньгах. Они были нужны. «Надо будет с Эрастом поговорить. Эраст денег даст... Вообще – стихи получаются...». Но эти не были стихи о вечном горе и безденежье. Как раз – наоборот. Деньги Ноя любили, хотя поездку на Камчатку и было оплатить тяжело.

А «Эраст» – это был не ник. Это был вполне реальный, живой татарин, у которого даже отчество было. Эраст Рифович был «большой начальник» и, как любому большому начальнику, ему хотелось быть ещё большим. А советы Ноя всегда давали ему очень многое. Мелкие, зачастую не относящиеся к самому искомому явлению, советы всегда давали превосходный результат. Почему так происходило, Эраст Рифович не знал. Особо могучего ума у него не было, но зато был Ной Комиту, которому он всегда давал деньги. Возникает вопрос: за что? Но ответ на него дать очень тяжело. Просто Ной давал ему советы по жизни. Откуда он их брал – Эрасту было совершенно непонятно. В глубине души, в самой глубине своей головки он считал Ноя колдуном. После того, как эти мелкие советы в первый раз подняли Эраста на одну ступеньку вверх по служебной лестнице, он подумал – случайность. Подумал, но далеко от Ноя не

отошёл. Во второй раз подумалось, что есть какой-то тайный блат. Но этот блат никак не обнаруживался. А вот в третий раз он и подумал – колдун.

Больше всего в Эрастовом уме остался один из первых советов. Ной заставил купить Эраста маленький электрический чайник. И именно этот чайник практически «дал пара» судьбе Эраста. Но кроме чайника было ещё кое-что. Было сказано, чтобы Эраст взял этот чайник с собой к одному чиновнику, с которым обсуждались кой-какие дела. Было очень неудобно идти в присутствие с большой коробкой – так что был выбран маленький, но хороший чайник. А, кроме того, Эраст должен был явить редкую радость и согласится выпить предложенного чая. И даже рассказать, что сам он очень любит чай для чего себе чайничек купил. А потом, когда водный конденсат совершит в чайнике чиновника разрушительный переворот, подарить ему свой. И – всё, ничего больше. Всё это казалось какой-то глупой фантазией или бредом, но директор небольшого нефтехимического завода всё-таки решил последовать этому совету. И не ошибся! Не понятно почему, но поставленный у секретарши чиновника чайник в процессе кипячения шумно сгорел. А подарок Эраста оказался как нельзя кстати. Не в том дело, что чиновник сам не мог бы купить такой же. Ему чайник вообще государство купило бы. А в том, что Эраст оказался в нужном месте, в нужное время, с нужным чайником. Вопрос о том, что это Ной налил воды в розетку провода, после этого рассматривался. Но возможностей у Ноя для этого не было никаких. Визитёр стал симпатичным чиновнику, а подсознательная мысль Эраста о колдуне укрепилась. После он стал зам. министром мелкого регионального министерства. Как раз, когда у завода начались проблемы с нефтью. Ной после этого получил прозвище «мой чайничек». Но то, что он не только чайничек, но и колдун было после этого подтверждено неоднократно.

Но был он какой-то странный колдун. Ни разу, ни кому он не называл стоимости своих услуг. Деньги он брал, даже любил их, но ни когда не говорил о них. А любовь эта объяснялась тем, что они хоть на малый шаг, но приближали его к заветной цели. Да и клиент был только один. Конечно, если бы кто-то кроме Эраста Рифовича обратились за помощью, он бы не отказал, но делать специально рекламу своей деятельности было противно. Да и деятельность эта была незначущей частью того целого, которое и было великой целью. Он брал конверты с деньгами, даже полусловом не говоря об их пухлости. И они его уважали, и каждый раз прибавляли своё содержание, доказывая действенность его метода. Но на Камчатку ему пока не хватало. Больно уж дорого туда ехать, но место для проверки его изобретения было бы изумительным. Да и тогда ему просто раздвоиться нужно было бы – одна часть в Европе, а вторая – в Азии. Помощник нужен очень, да и дело то плёвое...

ГЛАВА 2. ОТКРЫТИЕ В БАНКЕ.

Ной сделал открытие. Именно – открытие, то, чего раньше ни кто не делал. Он долгое время не верил сам себе. Вечером оно представлялось великим, а утром – пустой фантазией. Иногда тень Альберта Великого нагло улыбалась в голове. Уж если особо пристально было посмотреть на открытие, то действительно приходили мысли про алхимию. Но цели сделать золото не было и в помине. Всё было проще и одновременно с этим – сложнее. Короче – он был химиком. Талантливый, подающий большие надежды учёный. Правда, от талантливого учёного ушла жена. Результатов хотелось не в перспективе, а сразу, в повседневной реальности. А он дать не мог... Развод пережил спокойно. Может быть потому, что жил в среде своих переохлаждённых расплавов. Он и сам был похож на такой расплав, спокойный, холодный, но в существе своём – расплавленный. И вот как в одном из популярных «фокусов» по кристаллографии, крохотная частичка, кристаллик мгновенно превращали всю непонятную жидкость в большой кристалл. И – ценный кристалл! Однажды Ной понял, что может влиять своей душой на приготовленные им растворы. Тогда он ещё не был Ноем. Был обычным Ивановым Иваном Ивановичем, всё ещё стоявшим в рамках единой тарифной сетки.

Его всегда интересовало, почему в его дисперсных взвесах, растворах или расплавах возникают разные стихийные процессы. В самих этих процессах особой новизны не было – бывает, взвесь частиц выстроится в правильную решётку, или возьмёт и сам вырастит кристалл. Можно видеть, как вдруг, не с того ни с сего, крохотные частицы в воде сами по себе начинают образовывать правильные восьмиугольники. Конечно, учёные объясняли эти процессы. Взаимное притяжение частиц, микро-течения и многое вроде этого. Правда, объяснения эти были какие-то... неуверенные... похожие на предположения. Также думали над причинами начала этих процессов. Говорили непонятные слова вроде «точка бифуркации» или «теория катастроф». Но ответа всё равно не было. Но – вот есть жидкость. В ней плавают множество пылинок. Бывает – они просто плавают, а бывает – начинают взаимодействовать друг с другом, рядами строиться. И вдруг наступает момент, когда они из первого состояния перепрыгивают во второе. А почему – не ясно. Словом «бифуркация» ничего особенно здесь не объяснить. А – хочется!

Вот этим-то будущий Ной и был занят в свободное время. Он делал растворы и потом смотрел на них. Долго и задумчиво смотрел. Думал о кристаллических решётках, формах частиц, процессах взаимодействия, об ушедшей жене. Правда, последние мысли толку делу не добавляли. Тонкий слой воды с мутными облачками вдруг в одно мгновение покрывался чёткой решёткой. В голове Ноя всё время крутились и обдумывались кристаллические решётки, вещества, их молекулярная структура и целый ряд подобных вещей.

Они приходили на ум и просто прогоняли печальные рассуждения о своей семье и состоявшейся научной несостоятельности, в которой всё время убеждала его бывшая жена. И вот в один день он заметил, что решётка иногда возникает в то самое мгновение, когда чётко представляется процесс её возникновения. Попробовав проделать это нарочно, Ной убедился, что это помогает. Крохотные пылинки слушались его мысли!

Тогда он перешёл к более предсказуемым вещам. Переохлаждённый расплав тиосульфата натрия превращался в одно мгновение во множество застывших кристаллов. И это мгновение как раз и было нужно. Вещество это, тиосульфат натрия, было проще использовать. Особой чистоты он не требовал, тем более что был простым порошком фиксажа, известного всем фотографам прошлых лет. И вот чистоту-то как раз Ной бывало и нарушал. Лишь позже он понял, что её и нужно было нарушать. За ней и таился «момент истины».

Если в плошках с расплавом присутствовали некоторые вещества, то процесс кристаллизации под действием мысли учёного начинался быстрее. А если были другие вещества, так они были просто «грязь». Ной потратил уйму времени, что бы понять какие вещества помогают, а какие – нет. Начальство было против. Основная работа стояла, отдел, под руководством Ноя, бездельничал. Но вещество потихоньку «находилось». В конце концов внимание упало на нерастворимые кристаллы, которые женщины часто на себе носят. Начальник практически отнял у лаборантки колечко с каким-то малюсеньким камнем.

Каким образом простая, практически неоплачиваемая лаборантка завела себе хоть и маленькую, но драгоценность – не понятно, также не понятно, зачем она дала его Ною. Но и на этом камне он получил, как тогда казалось, необыкновенные результаты. Кольцо было вымыто, отдано владелице, а ручка расцелована. После она была грубо подведена под премию... Потом, уже оставив работу и достигнув первых высот своего метода он нашёл её. Владелица кольца также в то время уже не работала, а сидела дома со вторым ребёнком. Он подарил ей кольцо, но уже с большим и красивым камнем.

После этого начался «драгоценный» период работы. Ной брал кредиты, брал на эти деньги драгоценности у ювелиров. Через два дня они возвращались, а через некоторое время брались новые. Ювелиры думали, что жена Ноя с достоинством «гуляет» драгоценности на светских раутах, а на самом деле они проводили время подвешенными за простую нитку в холодном расплаве. Ещё хорошо, что тиосульфат не повредил заметно камней. Ной нашёл самый лучший их тип и, уже потом, купил подобный себе.

И после того, как это открытие подтвердило свою реальность, он запретил себе даже думать о его публикации. Почему? Он знал, что можно и даже нужно публиковать изобретения. Публиковать, писать статьи, получать патенты, торговать, защищать диссертации, получать звания и уважение. А тем,

кто сделал открытие, всё это в принципе нельзя делать! Открытия, и особенно – великие открытия, никогда не кормят своих совершителей. Наука восстаёт против них на смертный бой, общество смеётся. В самом лучшем случае, лет через сто, люди в погонах сделают из этого изобретения бомбу. Тут можно сделать только то, что бы оно начало жить само. Это заставит учёных изучать его, а общество – уважать. Ной знал об этом и был готов только к хорошему.

ГЛАВА 3. ОТДАЙ КОЛДУНА!

Жизнь кипела вокруг спокойного островка, в котором жил Ной. Продавались и покупались фирмы, квартиры, коттеджи, дачи, квартиры. Заключались договора, люди устраивались на работу, брали взятки, потом – садились за это. Создавались и закрывались журналы. В одном из таких журналов, во время между созданием и закрытием, кипела работа. Хотя, о закрытии речи не шло вовсе.

Молодую журналистку, Веронику, грыз кризис творчества. Очень хотелось какую ни будь интересную тему, идею, фирму, человека, но ничего этого не было. В глубине души она чувствовала, что эта жалоба связана скорее не с тем, о чем писать, а с умением писать. Хотя, надо отдать должное, умение это было, но против кризиса творчества оно было бессильно. Интересных тем не было, но был её друг и коллега Потапик. Насколько он был другом, сказать определённо невозможно, но сейчас Вероника думала именно так. То, что очень хотелось получить информацию, делало сейчас Потапа в её сознании другом. И сделав весёлое и бескорыстное лицо, девушка шагнула в дверь комнаты редакции.

– Привет, Потапик!

Потап сидел за компьютером и что-то увлечённо писал в нём:

– Угу...

Кто бы знал всю подноготную правду этого «угу»! Только непривычный и невнимательный человек мог подумать, что вошедшую практически не заметили за делами. Заметили, и ещё как! За малое время этого «угу» в голове Потапика прошла целая цепочка опосредованных заключений, основной идеей которой было: «весёлая – значит украсть что-то хочет». Не дождавшись более вразумительного ответа Вероника продолжала, как бы не о чём:

– Как у тебя статья... пишется?

Потап быстро закрыл ноутбук, как будто журналиста предстала перед ним кружащим коршуном, выслеживающим цыплят им написанного.

– Какая статья?

– Ну, ты ведь статью пишешь?

– Какую?

Существо разговора заключалось в том, что коршун знала правду, а насадка пытался закрыть от неё своё сокровенное. Это была своеобразная игра, в которой желание сесть друг друга закрывалось невинными вопросами.

– О чем?

Потап сдался. Он первым скинул завесу секретности, чем и явил свою слабость.

– Вот объясни – тебе что нужно? Статью мою стянуть хочешь что ли?

– Нет, ну что ты! Просто интересуюсь.

– Врёшь на сто процентов. Тебе что-то нужно.

– Нет, ну что ты! Не думай так обо мне, Потап.

– Если я не буду думать, что то изменится?

Ещё как изменилось бы! Коршун бы скушал всех цыплят, а насадка пошёл бы пить плохую водку в забегаловку. Но коршун пока не захотела атаковать уж так напрямую.

– А помнишь, ты мне про экстрасенса одного говорил?

С души Потапа просто упал камень. Вернее – поднялась целая гора. Однажды он действительно писал про какого-то экстрасенса, но толка с него особого не получилось. Денег почти не брал, порчи не наводил, с властями не воевал. «Умер уж с голоду, наверное» – подумал Потап.

– Ну, наконец-то! А то я уже волноваться начал. Неизвестное пугает. Я – говорил.

– Можно мне с ним встретиться?

– Зачем тебе он нужен?

Потап мог бы сразу и без какого-то сожаления отдать колдуна Нике, но подсознание требовало, чтобы он выяснил, где его «кидают»... И, кстати, Веронику практически все сокращённо звали Никой.

– По личному делу.

– Ага, по личному... Мне вот – как бы похудеть, а тебе – как бы поправится.

Конечно, похудеть Потапу было бы неплохо. Ноутбук незаметно делал своё чёрное дело. И если уж смотреть правде в глаза, то журналистская деятельность Потапа катилась к закату. Бутерброд за бутербродом он неуклонно толстел. Толстел так, что редактор журнала уже опасно косился на него: «а не меня ли он подсиживает?». Журналисты чаще всего живут под древним лозунгом «Homo homini lupus est», человек человеку конечно – волк, но именно волка ноги и кормят, и жиреть журналисту было нельзя!

– Ну, не придирайся! По личному – значит по личному.

– Что, убить меня хочешь?

– Нужно – сама убью. С любовью у меня проблема.

– У меня тоже. Экстрасенс то при чем?

– Я хотела через него попробовать.

– Ну, насколько я знаю, он сводничеством не занимается.
– Чего сразу – сводничеством? Может быть, у меня другое на уме...
– Ты просто врёшь. Тебе не любовные дела решать нужно. Статью какую-то придумала? Колись, мочалка!

Колотья мочалка не хотела, хотя её лож была уж больно явной.

– Ты ведь говорил, что он наукой занимается?
– Ну – да, занимался. Даже титул у него какой-то есть.
– Звание?
– Ну уж не знаю... «степенью» это называется.
– Ну?
– Гну.

Отдавая даже ненужное, Потап хотел получить хоть какой ни будь «гешефт».

– Как с ним встретиться то?
– А бутылку поставишь?
– Ты также врёшь. У тебя бутылками вся тумбочка, небось, завалена, тебе не бутылка нужна.
– Ну, есть немного. Выпить хотим что ли? Говори подруга, про что статью писать начала?

Потап врал. Лож вообще была чем-то вроде стиля беседы. Его тумбочка была пуста, хотя бутылки в ней, конечно иногда появлялись.

ГЛАВА 4. МИЛОСТИ ПРИРОДЫ.

Человек не ждёт милостей от природы, а взять их у неё – вот его задача. И наш «экстрасенс» хотел их взять. Управлять неорганическими процессами было интересно, но мысль влекла всё дальше вглубь природы. Когда он уже мог заставить расти кристаллы, разрешать или запрещать прохождение химических процессов, строить молекулы любой сложности, захотелось сделать жизнь. Было ещё одно интересное направление, но – огромное, как горы, и сложное, как подсчёт количества песчинок в океане. Это – синтез атомов веществ и их компонентов, электронов и протонов. Туда лезть было просто страшно и, предвидя душераздирающий крах на этой ниве, Ной этим заниматься не стал.

В глубине души он понимал, что начинает состязание с Самим Богом, но успокаивал себя тем, что делалось всё это абсолютно бескорыстно. Эрастовы конверты как то из рассмотрения пропадали... Хотя доля правды в этом бескорыстии всё-таки была. Деньги он брал, чтобы просто есть, да за квартиру платить. Ну и драгоценности для своего устройства покупать.

Но кое-что по работе было объяснено, и так доходчиво, что это практически все мозги человеческие с головы на ноги перевернуло. Дело в том,

что находясь в крайней степени возбуждения от открытия, он захотел для начала создать что-то очень простое. Была выбрана маленькая мышь. Ной начал изучать книги, читать разные материалы, пробовать строить планы создания. И в процессе этого, мышь начала расти, расти практически бесконечно. Она уже представлялась не крохотным зверьком, как в начале чтения, а огромным, как диплодок, сложнейшим объектом, практически – венцом творения. И Ной понял, что всего его ума не хватит даже на какую ни будь её лапку. На это было потрачено три месяца. После чего план был изменён. Было принято решение от животных вообще отказаться, а перейти к растениям. На траву было потрачено меньше времени, но и за него газонная трава увеличилась в сознании создателя до огромных доисторических деревьев. Последней каплей в процессе получения высшего нагоняя был червь. Простейшее животное съело месяц времени, за который показало, что за простотой его строения стоит неподъёмное множество процессов, которое человек не смог бы создать за всю свою жизнь. Попереживав неделю, даже сходяв с горя в театр, Ной принял следующее решение, которое ему и было позволено реализовать.

Кстати, в театре давали какую-то сильно изломанную версию «Фауста». И ему чрезвычайно глубоко в подсознание засела одна сцена, когда Мефистофель научил людей производству бумажных денег. Но результат их применения был отвергнут, а Ной решил сделать амёбу. Проведённое довольно длительное время за изучением «устройства» амёбы, оказалось потраченным не напрасно. Границы радости просто невозможно описать! Правда, получилось не всё. Передвигались амёбы как-то не так. Вернее – вовсе не передвигались. Но всё же они немного, как то хаотично, но двигались. И размножаться они не хотели. Но всё равно это был небывалый успех. Спустя три года работы, били получены первые живые результаты. Хотя и их нужно было подтверждать. Был найден один фанатично привязанный к своему увлечению аквариумист, у подопечных которого созревала икра. Это были очень редкие рыбки, для кормления которых в первые дни жизни как раз и применялись амёбы. И, дождавшись икорного времени и поклявшись хозяину аквариума, что это «хорошие амёбы», вода была вылита к малькам. Качество амёб было подтверждено мальками «на все сто»! За два дня они поправились, выросли, и начали хотеть уже следующую форму еды. Хозяин был счастлив, но Ной потом очень быстро убежал от него, так как поданные на второе нематоды, напоминали неудавшийся опыт с червём. Правда, амёбы были не просто съедены, но и немного оплачены.

А потом случился самый большой переворот во всей работе. Уставший Ной захотел сходить на пляж. Иногда он позволял себе на малое мгновение возвращаться к обычной жизни, но на этот раз это мгновение опять выросло в год работы после него. Он вошёл в реку на городском пляже, а после того, как

вышел, обнаружил, что его кожа пахнет нефтью. И если другие просто только пренебрежительно поморщились, а Ною стало ясно всё. Нужно создать не амёбу, а простую-простую одноклеточную водоросль, которая росла бы на нефти и преобразовывала бы её в какое-то другое вещество, например – песок. Природа должна оценить пользу этой водоросли. И он опять засел за чтение. На этот раз всё шло проще. Наверное, это подтверждало то, что решение оказалось правильным.

ГЛАВА 5. ТРУДНОЕ ОТЧЕСТВО.

В здании редакции журнала было всё мирно и спокойно. Это до крайности раздражало главного редактора. Ему нужно было всегда крутиться в самом центре водоворота жизни, даже если это были пустые хлопоты. Когда-то давно он также был журналистом, но потом растолстел и осунулся до состояния главного редактора. Сейчас он опять хотел есть, но хотел – в эзотерическом смысле. Как первое блюдо, на его столе сидел Потап. В качестве гарнира вокруг него лежал заказ статьи на экологическую тематику. Тематика была до конца неопределённая, но заполнить страницу каким ни будь душераздирающим, именно – экологическим, материалом хотелось. Он ради этого даже пошёл на подвиг – оторвавшись от своего мягкого кресла в уютном, продуваемого тёплым ветерком кабинете, спустился на этаж ниже в ту комнату, где сидел Потап. У него был телефон и у Потапа был. Более того – Потапа с компанией можно было вызвать самих в кабинет. Но в этом случае бифштекса с кровью не получилось бы. А бифштекса хотелось.

– А вот я кого-то сейчас как поймаю!

С этими словами редактор влетел в комнату журналистов. Обнаружив там двух человек, он оказался в смешанных чувствах. Как говорил отчим одного литературного персонажа, в улыбке и в слезах, он сразу же продолжил сказанное.

– Есть то, что позволит кому-то блестяще явить свою гениальность!

Слезы на глазах его были из-за того, что комната была почти пустой. Обычно там бывало человек шесть, а сегодня удалось увидеть двоих. Но хитрым чутьём талантливого репортёра он почуял даже ничтожную нотку разногласия между присутствующими. Как журналист он до крайности любил это, а как начальник, он следовал Юлию Цезарю, который опытно учил руководителей: «разделяй и властвуй». А проще всего разделять можно было именно на ссоре. Правда, его умильное лицо и попытка говорить как нянечка в детском саду, ни кого особо в заблуждение не ввели.

– Не я! Я толстый и противный. И статью нужно срочно сдавать. Кто будет вечером с меня её требовать?

Потап начал протестовать, похоже, ещё до того момента, как Главный закончил свою речь. Он мгновенно понял, что сейчас дадут тему или материал, который повиснет на руках и ногах, как танк советского производства.

- Я буду. А где все-то?
- На задании.
- Я заданий не давал.
- Ну, а они – взяли силой.
- Короче – нужна статья про экологию.

Его за глаза все звали просто: «Главный». Наверное, он представлял собой образец талантливого руководителя. Так, подчинённые ему журналисты могли говорить ему всё, что угодно, свинячить вообще любыми, им доступными, способами. Это всё проходило мимо Главного и вообще оставалось незамеченным, но если работник не приносил свою работу к установленному времени, то ему оставалось просто удавиться самому в присутствии начальника. Причём наказывать он умел мастерски. Часто проступок лежал под сукном не один месяц, а потом он вытаскивался на свет божий как неопровержимая мотивировка производимого наказания. Про это Потап очень хорошо помнил, но и своё право сопротивляться он также чтит.

- А может быть про чистоту кошачьих хвостов написать?
- Ты пишешь хорошо про многое, но экология – это не так просто. Тут серьёзный вопрос – добыча нефти.

– Ну добыча обычно с рогами крупными бегаёт. А про добычу – вот она напишет. У неё сейчас как раз статья зародилась – самое время ей дать. Я ей сейчас и материалы, и человека, которого она сама просила, передаю. Вероника, которая до сих пор сидела с отсутствующим видом, неожиданно для себя поняла, что под эту работу с Потапа кое-что можно взять почти в силовом порядке.

- А ты, Вероника, что молчишь, как партизан?
- Я... а... а вот у него есть человек ценный, а он делится не хочет. Поделится – напишу и про экологию.

– Потап, ты меня знаешь, от меня всегда получаешь любую помощь, а сейчас отдай ей своего человека, а ты, Вероника Александровна – руки в ноги, перо в... и срочно пошла писать!

Потап понимал, что это была почти угроза, да и Главного он в этом плане действительно знал. Но хоть какую-то гадость Нике вернуть хотелось, хоть она и спасла его от экологической угрозы.

- Она вообще про магию собралась писать.

Но свернуть с понятного Главному пути было невозможно. Тем более проблема была несколько меньше, чем казалась в начале. Дело в том, что писать было непонятно, но о чём – сомнений не было.

– Магия – хорошо. Там вообще дела с нефтью почти магические. Может быть, может быть... Короче – Потап, отдавай своего человека, а ты, Вика, сразу ко мне зайди, я тебе существо расскажу.

И гордо и стремительно выйдя из комнаты главный редактор представлял, что вслед него по коридору разбегаются две волны опыта и уверенности.

– Ах, ты зараза, зараза. Там где черт сам не успеет – там бабу пошлёт!

– Потапчик, как зовут-то человека?

– Ной он.

– Библейский?

– Почти. Вот и иди к нему на Арарат.

– Я схожу. А фамилия есть?

– Комиту, кажется.

– Ты сейчас что сказал?

– Фамилию.

– Он не русский что ли?

– Не знаю. Японец может быть, хоть на рожу – рязанский, как пить дать.

Так сказать, не русский я, но – россиянин.

– Так и записать?

– Надоела ты мне. Вот тебе бумажка, запиши себе и проваливай.

Потап достал из стола бумажку с телефоном и адресом Ноя, скомкал её и кинул в Нику.

– Данкешон, колбатоне!

– Данкешон, данкешон... От сердца оторвала кусок, а он ведь и экологией занимается!

Последняя мысль поразила самого её автора. Ведь Ной действительно что-то всё про экологию говорил! Ведь сам мог бы написать... Поздно он про это вспомнил...

ГЛАВА 6. ИСКОМАЯ ТРЕВОГА.

Позавтракавший Ной был готов в бой. Он пытался познакомиться с кем-то в сети, кто сам жил или имел знакомых, живущих на Камчатке. Этого у него уже недели две не получалось, но он не отчаивался найти искомое. Вот и сейчас он собирался убить частичку своего бесценного времени на поиски. Вообще, он не очень это любил. А если сказать точнее: вообще не переносил эти бессмысленные разговоры не о чём, но своим сетевым собеседникам ведь нужно же было отвечать. Его спас Эраст с помощью телефона.

– Ной, здравствуйте. Можете ли Вы сейчас говорить?

Голос Эраста звучал очень тревожно. Это было совершенно на него не похоже. Обычно он был как вежливый японец, переживающий чтобы ни чем не

разрушить «спокойствия дома» своего собеседника. На самом деле – все его чувства были спрятаны под крепчайшей защитой, и были не такими уж альтруистическими. Как раз – наоборот. Он был насквозь эгоистом, который прикидывался альтруистом для того, чтобы более полно обобщать говорящего с ним. Ной знал про это, и ни каких фантазий на этот счёт не делал. Между ними была как-бы негласная договорённость о взаимном уважении. Учёный ни когда не забывал о жадности клиента, а клиент никогда не позволял себе дать мало денег. Про деньги и власть вообще никогда не было разговора, хоть целью этой работы только они и были.

– Здравствуйте Эраст Рифович. Да, да – я свободен. У Вас что-то случилось?

– Да – случилось. Мы можем сейчас встретиться?

– Но что произошло-то? Расскажите по телефону – мне ведь...

– Меня уволили!

– Мне ведь нужно некоторые вещи до встречи спокойно посмотреть. А то, что уволили – не верю.

Эрасту это было вообще не характерно. То, что он не дослушал собеседника говорило только о крайней степени его возбуждения. Он понимал, что когда человек говорит, то он отдаёт свои мысли, которые нужно собрать и спрятать где-нибудь у себя. А прерывать речь – значит самому отказываться от них. Но сейчас это его не волновало.

– Ну – да, не уволили. Место другое предложили.

– Замминистра?

На второй трубке застыло некоторое напряжённое молчание.

– Но... как Вы узнали? Вам кто-то рассказал?

Мысли эти как то непонятно волновали Эраста. Он был вызван вчера на самый верх кабинета министров, где ему предложили эту должность. После этого он ни кому не говорил про это, а если кто-то узнал, значит, ему рассказал сам председатель...

– Ни кто не рассказывал. Я это знал с самого начала.

– Но я ведь устроился полтора месяца назад на новую работу... А мне не сказали?

– Во-первых: новая работа не далеко «за бугром», а в том же правительстве. Во-вторых: полтора месяца вполне достаточно. В третьих: если бы Вы об этом знали, то Вы бы каких-нибудь ошибок наделали.

– Но что мне делать?

– Вы согласие дали?

– Пока нет.

– Правильно.

– Так что, замминистром не становиться мне?

– Становиться обязательно. Только опять не на долго.

– Не на долго?!

– Ваш ведь министр – взяточник.

Особых удивлений это не вызвало. Конечно – взяточник, но если это так говорится, значит информацию о назначении «слил» кто-то выше председателя...

– Ну, говорят. Я это точно ни как... То есть...

– А Вы, Эраст Рифович, взятку не берёте в принципе. И не нужно так удивляться тому, что Вас так быстро повысили. Да, а каким министром Вас сделали?

Это поставило перед Эрастом новый вопрос: «А как это он отрасль то не знает? Что, не сказали что ли?».

– Энергетики...

Поняв затруднение собеседника, Ной захотел рассеять туман над этой речкой.

– Эраст Рифович, всё, что я знаю – я знаю, так сказать, энергетически. Ни кто, ни каких точных данных мне не давал и сплетен не рассказывал. Хотите встретиться – пожалуйста. Через час устроит?

Конечно, это устроило. И, договорившись о времени и своём обычном месте встречи, телефонные трубки были опущены, но не на долго. Уже начавшего собираться на встречу Ноя связь вновь потребовала к себе.

– Здравствуйте, Ной! Извините, но я, к сожалению, не знаю Вашего отчества. Мой коллега не сказал его. Меня к Вам направил Потап Гжельский, Вы с ним раньше работали. Я журналист в том же журнале, где и он работает. Мне бы очень хотелось продолжить ту работу, что вы начали с Потапом в прошлый раз.

– Здравствуйте.

– Он мне передал те материалы и те статьи, которые он начал в прошлый раз. Но потребности работы не позволяют ему до сих пор вернуться к этой теме. Но она очень интересна нашему журналу. Поэтому журнал послал меня. Я была бы бесконечно признательна Вам за встречу. Я сама очень интересуюсь такими вещами, как экология и защита природы. Ведь сейчас это вообще выходит на первый план. При изменении климата, всемирном похолодании и других вещах, деятельность человека всё ещё совершенно не...

– Послушайте, у меня сейчас совершенно нет времени.

– Ой, извините, ничего, что я в субботу звоню? Не отвлекаю ли я Вас от каких-то дел? Но мне так нужно узнать многое, написать про это всё хорошие статьи и, может быть, книгу. Ведь это очень-очень нужная и интересная тема. Это вот раньше всё крутилось просто про силу ветра и температуру. А теперь – мистика, астрология, магия и прочие вещи ещё как рассматриваются! И привлечь эти науки в дело защиты природы, это – святое намерение, которым...

– Как Вас зовут?

Ника на мгновение закрыла рот, но ему сразу стало жарко от этого.

– Ника. Вернее – Вероника, но можно просто – Ника. Я бы сейчас очень хотела бы...

– Ника, у меня сейчас времени нет...

– Ой, прошу Вас, не отказывайтесь! Я немного представляю эту тему. Я читала книги и детально изучила те материалы, что мне дал Потап. Там всё так актуально и интересно! Я писала раньше статьи про экологию, нефтедобычу, производство. Астрологию я уже два года изучаю, и Вы даже не представляете, как важно для меня эта статья! Вернее – вообще вся эта тематика...

– Я с Потапом про это вообще не говорил. Вернее – я пытался, а он всё про вампиров слушать хотел.

– Нет! Мне интересна именно экология! Иначе это была бы вообще уже... многие писали по общим вопросам, а про экологию – ни кто! Я буду очень полезной в работе! Пожалуйста, не отказывайтесь от меня! Я могу принести очень много нужного и полезного. Мы вместе вообще всё это можем вывести...

– Ника! Слушайте меня: «у меня сейчас нет времени, так как уже через полчаса я должен спуститься в кафе «Ёлки-палки» для встречи с одним важным человеком». Всё остальное Вы мне потом рассказать сможете.

– Когда?

– Завтра в десять звоните. До свиданья.

– Я очень ра...

Трубка запикала, а Ника глубоко вздохнула. Всё тело почему-то горело странным огнём возбуждения. Ещё довольно долго это возбуждение не отпускало журналистку. А Ной также был как-то неприятно встревожен. Если бы он знал, что спокойствие его жизни потерпит невосполнимый изъян от всего этого! Но сейчас нужно было спешить к Эрасту.

ГЛАВА 7. СЕРЁЖКИ СВЯЗИ.

После того, как Ной окунул камень в расплав, прошло не так уж много времени по календарю, но секретов для него открылась масса. Все его первые открытия начали как-то тускнеть и забываться. Не то, что бы они были не нужными, а то, что они стремительно развивались. Первым шагом случился отказ от первоначального фиксажа-игрушки. Побаловаться с его кристаллизацией было интересно, но – бесполезно. Вот именно в тот момент в голову и пришла наглая мысль попробовать биосинтез. Ничего другого, кроме как попробовать обычную воду, в голову не пришло. Оно и правильно, что не пришло... Вода открыла Ною просто безграничные возможности. Во-первых, ни каким живым существам просто в мысли не могло прийти жить в тиосульфате натрия. А во-вторых, мысли по ней бежали гораздо веселее. Ной ставил плошку с водой, в которую опускал свой кристалл. Кристалл ловил его мысли и вещал

их жидкости. А уж в плоске происходило то, что говорили мысли. Потом оказалось, что если рядом будет стоять вторая плоска, то в ней также, как и в первой, будет происходить тоже самое! Получалась уже передача мыслей на расстояние. Понятно, что чем дальше друг от друга они стояли, тем хуже была связь. Но если рядом с ними лежал, например, мокрый шланг, то расстояние ни чему особо не мешало.

Это стало известно уже давно. Ещё во время выжигания государственного чайника, Ной активно использовал пожарный спринклер, который шёл через всё здание и свой распылитель открывал как раз над самым чайником. Это оказалось очень выгодным. Найти выход на этот спринклер не составило особых проблем. Так получилось упустить из него маленькую водную струйку вниз, а потом – начать бурный процесс ржавчины. Это принесло немножко бурного подсознательного уважения Эрасту Рифовичу, но без следующего шага это было бы просто мелкой пакостью, не более того.

Делать это было просто, так как нужно было только запустить цепной процесс кристаллизации, а потом смотреть, как сами по себе быстро растут кристаллы. Но на этом Ной понял, как нужно было представлять сближение и взаимодействие молекул. А потом начались проблемы. Дело в том, что для того, что бы создать что-то действительно сложное, нужно было очень хорошо представлять молекулы вещества. И ладно – молекулы, но и атомы вплоть до их строения. А разум человеческий устроен так, что в момент, когда ты отчётливо представишь «нос» – «хвост» забывается напрочь.

Ной легко понял, как представить, например, подлетающими друг к другу две молекулы, хлора и водорода. Представить, как они объединяются друг с другом. И самое главное – они при этом действительно подлетали и объединялись в миске с водой! Но не тут-то было. После этого нужно было предельно быстро понимать, что с ней делать во след за этим. Отвлёкся на мгновение, а созданная молекула встретила в него ещё какую-то другую молекулу и с ней ещё объединилась. Непорядок это...

Всё это заставило научиться думать на другом языке, на языке молекул. Сначала это казалось парадоксом, а теперь – доказано, как говорил великий Гамлет. И через некоторое время Ной уже владел этим языком. Он научился мыслить молекулами.

Процесс работы действительно стал походить на какое-то магическое действие. На середине комнаты стояла тарелка с водой, в которую была опущена привязанная ниткой к люстре брошь с большим камнем. Рядом с ней на полу сидел и сам маг. Не мигая смотрел на камень долгое время. После чего начиналось изучение тарелки, не завелась ли в ней жизнь. Хоть бубна и не было, но всё это походило на какое-то камлание.

В этом процессе длительных мучений над тарелкой, Ной заметил одну непонятную вещь. Когда он начинал мыслить молекулами, то иногда ему на ум

приходила дверь холодильника. Как и почему она появлялась было не до конца ясно. Но это была чужая дверь! В то время со своими опытами Ной переехал на кухню, так как долго сидеть на полу по-турецки было уж больно неудобно. Так вот, в голову ему приходила чужая дверь. А однажды – она хлопнула! От этого наш маг прямо подпрыгнул на своём диванчике, на который он теперь садился на кухне, а то, что зарождалось в тарелке, тут-же передохло.

Поражённый случившимся, Ной продолжил думать над своей тарелкой. И через некоторое время он «увидел» свою соседку, которая собиралась варить сосиски. Увидел он её не в виде живого видео, скорее понял, что это – соседка сверху, а берёт она в холодильнике – сосиски. Взгляд упал на кран водопровода. Мысль просто побежала по нему наверх, к ни чего не подозревающей соседке. В голове Ноя, просто как нежданный фейерверк в тёмную ночь, родилась новая мысль. Оказывается, в другом направлении эта мысленная связь также работает! Можно не только передавать свои мысли во вне, но и «вне» уметь чувствовать. Через какое-то мгновение это уже представлялось полностью понятным и, более того, совершенно справедливым.

Побаловавшись одно мгновение с соседкой, он был возвращён к работе своим суровым разумам. Но оказалось, что его разум очень многое знает, только хозяину всё сразу не говорит. Двух дней не прошло, как стало понятно, что «слушать» мир нужно другими камнями. Ведь когда даёшь команды, передаваемая «воля» должна быть в виде концентрированного луча, направленного та ту точку, в которой он что-то делает. А когда направление стало обратное, то всё увиденное нужно было, наоборот, собирать в одну точку. И для этого огранённые кристаллы не подходили. Вообще по жизни получалось, что всей этой работой руководит какой-то странный случай, устраивающий исключительно нужные случайности. При более детальном рассмотрении, его уже хотелось назвать закономерностью. Вот эта случайная закономерность сначала и дала огранённые кристаллы, правильные грани которых собирали воедино передаваемые мысли. Потом, когда Ной достал уже не огранённый камень, то оказалось, что он совершенно непригоден для создания чего-то. Если бы в начале пути в руки попался именно такой, то не известно получилось бы у Ноя хоть что ни будь. Но колечки с такими камнями не делают. И хорошо, что не делают!

Эта потребность познакомила с очень нужным человеком – ювелиром, который и занимался огранкой камней. Правда, сам он считал, что судьба привела Ноя к нему ему, а не его к Нюю. Но этот вопрос так и остался неразобраным. Дело в том, что нужный товар можно было достать только у него. Конечно, где-то рядов всегда кружился призрак нарушения закона, но ювелир уже давно приспособился к нему. Он даже в некоторые моменты использовал его при огранке. Он также был натурой ищущей. Правда, в

основном – деньги. Он обнаружил, что этот молодой мужчина каким-то невероятным чувством видит внутреннюю структуру камней, где у них трещинки, как ложатся собственные грани кристалла и многое в этом роде. Как он это видел – ювелира особо не интересовало. Даже если бы у нового знакомого дома отрастали маленькие красные рога и хвост, или бы он на ужин пользовал кровь юных девственниц, то и это особого впечатления не произвело бы. Он сразу понял свою выгоду от знакомства и то, что сам мог за неё дать. Ноя он знал под настоящим именем: ведь нужно было оформлять много официальных бумаг, в которых ники интернета силы не имели. Но официально Ной был ему неизвестен. Так вот – камень был получен. Даже немного огранён. Это было ещё одним изобретением Ноя – для связи с собой ему нужно было делать своеобразную «линзу», которая собирала бы в кристалле всё принятое в единый «луч» и отправляло бы «слушателю». Получалось, что не огранённое «тело» камня собирало сигналы с разных сторон, а огранённая его верхушка всё собранное выдавало в голову Ноя. А в нынешнее время во входную дверь нагло звонили.

ГЛАВА 8. ПРИДЁТСЯ ЗНАКОМИТЬСЯ.

Ника пришла к Ною в назначенное время, но домой. Уж очень ей хотелось приди пораньше. Она даже уже полчаса сидела во дворе и в своём вежливом бездельи внимательно изучала дом. Но время пришло, и она, подловив заходящего в подъезд жильца, проскочила во внутрь мимо домофона. Кнопка звонка была утоплена.

– Можно к Вам?

Ной не сразу и не до конца понял, кто стоял у него в дверях.

– Зачем?

– Но ведь мы по телефону вчера договорились... Вы согласились принять меня сегодня...

– А! Ну, если договорились – заходите.

Вообще Ной пожалел, что вчерашняя суета со сбором и разговором вынудила его так уж просто назначить встречу, что она даже в него в сознании не очень отложилась.

– Но... я думал, что по телефону поговорим... А откуда адрес мой известен-то?

– Ой, так ведь лучше поговорить будет. Мне так много нужно спросить, записать, понять и решить! Я подождала назначенного времени у Вас во дворе – мне так было интересно узнать, где и в какой обстановке появляются Ваши светлые мысли. Ведь чаще всего бывает, что незначащая на первый взгляд мелочь приносит самые нужные мысли! А при личном общении такие мелочи чаще всего и замечаются. Извините меня, пожалуйста, за это. За то, что пришла

к Вам сюда. Но я так была поражена этой Вашей мыслью про связь экологии и магии, что очень хочу понять о ней больше, да и написать чудесные статьи! А адрес мне дал Потап.

– Я магией не занимаюсь.

– Да, да, конечно. Это я просто так неправильно говорю и в некоторых терминах ещё путаюсь. Но Вы ведь мне скажете правильные слова? Я очень хочу этого! Сейчас весь мир стал на столько занятой и корыстный, что вопросы экологии вообще ни кого не волнуют. Вернее – волнуют, но в основном по направлению добычи нефти.

– Я этим и занимаюсь.

– Ведь это и наносит почти непоправимый вред природе! А мы ведь как раз есть также часть природы. И люди не понимают, что просто так выкачивая кровь Земли, лишаются в чём-то и своей крови. Извините, я вас не смущаю чем ни будь?

– Нет, нет. Не переживайте. Просто... просто иногда хочется Вам заклеить рот скотчем.

Правда Ноя произвела короткий и тихий, но – истерический смех. Но если бы за разговором со стороны смотрел писатель, он бы написал, что эта шутка в одно мгновение разрушила лёд непонимания между говорящими.

– Ой, я исправлюсь! А вообще – у меня скотч есть. Дать?

– Спасибо. У меня – свой.

– Вы занимаетесь разливами нефтёй?

Ника так ударения в этих словах особо не произносила, но Потап объяснил ей тонкости профессионального сленга. То, что «у нас нет нефти» в корне отличается от «у нас есть разные нефти» отличается в корне. Этим случайно залетевшим словом она хотела показать свою компетентность в этой сфере и свой квалифицированный подход.

– Меня это волнует лишь косвенно.

– А что Вы могли бы предложить для повышения экологии её добычи?

– Вероника, Вы ведь понимаете, что это моя любимая тема? А самое главное – это длинная история.

Ника понимала всё предельно быстро. В ответ на эти слова, она изобразила, что застёгивает у себя на рту застёжку-молнию и достала диктофон. Эта реакция Ною понравилась, и он не смог сдержать себя и не рассказать перед ней все свои тайны. Тонкости создания водоросли он естественно говорить не стал, но «экологию» постарался удовлетворить в полной мере.

– Я создал водоросль. Одноклеточную водоросль. Но фотосинтеза в ней не происходит, а живёт она тем, что перерабатывает нефть. Ну, вообще – маслá. В нефти вообще веществ много. Поти вся таблица Менделеева, так что с ними проблем не возникает. Так вот, плывёт капелька нефти, а ей навстречу –

эта водоросль. Слившись в полном экстазе, в водоросли все химические элементы начинают расщепляться и превращаются в водо-нерастворимые вещества. Короче – в песок. Пока понятно?

Ника молча выразила полное и безоговорочное понимание.

– Со временем песка в водоросли становится много, и она собирается размножаться.

– Так там же песок!

Ной сделал рукой жест закрывания воображаемой молнии.

– Песок ей мешает. Тогда она переходит ко второй фазе своего существования – ядро её единственной клетки делится на две или четыре части, после чего они начинают делать у себя на поверхности новую оболочку.

– Так на две или четыре?

– А это – как нефти у неё будет. А оболочку самой водоросли разрывает образовавшаяся песчинка, которая на свободе свободно падает на дно. А вместо водоросли остаются образовавшиеся её споры. Потом они всплывают к воде, где прорастают вновь до новых водорослей, и снова – в бой на нефть.

– А они что, пока не растут?

– Ну, пока ещё не растут. Только, вон, в банке – растут.

И Ной ткнул пальцем в стоящие банки с прозрачной водой и бежевым осадком на дне и стенках. На Нику это особого впечатления не произвело, и её мысль сразу полетела по другому направлению.

– А что это даёт-то?

– Ну как же, есть, например, разлив нефти в водоёме. Мы выливаем в него стакан с водорослями и через некоторое время нефть, уже в виде песка, оседает на дно. Да и вообще...

– А патент на этот метод есть?

Ной на это почему-то рассмеялся.

– Патент на что? На строение водоросли? Или на выливание стакана воды?

– На метод очистки.

– Нет. Эти вещи, хоть они и работают безотказно, не патентуют.

– Ну, не патент, а авторское свидетельство?

– Авторское свидетельство... там есть!

Изобретатель после некоторой паузы показал пальцем наверх, туда, где жила его соседка. Но он имел в виду не её.

– Я знаю, что учёные, которые закрепляли землю на нефтедобыче с помощью грибов, кажется, и свои разработки защищают.

– Ну, так там идёт разговор про использование существующих в природе микроорганизмов, а этой водоросли пока ещё в природе нет.

– Как это нет? А откуда же она в банке?

Ной опять хитро засмеялся.

– А голова-то на что?

Ника же пыталась, из всех своих сил, понять, почему это нельзя запатентовать метод. Но у неё это не получалось.

– Я не согласна! – насупившись, резюмировала собеседница – Подумаешь, в природе нет, но ведь в банке то её найти можно. Достаточно создать маленькую научно-практическую фирмочку, которая якобы провела многочисленные опыты, вырастила эту водоросль, определила её пригодность к нужнейшим экологическим мероприятиям, и совершенно спокойно запатентовала её. А потом... потом – бутылочки продавать с ней!

Тут уж Ной просто поморщился. Про деньги ему думать, конечно, приходилось, но прилагать массу усилий, что бы продать результаты своего труда ему было как-то противно.

– Так не получится. Дело в том, что через некоторое время эта водоросль захватит весь мир! А продавать... – Ной ещё раз поморщился – то, что будет в каждом стакане воды...

– А как туда она попадёт?

– Я банку с ней в реку вылил.

– И потом она сразу захватит весь мир?

– Да. Она очень быстро размножается. Я как раз провожу сейчас опыт по её распространению. Правда... – Ной задумался над сказанным – обратного пути всё равно нет. Я познакомился с одним дедушкой. Он был боцманом на кораблях. Мне его внучка в сети «сдала». И номер мобильного телефона, который сама ему подарила, прислала.

– А с внучкой Вы как познакомились?

– Какая разница! Внучка к делу совершенно не относится. Так, просто контакт в сети. А относится то, что он живёт на Камчатке.

– Там нефть добывают?

– Нет. Но это самая отдалённая от меня точка в мировом океане, на котором я друзей завёл. И я жду, когда моя водоросль доберётся до Камчатки.

Сказанного хватило для того, что бы понять, что здесь есть открытие и что писать тут можно вволю. Никины руки уже просто чесались от предвкушения этого процесса. Одно только её продолжало волновать, правда, уже как-то неприятно.

– А магия к этому как относится?

Дело в том, что она понимала, что опытный обманщик расскажет ей любую сказку, спокойно покажет банку с грязной водой, прилепит к этому любую фантастику, прочтёт любую мантру, после чего её, Веронику Александровну, просто поднимут на смех.

– Какая магия! Рядом она тут не лежала! Это Потап ваш придумал на пустом месте. Я, конечно, с дуру, ему про свои методы рассказывать начал, а он

и подумал, что я – колдун. А после этого он только про вампиров слышать и мог.

– Дурак он! – вдруг выпалила несколько успокаивающая Ника – Мы напишем самые лучшие статьи, и совсем – не про магию. Я пойду писать.

– Иди.

Вообще Ника за разговор несколько изменилась. Она, как опытный хищник, почуяла «тему». Даже её речь от этого стала лаконичной. Все чувства обострились до предела. Мимо уха даже не пролетело то, что Ной в последней фразе назвал её на «ты». Казалось, что она начала чувствовать даже капающую из крана на кухне воду. Но – вода из крана не капала...

ГЛАВА 9. ВИЗИТ К МИНОТАВРУ.

Ночью Ника спала плохо. В какие-то редкие мгновения сна она видела, как большие зелёные волны водорослей окутывали сидящего под водой Главного. Причём при этом он сидел с явным видом того, что стал «владычицей морскою», чего журналистке совершенно не хотелось.

Главный действительно после последнего разговора пребывал в исключительно умиротворённом состоянии. Он вволю выпил Потаповой крови, возбудив в нём сначала – претензии к Нике, а потом – жадность о Ное. Ни того ни другого он ясно не представлял, но общее впечатление было положительное. А у Ники кровь пить он чаще всего подсознательно не начинал. Во-первых, было просто жалко. Ведь если какой ни будь исследователь разденет её, то он обнаружит под одеждой тельце измождённого голодом подростка, в котором и крови-то, наверное, не наберётся с избытком. Другое дело – Потап! Его просто наполняли зависть, жадность, горделивость, безделье и вкусная еда. Да год от года он и толстел, так что пить кровь у него было легко и приятно. Во-вторых, Ника чувствовала, что крови у неё маловато и её она просто так не отдавала. Только – открытым боем. А в нём было возможно всякое. Также было и в третьих. Дело в том, что было не до конца понятно, что течёт в её энергетических сосудах. Это ведь в ряде случаев могло оказаться и ядовитым. И вот именно сейчас Главный такую ошибку и допустит. Хлебнув кровушки у расчувствовавшейся и возбуждённой журналистки, он тут-же заработает катар, который заключится в мысли о том, что это не он является первооткрывателем темы. Но пока Ника только поднималась в самом начале дня в его кабинет.

– Ираклий Феопемптович, можно?

Да, иногда Главного называли «Ираклием Феопемптовичем», но это было позволено далеко не всем. Лишь только некоторые работники могли выговорить его отчество, и это умение считалось чем-то вроде дара небес. Отчество это было своеобразным «проклятием церкви», которое заслужил на

свою голову его дед. Был он в самом начале двадцатого века простым крестьянином, который очень сильно поссорился со своим попом, иначе и не скажешь... Как-то звание «священник» плохо согласуется с понятием «месть». А поп – отомстил, как умел. Просто в одно зимнее утро у этого крестьянина родился сын. Имена в ту пору давались священником при крещении. И хоть дед редактора ни чего не имел против священномученика Феопемпта, но решение дать его имя ребёнку было-таки воспринято как месть. Так вот, Ника спокойно произносила это отчество. Вообще она очень хорошо владела языком и слова из неё, бывало, просто лились неостановимым потоком Ниагарского водопада.

– Заходи, заходи. Статью написала?

– Да, написала, только вот ветер листочек на улице сдул.

Шутка была понята, но улыбки вызывать она не должна была. Это просто был глупый ответ на глупый вопрос, ведь времени прошло с моменты выдачи задания – два дня, причём суббота и воскресенье.

– Мысли?

– Море.

– Глубокое?

– Не достать.

– Кончай экзерсисы в лаконике и рассказывай всё в своём стиле.

– Ой, господин главный редактор, что я нашла! Экология на все сто процентов. И не только экология, но и – нефть, и деньги, и скандал с учёными, вопросы авторского права, научные исследования, открытия, редкие водоросли. Как вижу – статьи три друг за другом, не меньше, командировка, может быть, целый цикл статей.

– А магия какая?

– Вся магия у Потапа. Его человек сказал мне, что он – дурак. Никакой магии и в помине. Пока я у Ноя была, я даже в научный эксперимент почти попала, а камланий не было вовсе. Это – пусть Потап камлает.

– Где ты была?

– У Ноя. Того от-потапного человека зовут «Ной Комиту». Он вполне нормальный русский человек, но представляется везде своим псевдонимом. Мне рассказал очень много вещей про своё изобретение. А изобретение – ещё то!

– Так он не маг?

– Совсем не маг. Я его дела не читала, но, по-моему, он – химик. А может быть, и – ботаник. Дело в том, что он изобрёл водоросль, которая растёт на нефти. И, как съест её, так это всё... в песок превращает. Убирать такой штукой нефтяные разливы на воде просто замечательно!

За то малое прошедшее время Никиного «доклада» Главный успел соскучиться и просто начал глубокий вдох, что бы потом его выдох объяснил всю ерундовость этой информации. Но этого сделать не получилось.

– Так вот, наши учёные про такую водоросль и технологию вообще не в курсе. Я смотрела из дома интернет по этому вопросу. Много узнать не успела – у меня всего часа два было, но и за них я поняла всю новизну. В следующий раз он обещал провести опыт, которым покажет работоспособность своих предложений. И он – истинный учёный, который всё делает бесплатно. Он не зарегистрировал своё изобретение, а оно денег может море принести. Академия наук метод «проспала», коллектива работников вокруг него нет, вместе работать он согласен, это изобретение нужно будет в каком ни будь ЗАО нашем новеньком официально опробовать и начать просто продавать. И параллельно с этим статей море написать. А мне нужно будет в командировку ехать.

– На Канары?

– Нет – на Камчатку.

Камчатка Главного удивила. Дело в том, что он начинал подозревать, что просится его журналистка в тёплые края, а тут оказалось обратное. Эта радость также его подвела, так как, обрадовавшись, он сразу дал согласие на такую командировку. Но если бы она полетела на Канары, то денег пришлось бы потратить меньше. А в момент обещания он про это не догадывался. Вообще из всего сказанного было понятно, что что-то важное есть, и что Потап – дурак.

ГЛАВА 10. СКУЧНЫЕ ПРЯНИКИ.

После разговора с Главным, Ника совершила целый ряд пробежек по ранее совершенно незнакомым местам. В большинстве мест от неё отмахивались, иногда – выслушивали, иногда – немного говорили, но после этого она поняла, что путь её снова лежит к Ною. Как она для себя начала говорить – «на ковчег». Статья уже росла довольно активно, но в существе своём она была ложью о лжи. Если рассказанная сказка Главному и могла быть названа «преувеличением», но в опубликованном виде она могла начать называться «ложью». Особой проблемы это название не создавало, но заслужить его не очень хотелось. Сейчас на маленькой головке начали расти два красных рога. Нужно было, во что бы то ни стало, соблазнить Ноя на сотрудничество, параллельно узнав, не обманывает ли он сам. Соблазнить деньгами – не получится. Он к этому безразличен. Возглавить фирму – тоже не очень верится в притягательность. Но ведь учёный же... Стало быть, должен реагировать на честь имени. А если на это не прореагирует, то тогда соблазнять судьбой изобретения. Нужно было пробовать всё.

– Здравствуйте!

– И Вам не хворать.

– Мы так много не договорили в прошлый раз! Ведь то, что Вы сделали, заслуживает самой высокой научной оценки! Это нужно изучать и внедрять в

самые широкие сферы человеческой жизни. Ведь тут не только экология, тут и добыча нефти, добыча вообще разных веществ. Об этом нужно кричать во весь голос. Эти мысли и технологии не должны пропасть в неизвестности. Ведь то, о чём я в прошлый раз говорила, уже стало интересно. Я говорила про наше новое ЗАО, но я так мало знаю...

– А я – не верю. Не верю во все эти вещи.

– Но почему?! Ведь без этого даже очень хорошая и нужная идея будет обречена на забвение. Признание обществом тех или иных научных достижений невозможно без их апробации и обнародования.

– Ника, скажи мне, почему ты всегда какими-то лозунгами говоришь? Да, предлагаю на «ты» перейти. Не против?

Против Ника не была, но говорить без лозунгов пока не могла.

– Нет, не против, но что без лозунгов я могу сказать?

– Так я тебе говорю мало?

– Мало...

Рожки как то в одно мгновение заросли обратно, а им на смену, откуда не возьмись, выбралась маленькая плаксивая девочка. Вообще эта роль была практически неизвестной, но крах искушения произвёл такое действие. Уже почти плача, она продолжила перечислять свои неудачи.

– Вы ведь... ты ведь мне ничего написать не позволяешь... вернее – не даёшь написать. А я так всем этим... нравиться мне, да и есть о чём писать... просто, хоть – роман. А Вы мне ни крошечки показать не хотите! А я ведь полезная, очень полезная!

– Ну, очень полезная, секундомер у тебя есть?

Ника почувствовала, что эта золотая рыбка успешно заглотила её стихийно возникшую наживку. Поняв где-то в своей глубине, что плаксивых тут не любят, она тут же вернулась в своё привычное деловито-возбуждённое состояние.

– Ой, два, есть! Я как раз недавно себе на планшет скачала себе чудный таймер! Как всё интересно получается, ведь я понятия не имела раньше, зачем он вообще нужен мне. А он так точно считает! До этих, эм-секунд.

– Ну, миллисекунды нам не потребуются, а точный таймер будет полезным.

– Я готова.

– У меня была одна проблема. Я хотел замерить время распространения водорослей в воде, а одному мне нужно было сначала в трубу водорослей запустить, а потом – бежать включать таймер.

Ника обрадованно начала доставать планшет, а Ной почему-то обрадовался тому, что мысль измерить время сейчас пришла к нему. Вообще, время это он измерял. Точности здесь особой не требовалось, но эта

журналистка чем-то приглянулась молчаливому учёному. Может быть, он видел в ней свою вторую, недостающую болтливую половину.

– Ну, пойдём, журналист разговорного жанра.

Точно узнать это время было нельзя. Нельзя – по тому, что на этот процесс влияло множество посторонних причин. По какому «пути» водоросль будет расти было не особенно ясно. Если до Камчатки пойдёт по Северному ледовитому океану, то тогда получается примерно десять тысяч километров. А если она там просто замёрзнет? Или нефти себе в еду не найдёт? Был и другой путь – по Индийскому и Тихому. Но тут расстояние почти что удваивалось, хотя здесь – теплее, да и мир водоросль «посмотрит»...

Ной взял ведро и пошёл в ванную за водой. Ника побежала за ним с планшетом в руках. Формально это походило на какую-то махинацию, но участие в опыте воспринималось ей, как какое-то чудесное явление. Простое наливание воды превращалось практически в священнодействие. Но работать её все же, хоть немного, но заставили. Она трясла бутылку с водой!

В комнате, куда Ника просеменила за учёным с ведром, был умеренный беспорядок и в его центре, как чучело рыбы на специальных стойках, стояла стеклянная длинная труба. Ной взял бутылку из под шампанского, налил в неё воды и добавил... Девушке подсознательно подумалось, что сейчас вода из под крана превратится в чудесное шампанское, но в неё была добавлена ложка какой-то чёрной жидкости и запечатано всё было пробкой.

– Вот теперь – трясина как можно энергичнее. У тебя теперь ещё одно гордое имя: «журналист-эмульгатор»!

Что такое «эмульгатор» было не до конца понятно, но звучало учёно. В трубе уже булькала вливаемая вода, а делать эмульсию оказалось делом тяжёлым. «Энергичнее» несколько раз заканчивалось. В эти промежутки эмульгатор видела через зелёное стекло какую-то мутную и грязную жидкость. «Такая вода, наверное, и есть в местах её добычи» – пришло в Никину голову.

– А что это за чёрная жидкость такая?

– Нефть.

– Какая грязная, плохая...

– И ни какая не плохая. Хорошая, лёгкая нефть.

– Ничего себя – «лёгкая»! Я уже себе ей все руки оттрясла!

– Приготовление качественной водно-нефтяной эмульсии – основное действие, обеспечивающее высокую репрезентативность опыта по микробиологическому расщеплению промышленно добываемых углеводов. – Менторским тоном заключил широко улыбающийся Ной.

Тем временем одна из сторон трубы была поднята, на имеющуюся на стойке, ножку. В неё и было вылито через воронку почти всё ведро. И дождавшись того момента, когда сил у Ники на трясение уже не было, Ной забрал из трясущейся руки бутылку, открыл её и вылил всё содержимое в

трубу. Покачивая её несколько раз вверх-вниз, Ной сделал всё содержимое грязным, в мелких черных капельках. Закрыв отверстие другой, специальной крышкой со специальной дырочкой, через которую он мог ещё что-то долить внутрь, он вернулся вниманием к гостю.

– «Королева, мы терпим последние мгновенья!» Соскучилась бутылку-то трясти?

– Да сколько угодно... Ещё нужно?

– Устала, устала. Понимаю. Чувство юмора утомление извело в конец. А секундомер-то где?

Планшет лёг на колени девушки, которая уже в процессе эмульгирования захватила под себя стул. Глазки Ники открылись, она расположилась, как зрительница в театре перед стеклянной сценой, заполненной грязной водой, к производству которой она сама имела отношение. Ной достал ещё одну банку с опять грязной жидкостью, но только белёсого бежевого цвета.

– А вот и главный актёр нашей пьесы. Споры водоросли. Акт первый. – В напускном театральном величии заявил Ной, а после обычным тоном добавил – Как вылью в трубу – запускай секундомер, а как изменение цвета дойдёт до конца – выключай.

Не поняв существо опыта, Ника с готовностью углубилась в него. Опыт шокировал своею зрелищностью. Вся скука предварительной подготовки была просто сметена увиденным. Весь процесс настолько захватил всё внимание, что к остановке секундомера её принудил Ноев окрик. Попавшая одна грязная жидкость начала стремительно изменять другую грязную жидкость. Сантиметр за сантиметром раствор начал менять цвет, он мутнел, становился бежевым, потом начинал переливаться. И вот когда эта волна дошла до конца, труба уже выглядела совершенно по-другому.

– Время какое?

– А? Время? Тринадцать секунд, пятьсот шестьдесят эм-секунд.

– Ну, миллисекунды нам не нужны. Мне вот одному померить так сложно было. А про это в статье напишешь? Или скучно больно и писать не о чем?

– Любое можно...

У Ноя, в глубине души, почему-то воцарилось глубокое спокойствие и редкое удовольствие. Почему это произошло было не очень понятно, но очень захотелось пряников. Вчера как раз эта часть опыта была успешно подготовлена в близлежащем магазине. На чём опыт и был завершён.

– Ну, тогда пойдём чай пить.

ГЛАВА 11. ЛУКАВЫЙ ПОМОЩНИК.

А в это время Главный находился в глубоких раздумьях. С одной стороны, всё, что рассказали Веронике, могло оказаться уткой. Причём очень пушистой.

Ругаться с учёными из-за этого могло оказаться совершенно напрасно. А если нет? Если не утка? Если маленькая «Вероника де-Арк» нашла что-то стоящее? Глубины жадности редактора почему-то всё время говорили перед его внутренним ухом только одно слово: «деньги». Фантазия рисовала вокруг найденного огромные заводы, отгружающие тонны водорослей по заказу нефтяников всего мира. И тут, в образовавшееся в ней окно, заглянул Потап. Его толстенькое личико просто физически представилось над фантазией Главного. Он поморщился от этого. Потап, конечно глупенький. И – жадный. Его уровень – писать про заказываемых политиками проституток. Но он обладает ценнейшим качеством. Потап полностью управляемый. Даже если взбрыкнёт, рубль его тут же вернёт в прежнее состояние. Самое лучшее решение всех планируемых проблем виделось именно в его огороде. «Нужно звать» – опять сказал внутренний голос.

Главному повезло – Потап был на месте. Сейчас фантазий по поводу того, чтобы напугать своего подчинённого визитом, не возникло. Как раз наоборот, нужно было явить свою власть и показать своё верховенство во всех вопросах.

– Можно?

– Заходи, Потап. Звал.

– Я вчера подал статью про те финансовые игры вокруг выделения земель...

Сейчас это было Главному уже совершенно неинтересно. Он вчера просматривал эту статью, и сейчас она была в руках корректоров.

– А, да, да. Я видел. Ты мне вот что скажи, Потап...

Главному очень хотелось, чтобы его подчинённые слушались его команд, как гребцы на древнем японском корабле. Очень хотелось просто крикнуть «туда!», а гребцы под удары специального барабанщика гнали корабль в этом направлении. Но его не было... Не хватало барабанщика, который доносил бы всем работникам ритм мысли Иракий-сана. А ритм этот сейчас был очень энергичным, хоть и не совсем стройный. Если бы был бы такой барабанщик и такие гребцы, то этот корабль очень быстро крутился на одном месте.

– Потап, на днях шёл разговор про экологию.

– Так ведь эта статья Нике поручена, пусть она и пишет!

– Да, не волнуйся ты про это. Она напишет, но я хотел бы знать про этого человека.

Маленький, комнатный Наполеон Потапа заложил руку за борт мундира, повернул голову набок и высоко поднял подбородок.

– Да, это мой человек.

Главного не очень устраивало говорить с Наполеоном, поэтому он несколько поменял шум ударов своего барабана.

– Потап, присаживайся за стол и внимательно меня послушай.

Наполеон был несколько удивлён тем, что Главный сел не в начальническом кресле, а на стул напротив. В глубине души он понимал всю искусственность этого поведения, но «потерять лицо» в отвержении начальничьей милости не следовало. Так что рука была вынута, треуголка снята, и маленький Наполеон снова стал Потапом.

– Слушай внимательно и пойми всю важность и конфиденциальность нашего разговора.

– Да слова Нике не скажу!

Потап был умным в таких делах. Не только умным, но и подлым. Главный всё это очень хорошо знал, а сейчас опытной рукой доставал из мешка довольно толстенную гюрзу, что бы сцедить её яд для опытов. Гюрза об этом догадывалась, но сейчас была не против.

– Кажется, у нас на горизонте появилось очень серьёзное дело.

Лицо Потапа молчаливо заявило, что это ему известно и, более того, «растёт» из его материала.

– Я помню, что это была твоя тема, помню, что вы сами договорились, кто её будет писать. Мне больше хотелось, что бы её писал именно ты. Но это очень сложная тема... Я немного сомневаюсь, что Вероника сможет там сделать всё правильно. Но на этом этапе я не хотел бы кардинальных перемен в вопросах авторства всего этого... Если бы ты взял на себя эту ношу, то я, в свою очередь, нашёл бы возможности правильного перераспределения результатов...

– Это про магию-то?

Главный расплылся в хитрой, глубокомысленной улыбке.

– Это ты так считаешь. Но бывает полезным, копнуть лопатой на весь штык, а не совком ковыряться. Ника воткнула штык, но вынуть его не сможет. Ты это понимаешь?

– Мне нужно аккуратно подключиться к этой теме, понять всё её существо и оказать максимальную помощь своей коллеге?

– Я рад, что не ошибся в своих мыслях о тебе. Мне в этом деле нужен твой сильный и цепкий, мужской ум.

Это было сказано, скорее, для Наполеона, а не для Потапа. Было совершенно понятно, что здесь было просто в волю чванства, много корыстолюбия, море горделивости, чуть-чуть умения писать статьи, а мужским был только желудок.

– Я надеюсь, что всё будет сделано правильно и на то, что всё это останется между нами.

– Ираклий Феоп..., когда это было по-другому?!

– А сейчас иди к себе, а мне нужно кое-что узнать по этому вопросу.

Выставленный из кабинета Потап постоял немного в пустом коридоре. Просто – постоял, но в голове только-что назначенного японского барабанщика

роилось много разных мыслей. Они были ещё не очень оформленные, да и руководящих обязанностей особо на него возложено пока не было. Но они были милы и желанны. До того милы и до того желанны, что просто ролью исполнителя воли начальника Потоп и не удовлетворился бы, хоть очень умным он и не был, а вот именно японским барабанщиком получился бы на славу.

А начальника начали терзать, по им же установленному плану, мысли об учёных. Начать их обвинять, что они водоросль и изобретение проспали? То, что ни чего не делают? Поссорится с ними, и завезти себе довольно ядовитых врагов? Проглотить-то они не смогут, но яда выпустят вволю. Прооппонировав себе сам, Главный решил пойти другим путём, противоположным первому. И после таких не очень продолжительных раздумий, перед Председателем секции Академии наук замаячил целый ряд не очень пока понятных вопросов. Уж лучше сделать из врагов – друзей, чем из друзей – врагов. А научный истэблишмент до этого был скорее – друзьями.

ГЛАВА 12. МЫШКИН ЧАЙ.

Вероника, как послушная мышка, побежала мелкими шажками за хозяином на кухню. Существо опыта было ей совершенно не понятно, но сам он показался вполне красивым. Победную песнь протрубил чайник со свистком и из мешка на стол выползли пряники. Очень хотелось говорить, а Ной, как назло, замкнулся и над чем-то задумался.

– Опыт красивый, только... как-то...

– Впечатления не произвёл?

– Нет, наоборот! Только как-то не очень понятно, что ли...

– Ожидался красивый парад с шикарным фейерверком в конце?

– Нет, ну как раз посмотреть, как вода цвет с такой скоростью меняла – классно было, только как это можно на практике то применять?

– Вот я сейчас всё в реку и выбросил.

Ника даже испугалась. Решительная жадность за другого расцвела буйным цветом.

– Как выбросил! Гоголь второй том также сжёг, и что все от этого получили-то? Ведь изобретение всегда могло быть переработано, доработано, расширено, улучшено. Зачем же сразу отказываться?!

– Ешь пряники и ерунды не придумывай. «Выбросил» это не «отказался». Просто я открытую пластиковую канистру со спорами с моста в реку выбросил. А теперь я жду, что из этого выйдет.

– Найдут ли её?

– Ну... я конечно – паразит, и напачкал в природе своей канистрой, но она мне не нужна была, да и особого вреда с неё не будет. Я жду, когда водоросль доберётся своим ходом до Камчатки.

– А почему именно туда?

– А самая далёкая точка, где я нашёл себе помощника. Поймал в сети одну, вроде тебя, болтушку. У неё дедушка всю жизнь на кораблях проплавал, а сейчас пенсию на Камчатке как раз и проживает.

– А кто она сама?

Ника напряглась настолько, что ей слова начали даваться с большим трудом. Она не понимала причины этого, но Ной очень скоро разъяснил этот труд.

– А про что это ты спрашиваешь?

– Ну, вообще...

– А вообще наплевать мне на неё. Просто – житель сети.

– Красивая?

– Ах, вон об чём речь! Ты девочка ревнуешь что ли? Я тебя и так тебя в два раза старше, что бы такие заявки выслушивать.

– А... а сколько тебе лет?

– Мне под сорок, но я повода тебе не давал для таких мыслей.

– А мне – двадцать семь! Ошибся, ошибся!

Вообще Ника не была очень избалована комплиментами, так как под одеждой она выглядела несчастной жертвой детской анорексии. По идее, ошибка немного уменьшала возраст женщины, но воспринята она была так, как воспринимает семилетний малыш то, если его назовут шестилетним.

– Ешь пряники, взрослая девушка.

– Ты ещё скажи – старая!

– Настоящая женщина из ничего может сделать три вещи: салат, шляпку и скандал. Я вообще разведённый мужчинам. У меня к этому прививка уже сделана.

– Извини... пожалуйста...

Последнее «пожалуйста» слетело с худеньких женских губок как-то до удивления тихо, но крайне правдиво. Правдиво и печально. Это сочетание сразу привело Ноя в состояние жалости. Захотелось для неё что-то сделать.

– Ну, ну, ну, ладно. Ешь пряники. А потом я тебе расскажу, что мы с тобой сейчас делали.

Печаль была на редкость мимолётной. Причём возможность есть пряники, и пить чай ни как не повлияла на потребность говорить.

– А почему Камчатка?

– Как понимаю, хочешь спросить про расстояние?

Ника отрицательно помотала головой и сквозь пряник сказала «да».

– Ну, между нами, по прямой, примерно семь тысяч километров.

– Сь.. мь... через чай вторила послушным согласием Ника.

– Если особо не считать, каким путём пойдёт развитие водоросли, можно взять четырнадцать тысяч.

– Так много! Но ведь путь то прямой – зачем блуждать?

– Прямой путь через северный ледовитый океан, но там холодно, да и нефти пока нет.

– А... это он потом через Атлантику, Южную Америку и – к Камчатке?

– Опять – нет. Там Гольфстрим навстречу как из пожарного шланга течёт. Наш путь – в Индийский океан.

– Там тепло...

– Тепло, но посчитать нужно, сколько времени на всё это уйдёт.

– Сколько?

– Умножать умеешь?

Ника привычным движением тут же вынула свой планшет, с которым уже не расставалась. Это вызвало маленький смешок.

– Фрагмент сознания в электронной форме?

Юмором журналистка не обладала, посему шутка прошла совершенно мимо неё.

– У меня там калькулятор есть.

– Наблюдаемая сегодня труба длиной один метр. Водоросль заняла её за тринадцать секунд.

– Угу.

– Значит, километр пройдёт за три часа.

– Ага, и шестьдесят одна сотая... – уточнила у планшета Ника.

– Считай, сколько на весь путь выйдет.

– Пятьдесят тысяч пятьсот пятьдесят пять часов... Но... это же... больше пяти лет получается!

– Получается.

– Но мне тогда уже будет – тридцать три...

– И я подрасту. Долго ждать?

– Ещё бы!

– Тогда на два не умножай.

– Ну – два года, но ведь это также долго!

– Я вылил уже два месяца назад, так что время пошло.

На Никины глаза от неожиданности осознания этого навернулись слёзы. Она забыла про нефть, про водоросль, про океаны и течения. Всё её сознание заполнилось числом «два года». Это было трагичнее, чем девушка в интернете.

– Два года!

– Не подождёшь?

– Два года!

– Но это ведь подготовка всемирного переворота.

Ноя это даже внешне сместило. В глубине души ему, конечно, хотелось получить ответ как можно быстрее, но трагедией это не было.

– Два года!

– Ишь ты, хочешь быстро и сразу!

– Но ведь... о чём писать...

– Всё бы вам писать... Обо мне пиши. Я мужчина, хоть куда, в полном расцвете сил.

– Ну, можно конечно, правда нужно будет...

– Это из Карлсона.

– Извини, я не знаю. Это какой-то шведский учёный?

– Да нет, не учёный. Он на крыше живёт.

– Ему жить, что ли негде?

Журналист из своего разочарования пыталась ухватиться хоть за самую ничтожную мелочь.

– Нет, это мультфильм детский такой был...

– Не видела. Я вообще шведской мультипликации что-то вообще не знаю.

– Ох ты... ё-моё... ну напиши в своём гугле «Карлсон, который живёт на крыше».

– А! – заключила Ника, поведив пальцем по планшету, и улыбнулась, – Только Карлсона сейчас ни кто не знает.

– Это я Карлсон что-ли?

Но у Ники уже блестели слёзы от этой шуточной перебранки. Может быть, что Карлсон этому причиной и не был, а просто «сорвавшаяся» в её глазах тема вытекала слезами.

– Не плачь!

– Нет, нет, я не... – слёзы после этого действительно начали капать.

– Не плачь – журналисты ни когда не плачут!

– Плачут!

– Ну ладно, хочешь понятные опыты делать?

– Да.

– Фирмочку делать?

– Да.

– Тогда – делай!

После двух «да», слёзы мгновенно перестали сочиться. Вообще, Станиславский бы сказал в восторге: «верю!». По факту получалось, что именно это расстройство и вынудило Ноя заняться ещё чем-то интересным. А, может быть, это были и честные слёзы... Ника после чая вышла на улицу уже успокоившейся. Она не очень понимала существа сделанного, но фантазии уже рисовали розовые дали и крепкие стены фирмы. А о ней уже думали другие люди.

ГЛАВА 13. ПЛАНОВ ГРОМАДЬЁ.

От вчерашнего расстройтва не осталось сегодня и следа. С самого утра, почти не постучавшись, почти не спросив разрешения войти, Ника практически ворвалась к Главному в кабинет.

– Ираклий Феопемптович, я видела её! Как она размножается и нефть ест!

Главный в это время уже начинал чувствовать творческий голод. Прошедшие звонки и встреча с великими учёными из Академии наук особых результатов не принесла. Дело в том, что кто-то, что-то, когда-то, где-то так делал, но чего-то полезного особо не получилось. И с целью избавиться от ласково-неотрывно-привязчивого Главного, ему «сдали» какого-то члена корреспондента, который всю работу с нефтяниками. Он порадовал своим визитом и его. Иван Иванович оказался довольно деловым мужчиной, который практически выгнал журналиста своим требованием культуры водорослей для опытов. И вот теперь Ираклий Феопемптович понимал, что он – Ираклий Феопемптович, а самому главному редактору бегать, как простому журналисту, за консультацией не следовало. Но второе, негордое полушарие ума говорило, что с простым журналистом в Академии вообще и говорить даже не стали бы, тем более не стали делиться любой информацией. И его успокаивало осознание своей незаменимости, что ни кто, ни чего подобного кроме него не сделал бы.

– Такие работы ведутся. Учёные разрушают какой-то бактерией нефтяную плёнку. За две недели она полностью исчезает.

– Два недели! А десять секунд не хотите? Наша водоросль съела нефть в метровой трубе за десять секунд!

– Это быстро?

– Невероятно! Эта водоросль обойдёт своим ходом весь Мир всего за два года.

– Что можно сделать?

– Фирму и море статей.

– Всё ясно. Нужно делать опыты. Бери своего Авраама, рассаду этих водорослей и бегом к учёным. Я договорюсь.

– Ной он.

– Пусть хоть и Ной, но учёные не должны ни кусочка этой водоросли получить! Это наша собственность, и потом – наши деньги. Делиться ими не следует. Платить за что-то можем, но не бесплатно делиться.

– Мне понятно, как это сделать. И Ной мне уже фирму обещал.

– Всё – пошла к встрече готовиться, я звоню.

Ника пулей вылетела из кабинета, а Главный взял телефон. Но звонить он стал не Ивану Ивановичу...

– Потап, быстро ко мне!

Потап телом почувствовал всю подоплёку этого крика. Уже через минуту он запыхавшийся сидел у Главного.

– Тема пошла. Ты теперь должен становиться одним большим ухом. Сейчас Ника с твоим колдуном пойдёт к учёным. Ни одна крошка не должна пропасть из наших рук!

– Понятно, но что я буду иметь с этого?

– Ну что, речь не мальчика, но – мужа. Мы делаем фирму, а ей нужен будет руководитель.

– Я?

– Не спеши так. Есть Ника.

– А её что, обязательно использовать?

– Эх... поторопился я с выводами... ты не муж, а – мальчишка! А чего это ты сам с колдуном своим работать не стал?

– Да он ерунду всякую говорил.

– Так вот – нет. Он говорил важные вещи, а ты их, дурак, не услышал. Так что если всё пойдёт хорошо, а я очень надеюсь на это, то в Никиных руках будет бомба. Не давай ей сейчас фирму – она нас просто пошлёт и сделает всё сама. Такие вещи нужно делать аккуратно.

– Потом?

– А как вести себя будешь.

– Как нужно, так и буду.

– Так вот – сиди и молча слушай мой звонок!

Главный набрал номер на телефоне и изменил тон своего голоса со властно-повелительного, на уважительно-заискивающий.

– Иван Иванович, добрый день! Как Ваше здоровье, как спина?

Иван Иванович был сухой, властный и даже жестокий человек. В том, что он не поминал с редактором свои медицинские проблемы, не могла возникнуть даже тень сомнения. А узнано это было через болтливого действительного члена Академии, который и вывел на Ивана Ивановича. С первых же слов Иван Иванович был смущён, что главному и хотелось.

– Ну слава Богу, слава Богу... Не болейте, Вы нам нужны в строю! Перед нами такие перспективы... да, да, помню про образцы, только я ведь – журналист, а тут опытные люди нужны... Что предлагаю? Встретиться предлагаю, обсудить эти вопросы... Не со мной. Придёт мой человек, учёный, который всё это и делал. Очень талантливый человек! Он меня просто с ног сбивает своими мыслями! Поразительно просто, что он предлагает... Только он не один придёт, он с моей журналисткой придёт. Я уж попрошу – вы её уж больно не гоните. Она очень полезная, она эту тему от меня ведёт. Когда у Вас время будет? Послезавтра, в двенадцать... Очень хорошо! Будут как штык! Там же, где мы встречались? Очень хорошо! Успехов, до свиданья!

Трубка была повешена обратно на телефон, с чем властный тон вернулся обратно.

– Слышал?

– Слышал.

– Понял?

– Что?

– Бегом к нашему юристу и экономисту. Пусть ко мне идут.

Потап выбежал, а вдогонку ему летела мысль: «Хорошо, что не понял... Сбегай за сотрудниками сам, нечего мне все звонить».

ГЛАВА 14. ЛЬВЫ И ГИЕНЫ.

Часы тикали, а Иван Иванович ждал. Ждал, но пока лишь только как неизбежное зло от своего обещания, а Ника испытывала какой-то страх от этого визита к учёному. Раньше ей не доводилось иметь дела с ними, особенно с членами-корреспондентами. Она бегала по квартире Ноя, пытаясь спрятать за деловитостью свою неуверенность.

– Нужно по карте посмотреть, где это учреждение находится.

– Не нужно.

– Почему это?

– Я его знаю.

Заявление Ноя прозвучало настолько уверенно, что в первое мгновение могло показаться, что это его учреждение. Но потом под покровом этой уверенности начало чувствоваться глубокая неприязнь.

– Ты что, раньше там уже бывал?

– Не то слово! Не очень мне приятное место. Раньше, ещё в прошлой жизни, мы для них одну работу делали – всю душу вынули! Особенно этот их главный начальник, Иван-Иваныч, все нервы извёл. Гордость, как у льва в саванне.

– Как, ты Ивана Ивановича знаешь?

– Куда деваться...

– А он тебя знает?

– Это – вряд ли. Забыл уж, наверное, десять раз. Тем более что я тогда бороду носил. Да и именно с ним я не очень близко сталкивался.

– Но как мы тогда к ним пойдём? Ведь нам там дела делать трудно будет?

– Ну вот ещё! Я может этого десять лет ждал. Сейчас мне даже хочется туда пойти, доказать себе, что я прав.

– А им?

Ной задумался. Этот визит вообще «сдвинул с места светильник» нашего учёного. Из далёких-далёких уголков памяти высовывалось гнусное личико желания доказать что-то. А если не доказать, так ещё хуже – навредить.

– Пойдём уже.

Через полчаса они уже были на пороге этого, знакомого Ною, здания. Оно произвело на них обоих какой-то странный, но – положительный эффект. Сейчас они входили внутрь, как лев со львицей, готовые к бою. Это схожесть была не только в решимости, но и во многом другом. Ведь в природе лев в войнах практически никогда не участвует, участвуют его львицы. Лев лежит в полной невозмутимости и смотрит, как идёт битва с главным врагом – гиенами. И вот когда силы львиц уже на исходе, а стая наступает, лев прыгает в её центр и там убивает только одну гиену-царицу. Потеряв свою царицу, решимость других гиен сразу улетучивается, и победа в битве остаётся за львом. И наша парочка была им под стать. Ной успокоился, а Ника, вспомнив чему её учил великий Главный, готова была вонзить свои зубки в любое горло научной стаи.

– А я думала, что член-корреспондент Академии наук Иван Иванович сидит в здании Академии наук...

– Где хочет, там и сидит. Не болтай. Мы уж дошли.

Но к Ивану Ивановичу они практически не попали. Максимум, что они заслужили, состоял в единственном приветствии и передаче пришедших в руки своей секретарши. А она потом повела их в лабораторию к химикам. Недовольные лаборанты без лишних разговоров захотели узнать, что нужно для демонстрации.

– Мне нужна смесь воды с нефтью. Примерно десять к одному.

Один молоденький паренёк набрал всё требуемое в специальную ёмкость и поставил её на центрифугу. Ной тихо сказал Нике:

– Вот примерно такой штукой и ты работала, когда бутылку трясла. И... нефть у меня лучше была...

Как бы тихо это не было сказано, но в тишине лаборатории это было очень хорошо слышно, словно через мегафон.

– А что же, каждому встречному хорошую нефть давать что ли?

Словно эхо отозвался лаборант. Но вообще, эти две фразы говорили о смягчении вначале натянутых отношений. Лаборант подумал: «А! Он на первый взгляд отличие тяжёлую нефть от лёгкой! Уважаю!», Ной подумал: «Шутит. Это – хорошо», а Ника зачарованно смотрела на большую белую центрифугу, вспоминая свою бутылку. В комнате было трое лаборантов, вернее – два лаборанта и одна лаборантка. Все шесть глаз начали зорко смотреть за гостями. Их обладатели пока ещё не могли понять, как относится к ним. Пока гости и хозяева рассматривали друг друга, центрифуга потихоньку смешала-таки масло с водой. Младшенький достал ёмкость с чёрным содержимым.

– Так вот оно, готово. Пожалуйста, употребляйте.

И вот тут лев прыгнул! Ной достал из обычной хозяйственной сумки обычную баночку из-под сока с уже знакомыми читателям спорами, и вылил её в полученную смесь. После этого начались пятнадцать секунд торжества. Лица лаборантов на глазах изменялись во след за изменением цвета смеси. После этого воцарилась молчание, из которого первой вышла Ника:

– А у нас-то за это время длинная труба с нефтью отцвела...

– Ну ты сравнила! У меня же маленькая ложка нефти всего была...

Уши лаборантов в эти мгновения отключились полностью, а потом начала потихоньку возвращаться речь.

– Но как?! Весь стакан изменил цвет так быстро...

– Ой, ой, смотрите – там что-то оседать на дно начало!

Наш лев выбросил банку от спор в мусорное ведро и ушёл в довольное созерцание последствий своего представления. А львица почувствовала вкус крови.

– Так вот, нефти там уже нет вовсе!

Свято храня в душе наказы Главного, Ника взяла стакан с коричневой водой и демонстративно вылила его в раковину. После чего, сполоснув под краном, поставила стакан на стол перед лаборантами. Взяв его в руки, лаборантка с удивлением заметила:

– Он чистый! Вы понимаете, он не жирный! На нём нет нефти! Мне и мыть его не придётся.

– Конечно – не придётся. Вся нефть превращена водорослями в песок.– С величием отвечала Ника.

Нужно было максимально сохранить и упрочить достигнутый эффект. И Ной понял, что пришло время уходить.

– Видели ли вы мой опыт?

Лаборанты дружно закивали.

– На этом позвольте проститься. Мы уходим.

Гости направились к двери, но на полпути Ника вспомнила что-то, вернулась, извинилась, залезла в мусорное ведро и достала от туда выкинуть Норм банку. Спрятав её в свою сумку, извинилась ещё раз и победно побежала в след за львом. В душах у лаборантов запел голос юродивого из «Бориса Годунова»: «А у меня украли копеечку!». Да и во след уходящим, по коридору неслись крики: «Иван Иванович! Иван Иванович!».

ГЛАВА 15. ДВОЕ НЕПРИЧАСТНЫХ.

На следующий день Иван Ивановича пил чай вместе с Ираклием Феопемптовичем. Иван Иванович очень хотел видеть самого изобретателя, но Главный скрывал его во всю силу своего таланта, а он это умел мастерски. На первый взгляд было видно, что хитрый редактор, выбивающийся в великие

учёные, из всех сил скрывает принадлежащее ему сокровище. Но правда состояла в том, что он не знал Ноя, ни разу его не видел, не понимал существо его предложений, даже не знал точно, как его зовут. Но это было совершенной ерундой для господина Главного редактора.

– Ираклий Феопемтович, но Вы понимаете исключительную ценность этого изобретения? Я готов признать за собой второе место в этом вопросе, но для этого ведь нужно видеть его вживую! Вы ведь уничтожили все, даже крохотные, зацепки за него. Его жена вылила среду и забрала тару, в которой была принесена культура. Она просто как шпион себя повела.

Главный заметил отсутствие буквы «п» в своём отчестве, но не придал этому ни какого значения. Как его только не величать за жизнь! Был и «Феопемыч», и «Феометович», даже – «Феопомпович». Так что гость его ещё и почти правильно назвал. И тут он подумал: «а вот Ника всегда меня правильно называет». Он уже несколько раз мысленно пообещал удочерить худенькую Нику за то, что она произвела такой эффект на этого учёного гордеца.

– Вероника Александрова является талантливейшим журналистом нашего журнала и параллельно с этим, она возглавляет эту научную разработку. К тому же она незамужняя.

– Ну, не об этом речь. Я понимаю, что она защищала свои интересы, но...

– Другим также хочется жить?

– Нет, ну что Вы! Я не про это. Просто наука не даёт зачастую быстрых и явных результатов.

– И поэтому, после её смерти, благодарные потомки достойно оценят этот вклад в дело научного прогресса...– и Главный ехидно улыбнулся – А я вот всегда в первую очередь думаю о том, сколько конкретных рублей принесёт мне то или иное дело. И Вам советую.

Но Иван Ивановича романтиком науки не был. А если бы был, то тогда он никогда не стал бы членом-корреспондентом и научным руководителем солидной организации.

– Ваши предложения?

– Мы с Вами становимся соучредителями фирмы. Ваш сектор – наука, мой – практика. А Вероника Александрова берёт на себя оперативное руководство.

– Краткость – сестра таланта. А автор изобретения?

– Ну... Авторские отчисления и должность директора по развитию.

– Он будет согласен?

На этот раз Главный задумался. Дело в том, что эти мысли ему как-то раньше ни когда не приходили.

– Думаю, что согласится. Всё для этого сделаем. Ведь кроме идеи тут ещё ой как много делать придётся!

– Как мы назовём нашу организацию?

– Предлагаю: «Рога и копыта».

Учёного разобрал смех. Отсмеявшись, он снова сделал серьёзное лицо.

– Не про это речь, а про форму. «Научно-промышленная организация», думаю, будет правильно.

Согласно кивнув, Главный снова вызвонил Потапа. Когда он пришёл, начальники уже успели оценить качество хорошего коньяка.

– Потап, ты берёшь все эти процессы под свой контроль. Создаём фирму. Опять пригласи юриста и экономиста, будем решать с ними.

Иван Иванович несколько отошёл от бодрящих поначалу винных паров, и уже решительно, а не отстранённо и холодно как раньше, воскликнул:

– Нет! Про это мы говорить будем, когда мои юрист и экономист также будут!

– Ну, звоните, звоните, звоните!

И был несколько раздражённо предложен телефон. Всё закрутилось.

Проговорив со всеми пришедшими более четырёх часов, дважды поругавшись, Главный и сам бы не смог выговорить своё отчество. Тело настойчиво требовало отдыха, но время ждать не хотело. В кабинете сейчас сидел один Потап.

– Ника здесь?

– Да, да. Вроде бы сидела, что-то писала.

– Ты плохо работаешь! Что значит «что-то писала»? Ты это должен знать, что она писала!

– Ой, сейчас же узнаю.

– Сейчас не трудись, с ней я говорить буду.

– Да, да, сейчас позову.

– Нет! Я позвоню. Твоё участие таким навязчивым быть не должно. Иди.

Выходя, Потап услышал себе в спину утомлённый голос:

– Я похож на сваху?

– Нет, Ираклий Феом...

– Знаю, знаю, но – нужно. Всё – иди, наконец!

После звонка Главного Ника вбежала с какими-то встревоженными, начинавшими краснеть, глазами. Опыт подсказывал старому журналисту, что оторвал от статьи, но поговорить нужно было обязательно.

– Здравствуй, Вероника! Ну и как результаты визита к учёным? Чем вы там вообще занимались?

– Изумительно! Всё прошло очень хорошо. Есть интересные мысли. Сейчас как раз дописываю статью про экологию.

– Оставь пока.

– Как? Вы ведь сами мне крайние сроки установили!

– Потом допишешь, а сейчас мне нужна другая статья.

– Всегда готова!

– Но я её не напечатаю.

У Ники поначалу мысли не смогли принять хоть какой-то определённый вид.

– Это как? Чего её писать-то тогда?

– Внимательно выслушай меня... Эта статья должна быть написана ядом и желчью.

– Ну, это не ко мне... Этому у Потапа полно, он спокойно напишет.

– Нет – ты! Ты и ни кто другой! Чем вы там вчера занимались, что Иван Иванович считает вас мужем и женой?

Туман в голове только крепчал.

– Ой... ни чем таким... я вообще только о науке думала...

– Ты не понимаешь, они тебя считают стервой, на которой он женат, и которая строит вокруг него непреодолимую крепость.

– Но я только средú вылила!

– Когда?

– Нет, нет – нефть, а не срéду.

– Не важно. Важно то, что ты будешь стервой, и напишешь страшно злую статью про всю их нефтяную возню. А я покажу там её и приложу массу тяжёлых усилий, что бы статья не увидела свет ни в нашем, ни в каком другом журнале.

– У меня не получится.

– Замуж выйти за... как его звать-то?

– Ной.

– Замуж выйти за Ноя?

– Ерунда. Он меня вообще девочкой считает.

– Так даже пикантнее. Может тебе маммопластику сделать?

– Чего?

– Грудь увеличить.

– Ой... нет...

– Я оплачу.

– У него жена есть?

– Нет, он в разводе.

– А! – почти закричал Главный – Правильно выяснила! Верной дорогой идёте товарищи! Поинтересовалась правильно, но вообще я тебя сделаю директором одного научно-производственного предприятия.

– Но я этого вообще не знаю...

– Узнаешь! А днём или ночью – это уж, как карта ляжет. Новую статью жду как можно быстрее. Два дня! Всё – пошла писать.

Почти вытолкнутая в спину концентрированной волей Главного, Ника начала искать в себе яд.

ГЛАВА 16. ПАСЬЯНС НЕ СОЙДЁТСЯ.

Главный неосознанно пытался думать. Вообще спокойно делать это он был непривычен, но сегодняшние переговоры из него просто высосали все силы. Сейчас он сидел в приятном изнеможении и полном довольстве собой.

Когда-то давно, намекая на его склонности, коллеги подарили ему колоду хороших игральных карт. Дело в том, что когда он решал любые проблемы в коллективе, это походило на раскладывание пасьянса. Хотя ни какими добрыми чувствами к работникам это не сопровождалось, но и злых чувств также не было. А пасьянс часто сходил. Эта похожесть и была подмечена журналистской братией, почему и появился этот подарок. А сейчас время как раз советовало просто спокойно подумать. Разложив колоду, он начал разглядывать красивые картинки.

«Вот, джокер. Кто такой – ни кто не знает, чего ждать от него – непонятно. Правильно нарисован: шут в колпаке. Ни в одну игру не идёт, просто в колоде есть и всё. Ной, Ной... Вот положим-ка его сюда... Ты – Ной... Ты – Ной...». Потом взгляд его упал на даму червей. «Ника? Нет... Она вроде как-то хуже. Вот... Дама треф, кладём рядом.» Положив рядом обе карты, он глубоко задумался. «Ну, а моё место где? Должно быть вот тут...». И решительный палец упёрся в стол снизу выбранной парочки. Порывшись в куче карт, в ней был найден властный и решительный трефовый король. Поглядев немного на карту с явным удовольствием, Главный положил короля на нужное место. Мысль возвращалась к парочке. «Ника, Ника... Кто же тебя развлекать будет? Кто будет...». И на стол легла рядом с джокером карта червовой дамы. После этого лицо трефовой дамы как будто напряглось и взволновалось. «А куда деваться? Некуда. Червовая дама нужна... Непременно нужна. Она тебя развлекать будет...». Червовая дама расплылась в улыбке ещё шире. «Кто ты такая, я пока не знаю, но и ты должна помнить, что над вами вот этот пиковый туз...» И тот занял отведённое место. Места под трефовым королём заняли валет-Потап и пиковый король Иван Иванович. Добротность Потапа естественно обеспечила ему червовую масть. Но центром этого пасьянса всё равно был Ной.

Рассматривание пасьянса было прервано всё тем-же червовым валетом.

– Тук, так, тук, извините, новости у меня.

– Ну? – недовольно прервав свои мысли над пасьянсом, затребовал ответа Главный. Набрав полную грудь воздуха и возомнив себя Павликом Морозовым, начал вещать Потап:

– Наша Ника хочет устроить диверсию! Все наши планы и цели она хочет разрушить своей статьёй, в которой...

– Я знаю.

Потап был поражён этим до глубины души. Он-то ожидал, что его информация произведёт фурор. Ведь не зря же статья эта была окружена невероятной тайной!

– Как?!

– Послушай меня, Потапик, внимательно послушай. Ника пишет то, что должна писать. А ты ей в этом будешь оказывать максимальную помощь. Максимальную! И, не дай тебе Бог, рассказать хоть кому ни будь про это!

– Учёным также не говорить?

– Вот именно им и не говорить в первую очередь!

– Так, фирмы не будет?

– А вот если расскажешь, то и не будет. Но учти, что я тебя тогда в сортире замочу, причём с особой жестокостью.

Потап ни чего толком не понял, но его исполнительность могла дать стопроцентную гарантию исполнения приказа. Как можно атаковать учёных в момент заключения с ними договора? Или атака это просто возможность склонить чашу весов договора на свою сторону? Но было понимание того, что есть вещи, которые он просто не понимает. Что большой начальнический пасьянс учитывает всё.

– Всё? Проблем больше нет?

– Есть. Я в социальной сети...

– ...время трачу.– Закончил за Потапа Главный.– Или что полезное там пишешь?

– Полезное, полезное. Я там писал про очистку от нефти...

– Заставь дурака Богу молиться... Кто тебе это-то позволял?! Трепать в нашей любимой помойке эту тему – по краю ходить. Имей в виду – по краю пропасти.

– Но я прошёл по этому краю! Нами заинтересовалась одна девушка.

Главный взял со стола червового валета и со злобой кинул его на пол. Ему тогда казалось, что привлечение к делам этого болтуна оказалось самой большой ошибкой.

– Ты что мне всю свою эротическую переписку рассказывать будешь?

– Это тут не приём. Дело в том, что она очень заинтересовалась тем, что мы делаем. А она, между прочим, менеджер научного фонда по развитию экологических разработок.

Гнев приготовился поспешно скрыться, так как вдалеке замаячил призрак выгоды.

– У нас есть такие фонды?

– У нас – нет. А в Америке – есть.

– А ты, мой друг, английский знаешь что ли?

– Ну, знаю немного. Но она и по-русски хорошо пишет.

Главный вздохнул и одно мгновение помечтал о прохладном шезлонге на берегу океана.

– Потап, всё понял, но я замучен за сегодняшний день. Я даже и ругаться не могу. Иди, Нике помогай.

Потап уже и раньше начинал чувствовать, что он вступил на очень скользкий путь. Хотя интрига особо сложной и не была, но это была не его интрига. Становиться гладиатором в этом беллетристическом Колизее очень не хотелось, поэтому хитрая голова отказалась понимать примитивное. Конечно, он сделает всё как сказано, но выбрасывать свои карты в этот пасьянс пока не будет. А вот симпатичная Сабина, от которой прямо пахнет деньгами, это – другое дело. Это его карта! Да и Главный вроде как-то не очень заинтересован.

А Главный подобрал с пола скомканную в гнев картку, разгладил и снова положил её на своё место. Червовая дама всё также улыбалась, но сейчас редактору казалось, что он её знает. Напряжение сегодняшнего дня сделало его чуть-чуть пророком.

– Ну, красавица, – сказал он даме, – в фонде работаете?

Дама всё продолжала просто улыбаться, хоть Главному и казалось, что ей что-то нужно.

ГЛАВА 17. ТАЩИТЬ ИЛЬ НЕ ТАЩИТЬ – ВОТ В ЧЁМ ВОПРОС!

На небосклоне Эраста Рифовича начали ходить тучи. Причём, чей именно был этот небосклон, было непонятно. Прошрое мероприятие, которое он провернул под руководством Ноя, казалось ему очень выгодным. А то, что потом ему дали новую должность, напрягало его. И дело состояло в том, что тот министр, чьим заместителем стал Эраст, был вор. И вор наглый и опытный. Ему хотелось иметь в своих замах человека, полностью поддерживающего себя. А вором Эраст не был. Не то, чтобы он отличался какой-то особой честностью, но по сравнению с начальником он был святым. Глубиной души Эраст предчувствовал срок, что его крайне волновало. Поэтому слухи о том, что начальник хочет убрать его с этого нового места, даже немного радовали. Но с другой стороны, для достижения этого места Ной давал свои однозначные рекомендации, идти против которых не хотелось. Нынешние проблемы носили уж больно секретный характер, так что пришлось просить Ноя о конфиденциальной встрече у него дома.

– Как Вы думаете, Эрнест Рифович, почему я в прошлый раз я советовал идти к нему?

Эраст Рифович моргал и пытался думать. Вообще нужно сказать, что глупым он не был, но его ум имел привычные рамки и направления работы. А работа Ноя ни в то ни в другое не укладывалась. Так что ничего интересного в голову не шло.

– Почему?

– Начну издалека. Один римский император имел естественные проблемы с бюджетом. И для его пополнения он придумал сажать на государственные должности воров и взяточников. Ждал определённое время, чтобы они ценностей насосались, и отдавал их под суд. Суд совершенно честно осуждал их и приговаривал к конфискации имущества в доход государства.

– Так что, нам его наворованное как-то получить нужно?

Ной рассмеялся.

– Боже упаси! Его нужно в доход государства определить, а не в наш. Получив компромат на него можно правильно его подать и получить место.

Эраст понимающе кивал, причём, изнутри у него просто ярким цветком расцвела принесённая информация.

– Он хочет убить одного предпринимателя!– Выпалил он.

– Ах вот как... Я и не предполагал, что такой чин может вот так запросто запланировать убийство.

– Может-то он, может, да вот только у меня ни волоска от доказательств нет. Он секретчик ещё тот! Он весь свой кабинет как бункер всякими приборчиками обставил. Ни чего нельзя прослушать или записать...

– Так уж и ни чего?

– Я опыт ставил.

И расстроенный гость рассказал, как он купил простенького жучка и потаённо поставил его в кабинете начальника.

– И, Алла бирса, что ума хватило слушать его не пытаться! Через час после того, как поставил, начался жуткий скандал. Вызвал охрану, специалистов своих. Ездили, искали, кто слушает... Правда, я возглавил следственную бригаду, да и остатки от жучка подальше выбросил. Ещё пытался, да безуспешно.

– Эта информация была бы нам полезнее, чем та о которой я в начале думал.

– Мы можем её достать?

А вообще, Эраст Рифович уважал Ноя. И не только уважал, но и верил ему безгранично. Хоть он и был старше лет на десять, но ни какого горделивого отношения не было и в помине. Вера эта была поддержана бесконечной вереницей событий, в которых сомнений быть не могло. Она уже даже походила на религиозное чувство, пусть и на уровне колдовства. Эраст верил в Ноя, как в великого шамана, которому доступно многое непонятное в этом мире.

– Нужно пробовать. Я Вам рассказывал, что я могу чувствовать некоторые вещи на расстоянии через воду?

Эраст послушно кивнул. Особо он этого не понимал, но то, что это работает, у него в своё время была возможность убедиться на практике.

– Между мной и объектом наблюдения должна быть непрерывное водное сообщение, но можно и прерывать не на большие расстояния. Например – ряд банок с водой. А у вас там вода есть?

В ответ на это внезапно родилась очень интересная мысль. Если бы только можно было сейчас представить, к каким дальнейшим мыслям приведёт она потом Ноя! Но сейчас он знал только, что нужна вода, ряд стоящих друг за другом банок, ведущих от его кабинета к кабинету начальника. Зачем это было нужно, становилось уже немного понятно, да и Ноем он верил беспредельно. А идея пришла толковая.

– А рыбки Вам мешать будут?

В одно мгновение Ной понял всё. До этого ему было совершенно непонятно, как это сделать, а сейчас всё это просто материализовалось из воздуха.

– Аквариумы вдоль стен?

– Всё это можно будет сделать из моего кабинета. Аквариума четыре поставим без проблем. Разные рыбки, то-сё, красиво будет!

– А рыбки... нет рыбки не помешают. Только больно шустрых не нужно – отвлекать будут.

Дело приобретало понятные очертания, а в далёких водах уже плавали будущие немые свидетели подвигов министра.

ГЛАВА 18. В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Фантазии Ивана Ивановича потихоньку давали маленькие корешки в Никиной головке.

Звоня в квартиру Ноя, ей уже начинало казаться, что она забыла свои ключи и что очень хорошо, что муж дома. А, по факту, дверь ей отворил посторонний мужчина, настоящее имя которого было ещё и неизвестно.

– Ной, слушай, а не могли бы мы дать нашей фирме эту водоросль?

– Вот-те здрасте! То есть и вам – "здрасте". Я вообще и в прошлый раз об этом не думал. Это ты ведь там шухер по поводу ликвидации спор устроила.

– Ну!– обиженно заголосила Ника,– Я помню! Но сейчас дать-то мы их можем?

– Да у них и так сейчас самая дорогая канализация.

– Это почему это?

– Так ты вылила большой стакан со спорами в неё. Они могли добыть споры оттуда в любое мгновение, если бы догадались.

– А! Я не знала... Прости меня, пожалуйста!

– Это за что это? Что водорослей не дала что ли? Так вот, что я тебе скажу: я уже несколько месяцев назад отдал эту водоросль.

– Кому?!

– Всеми миру. Каждый, кто хочет, может набрать воды в море-океане, и там будет эта водоросль. Может быть будет...

– Так значит – можем?

– Более это не моя собственность. Я отдал её всему миру.

– Так можем?

Подсознательно Ника конечно понимала судьбу водоросли. Более того, слышала про это не один раз, но принимать ответственность за своё решение юная директриса ещё не умела.

– Ох, утомила меня... Да, отдавайте кому угодно! Хоть в переходе раздавать можно.

Ника была несколько шокирована этим известием, но желание продать общедоступную вещь было просто неудержимо

– А если про это ни кому не говорить?

– Ну... От тебя зависит.

– А ты можешь не говорить?

– Да мне и некому говорить. Так что в этом можешь на меня рассчитывать.

А новость распирала изнутри. Не привычная к такой работе журналистика пока ещё пребывала в начальной стадии эйфории, хоть ответственность за принимаемые решения уже чувствовалась.

– Ной, у нас теперь есть своя фирма.

– У нас?

Сказано было, действительно не очень понятно, но такие радужные новости позволяли говорить «нашу» на совершенно законных основаниях.

– Тебе предлагают должность директора по развитию!

– Успокойся и расскажи по порядку.

– Мы ходили к химикам?

– Ходили.

– Мы там произвели фурор?

– Произвели.

– Они хотя водоросль использовать?

– Пусть используют.

– А мы?

– Ты чая опять хочешь?

– Какого чая! Наш журнал и та фирма по нефтеобработке создали научно-производственную фирму «Чистый мир», где ты и я – директора!

– Подожди, но ведь вы – журналисты, а не химики.

– Ну не волнует совершенно! Не боги горшки обжигают.

– А ни чего, что я директором не буду?

Эта новость привела в удивление на этот раз Нику.

– Но почему?

– Не хочу.

Ноя разобрал смех от воспоминания лаконичного ответа Булгаковского Филиппа Филипповича. В ответ на это, раза два надувались в попытке ответа худенькие щёки, но какого-то более мудрого вопроса, что уже прозвучал, не родилось.

– Но... но почему?

– Непонятное – пугает. Здесь мне очень много чего не понятно.

– Тебе деньги не нужны?

– Нужны. Иногда, даже очень нужны. Понимаешь...

Ной на мгновение задумался. Он смотрел на свою собеседницу и не мог понять, почему это хочется объяснить, научить, предостеречь, будто это была его дочь.

– В первый год всё будет хорошо. Будут платить деньги, восхищаться изобретением. Во второй – будут требовать развитие темы, в третий – возмутятся бездеятельностью и потребуют отчётов по выданным деньгам. Хорошо, если в четвёртый год не посадят...

– Но ведь можно продолжать?

– Это ты мне говоришь? Я эту тему закрыл. Дальше я могу лишь наблюдать. А рассчитывать на продолжение, всё равно, что себе признаться в первоначальных недоделках. А я сделал всё.

Говорящие сидели друг перед другом молча. Мысли их были совершенно про разное. Ною фирма была неинтересна. Его почему-то начала интересовать эта маленькая, хрупкая, неказистая девочка. Какие чувства вызывала она, было не до конца понятно, но он не выгнал её при первой встрече. Не выгнал и потом, хотя она этого может и заслуживала. С одной стороны, она напоминала его дочь, с другой – просто вызывала жалость. Но детей у Ноя не было... Мысли же Ники напоминали собой кучу бирюлек, которые были сделаны из гранат. Чтобы разобрать эту кучу, нужно было с предельной аккуратностью разобрать их по одной, приём за чеку задевать было нельзя. Она также ходила в двух разных костюмах: с одной стороны, играть роль жены было интересно, а с другой – представляться маленькой девочкой было приятно. Но сейчас маленькая девочка загрустил после недавнего возбуждения, а Ною её уже и до этого было жалко.

– Ну, не расстраивайся, не такой я уж и пропащий. Ходит ко мне иногда один клиент, и я у него спокойно конверты беру. А вообще, я человек ответственный, но быть обязанным кому-то не хочу.

Удивление Никино особо не проходило, и тогда было найдено хорошее решение проблемы.

– А вообще, если уж хочешь, то лекции про водоросль свою прочесть могу. Хорошо должны получиться, ведь во всём мире ещё не один лектор настолько хорошо объект своих лекций не знает.

Надежда развеселить увенчалась некоторым успехом. Личико посветлело, а язычок заявил:

– Я люблю... твой чай.

Ной рассмеялся и пошёл поить чаем новую директрису.

ГЛАВА 19. ПИРАНЬЯ МЕЧТЫ.

Эраст Рифович с детства любил аквариумных рыбок. Он любил просто смотреть, как они плавали в маленьком аквариуме и ели корм. Но размер этих аквариумов сейчас нужен был совершенно другой. Для реализации задуманного нужно было придумать что-то действительно интересное и необычное. Господину министру было бы больше по нраву, если бы у него в кабинете поставили вольер с боевым бультерьером. Он бы тогда мог кормить его посетителями. А тут – рыбки... За такое несчастного заместителя непромедлительно съели бы самостоятельно. Но его хитрая голова решила всё правильно. Эраст Рифович поставил четыре аквариума, по одному с каждой стороны стен его и министра кабинетов. В своём он завёл пару толстых телескопов, которые, кажется, просто собирались лопнуть от важности. Следующий аквариум приютил в себе крупных скалярий. Они медленно плавали вниз и вверх как-то судорожно вдыхая там непривычный другим рыбам воздух. В третьем жилище поселилась крупная цихлида, которая всё время решала единственный вопрос: «Как бы покушать?» А в кабинет министра пошла редкая и дорогая гостья. Её мысли были примерно такими же, но всё же немножко другими: «Кого бы съесть?» Для неё это было совершенно нормально, ведь она была пираньей. Редкой, декоративной розовой пираньей, которая любила мясо. Впечатление она произвела на министра сногшибательное. Наконец он нашёл родственную душу! Он сам с большим наслаждением кормил её маленькими кусочками мяса. Даже иногда он приносил из дома куски покрупнее, что бы бедная рыбка покрутилась около них в желании отгрызть кусочек поменьше. Конечно, если бы на её месте была обычная чёрная пиранья, то радости не было бы предела. Но об их цветах особо известно не было. Когда розовая гостья кушала, хозяин следил за ней затаив дыхание. Он испытывал какое-то почти сексуальное возбуждение от этого, а до остальных рыб ему уже не было дела.

В своём кабинете, рядом с аквариумом, Эраст устроил небольшой закуток, где потом и располагался Ной со своим подвешенным камнем. Сначала Ной думал, что нужно будет проводить в этом заточении много времени. Хотя, заточение было более чем удобным. Приходя раннем утром, пока секретарша ещё спала, он располагался на своём наблюдательном месте, а хозяин кабинета очень тихо исчезал из поля зрения. Вообще прочие социальные удобства кабинета позволяли заниматься этим довольно долго, но

случившееся открытие не позволило это сделать. Дело в том, что в моменты экстатического наблюдения министром своей рыбки, его разум терял всякие тормоза и Ной мог чувствовать в нём всё, что угодно.

А чувствовалось это довольно просто. Сидя перед своим камнем в аквариуме, он всё своё внимание уделял приходившим мыслям. Причём, они не все были собственные. Задачей было всего лишь отделить их от своих, и записать выделенные на диктофон. Потом записи поступали в распоряжение Эраста Рифовича, который переводил их с рыбьего языка на человеческий довольно успешно. Первое, что было услышано по воде, было: «Урод белобрысый! Кушай, солнце моё, кушай... Через недельку покрошу...». Ни какого белобрысого уroda у Ноя на примете вообще не было и солнышком он ни кого не называл. Так что всё это было отнесено на министерский счёт. Но эти слова, удивительно с какой лёгкостью, были поняты Эрастом: «Господин Загорский очень светлую наружность имеет, а именно он и является главным врагом. Я с самого начала и узнал о планах министра именно в его адрес. И сейчас он собрался заказать его как раз перед самым советом акционеров, чтобы с этого свои особые дивиденды получить». И дело пошло! Ной вообще, по началу, предполагал, что придётся «слушать» по ночам какие-то встречи с наёмными убийцами, входить в ход работы энергетической отрасли, а в реальности всё получилось гораздо проще. Министр был человек злым и жестоким. И вот именно эта парочка и открывала потаённые пути к его сердцу. Внутри у него постоянно шла какая-то страшная пьеса, в которой его желания, фантазии и планы безжалостно расправлялись с врагами. И это всё было очень хорошо «слышно». За три дня было собрано материалов на вполне весомый том уголовного дела. Ной был просто счастлив. На самом гребне волны чувств, с Эраста было даже взято обещание поставить памятник этой розовой чудеснице. Но это распоряжение оказалось невыполненным...

– Ну что, Эраст Рифович, – говорил в конце наблюдения развеселившейся Ной, – что мы будем со всем этим делать?

Но тут уже инициатива стремительно переходила от неспешного и слишком умного Ноя к деловому и решительному Эрасту. Их симбиоз вполне учитывал это, так что – «мавр сделал своё дело»:

– Ну, это дело как раз понятное. Я не позволю себе ещё и этим Вас озабочивать. А вообще – в милицию отнесу.

Это постановка вопроса вполне устраивала нашего гуру. Так что он, предупредив, чтобы в следующий раз при таких мероприятиях для успокоения нервов «слушающему» предоставлялось ведро валерьянки, ушёл с чувством выполненного долга. А розовой пиранье успокаивать нервы было ни к чему...

Ни в какую полицию Эраст звонить не стал. Он понимал, что томик этот будет интересен в несколько другом месте. Причём, хоть он и свято верил в каждую букву написанного, но также понимал, что ни одного доказательства в

папке нет и в помине. Нужна была такая организация, которая не запросила бы доказательства в первую очередь, а просто поверила без них. Совершенно понятно, что всё проверят тысячу раз, проведут целый ряд действий, допросят даже пиранью, но на папку прореагируют сразу. Но с «открытым лицом» идти туда нельзя. Как в древнегреческой драме актёр закрывал себе лицо маской, «персоной», и вот уже простой человек превращался, скажем – в Зевса. Вот и персоне Эраста нужна была такая персона. Но она была несколько иной – трусливой и управляемой. Спецслужбам могло стать известно, что это не совсем Эрастова сущность, но без этой персоны драма могла не получиться. А сыграть её хотелось...

Эраст намеренно «сыграл дурака» и позвонил в службу по своему рабочему телефону и не представился. Он знал, что на господина министра «зуб уже точили» и что его информация представляла существенный интерес. Нужно было только успеть до того момента, как эти преступные планы пришли в действие. Господину Загорскому нужно было бы поставить большую свечку за Эраста, если бы он знал про это.

Уже вечером того же дня, домой позвонил вежливый молодой человек с лицом барракуды. Номер и место звонка, естественно, вычислили сразу. Звонившего – также. Эраст талантливо сыграл трясущегося от страха зама. Но не только трясущегося, но и знающего очень много секретов, которые совершенно случайно стали ему известны. Правда, не всё было так уж просто. Пришлось немного повозиться и совершенно достоверно доказать пришедшему свои сомнения в его полномочиях. Взаимно понравившись, Эраст с удовольствием удовлетворил интерес гостя по задержанию крупного государственного деятеля да ещё по такому «блатному» делу.

Получив ВРИО после ареста начальника, был снова позван Ноя для упрочения «эффекта», и уже после этого искомое место министра энергетики было получено под фанфары спецслужб. Вообще Эраст Рифович оказался нужным всем. Спецслужбы просто надеялись на его лояльность и управляемость, а вот масса довольно крупных бизнесменов после прихода внимательного и мягкого министра устроили что-то вроде праздничного карнавала в честь его назначения. Особо добрым и щедрым он не был, но находящийся ранее в «пожизненном эцихе с гвоздями» бизнес очень хорошо оценил тот факт, что новым министром он «был переведён в камеру общего режима» со всеми ей доступными вольностями.

ГЛАВА 20. ДОННЫЙ УДИЛЬЩИК.

Потап убивал время. Ему правда казалось, что он выполняет в социальной сети невероятный по значимости труд. Себе он представлялся каким-то супершпионом, выполняющим трудную работу по потреблению

иностранных денег, но на самом деле он был просто толстеньким оболтусом, именно которого и собрались съесть. Он немного рассказал о «Чистом мире», немного почитал вранья на эту тему, но одно из них заметно выделялось среди прочих.

Есть такая хитрая рыбка под названием «донный удильщик». Она обладает уникальным языком, который во тьме морской очень похож на червя. Что бы мимо него не проплыли симпатичные рыбки, он даже зажигает маленький фонарик, который и говорит всем: «здесь червячок!». Вот найдётся глупышка, что соберётся скушать его, так удильщик и сыт становится. Потап увидел как раз такой огонёк. Звали его – Сабина. Она была редким любителем покушать какого ни будь зазевавшегося Потапа на бескрайних просторах интернета. Чем привлекать их у неё было. И речь идёт не о глазах, волосах, груди и других обычных «фонариках». В её пасти очень соблазнительно шевелился знак доллара. Так обычно и бывает – плывёт несчастный на свет фонарика в ночи и думает: «Классные груди!», потом начинает шевелиться червячок: «Ой, тут и заработать можно!», а под конец, под довольное жевание удильщика: «Ё-моё, что ж я сделал!».

Потап на первый взгляд казался очень аппетитным, знакомство выходило хорошее, но чувствительное обоняние говорило опытной хищнице, что это всего лишь пена. Пена над чем-то действительно очень важным.

Сабина была очень спокойной и целенаправленной женщиной. Она совершенно спокойно легла бы под любого начальника, если бы он за это ей предлагал выгодный контракт. А если бы сердобольное общество начало недовольно качать головой с осуждающим шёпотом «это позор какой-то...», она совершенно спокойно, без следа стеснения, парировала бы: «Но мне же нужно было договор заключать!». А если бы чуть позже этот начальник начал чинить препятствия для перевода денег, то она просто насыпала бы ему яда с таким же спокойным оправданием: «Но ведь мне нужно было денежную транзакцию осуществить!». Причём и первое и второе говорилось с таким чувством, что общество, безусловно, согласилось бы с такими оправданиями.

А Потап был всего лишь ступенькой и зацепочкой за что-то более важное. Всё завертелось очень быстро. Уже через неделю она приехала в журнал. Через открытую Потапом дверь, сперва зашла её широкая улыбка. Но эта улыбка очень быстро сообразила, кто такой этот Потап и что с него молока не получишь никакого.

На все потаповские вежливости вроде: «Good afternoon, mis. Sabina!», он получил на почти чистом русском: «Извините, можно мне в «Чистый мир» попасть?». Попасть она могла, но в этом случае её «русский друг» потерял бы и свои призрачные надежды на золотой дождь с полосатых небес. Как он не юлил и не заговаривал эти красивые зубы, в ответ он слышал лишь: «Извините, можно мне в «Чистый мир» попасть?».

Но вообще, Сабина была человеком добрым. Ко всему, происходящему вокруг, она испытывала добрые и светлые чувства. Экология была областью особо добрых её начинаний. Масляная плёнка на луже вызвала в ней искренние переживания и желание исправить лужу как таковую. Но тут гнездились только одно «но». Всё это упиралось преимущественно только в набор красивых фраз, приводящих к укреплению её собственного бюджета и бюджета фонда. В ней жило глубокое, почти религиозное чувство, что всё происходящее происходит по высшему плану. По поводу любого происшествия она могла сказать: «Значит – так было нужно». Причём, это было-бы сказано и при добавлении яда в кофе мешающему ей человеку. И Потапа Сабина также искренне жалела. Жалела и когда он привёл её в «Чистый мир», и когда она была там у него отнята злой начальницей.

Ника была недовольна этими фантазиями Потапа, но со стороны «великих начальников», Ираклия Феопемптовича и Ивана Ивановича, этот визит был поддержан на сто процентов. Практически не говоря ни слова со своей американской гостьей, Ника повела её показывать своё изобретение. Да, она также сделала изобретение. Но она была журналистом, и это изобретение было скорее игрушечное продолжение водоросли, чем что-то практически полезное. Но стоимость оно имело уникально низкую. Однажды, добираясь в лабораторию в фирме Ивана Ивановича, она за пятьдесят рублей купила лазерную указку. Всё изобретение заключалось в том, что подсвечивая лазерным лучом нефтяную смесь с запущенным в неё зародышами, она получила невероятно красивый эффект. Появляющиеся в нефти мелкие песчинки начинали рассеивать луч по всем сторонам, причём, чем дальше шёл этот процесс, тем красивее становилось сияние вокруг него. Грязная, мутная, чёрная жижа за несколько мгновений превращалась в удивительный светящийся букет, который потом медленно пропадал с оседанием песка на дно. Зрителей это завораживало настолько, что они напрочь забывали свои вопросы.

Вот на это шоу Ника и вела крайне любопытную Сабину.

– Скажите, миссис, а мне можно посмотреть, как работает это изобретение?

– Да.– Сухо отвечала Ника, хоть в глубине души и была довольна ошибкой «миссис».

– Могу ли я сфотографировать его?

– Нет, не сможете.

– Но как ни-будь можно мне показать в моём фонде эти результаты?

Особо злой Ника не была, поэтому её внешняя холодность довольно быстро улетучилась, хотя Сабина грудь и приводила её постоянно в неосознанно замешательство.

– Нет, не в секретах дело. Можете снять, но только снять на видео. Хотя и на нём, скорее всего, мало что получится. Это нужно видеть.

Уже знакомые лаборанты, заранее начали готовить вновь изготовленную стеклянную трубу с установленным и тщательно замаскированным лазером. Труба была больше, чем у Ноя, и нефти туда лили больше. Поэтому продолжительность всего шоу несколько выросла, что было только полезным зрелищности этого процесса.

– Вау!– Вырвалось из поражённой Сабины.– А что это было?

– Водоросль съела нефть, а песок после этого просто осел на дно. Не ожидали такого простого объяснения?

– Я думала, что это будет всё же как-то сложнее,– призналась Сабина.

Послышавшееся в голосе разочарование задело Никину гордость за водоросль Ноя.

– Так вот, вы сами сможете сделать сложный и эффективный способ очистки водоёмов от нефти. Без нашего участия.

Но Сабина на такое обижаться вообще не умела, поэтому этот выпад прошёл вообще незамеченным.

– Но мы хотим работать с вами.

– Если такое желание есть, то нас оно радует.

– Мне говорили, что над этой водорослей работает ещё один учёный, Ной Комиту?

Ника передёрнуло. В глубине души она надеялась, что минет её чаша сия. Но Сабина знала чуть больше, чем хотела показывать. Даже фамилию его псевдонимную знала.

– Зачем нужна эта встреча?

– Но ведь водоросль открыта им, он работает с ней. Наверное, права на её использование принадлежат ему. Для нашей дальнейшей работы мы всё равно должны заключать с ним договор.

– Он...– Нике приходилось что-то очень быстро придумывать.– Он обычно никого не принимает.

– Но речь здесь вообще не идёт о каких-то научных делах. Я тем более, и не учёная вовсе. Но мне было бы очень интересно узнать многие вещи. Где, например, корни у этой водоросли, где листья?

Ника постепенно переходила из состояния глухой обороны в состояние ехидного хихиканья. Злобы особой уже не было. Но, что визитёрша не была особо учёной, было понятно сразу. Вволю ехидно посмеявшись, Ника почувствовала себя умудрённым профессором, который начал вещать прописные истины неразумным детям. Поучающе рассказав про листья и корни, Ника рассеяла свою возникшую злость.

Пока злоба кипела, как чайник, в сторону Сабины была выпущена масса ядовитых стрел. Но, к Никину удивлению, ни одна из них своей цели не

достигла. Сабина не прореагировала ни на одну шпильку, колкость или оскорбление. Она вела себя так, будто они её вообще не касаются, а она занимается другим интересным и очень важным делом.

Все слова записывались на диктофон, частенько щёлкал фотоаппарат, работала видеокамера. Когда после всех рассказов, Сабина вернулась к трубе с уже осевшими спорами и пыталась хоть пальчик погрузить в жидкость, Ника практически силой отогнала её. Это было опять-таки воспринято как совершенно правильные действия. После этого Сабина совершенно искренне, без тени иронии, поблагодарила за исчерпывающую лекцию и очень душевно простилась уходя.

Ника не ожидала такой реакции. Она предполагала крики, взаимные шпильки, обвинения, угрозы, ругань. Но ни чего этого не было и в помине, хоть поводы для этого и были созданы.

После этого, напротив, у начальницы возникло чувство, что её обворовали. Причём, обворовали очень искусно, принудили какой-то непонятной силой рассказать и показать всё самостоятельно. Тяжело вздохнув и попрощавшись с лаборантами, Вероника решила ни за что не пускать американку к Ною. А лаборанты были поражены произошедшим не меньше участниц поединка. Было время, когда им казалось, что девушки схватятся в рукопашную. Но получить удовольствие посмотреть на это у них не получилось.

ГЛАВА 21. ТРИ СЕСТРЫ.

Вероника, кажется, немного потолстела от обиды. Впервые перед дверью Ноя, она стояла в непонятной нерешительности. Нужно было сказать про Сабину, но делать этого совершенно не хотелось. Хитрая и непонятная ревность, таившаяся до этого за границами сознания, а сейчас нагло и решительно вылезла наружу. И не она одна...

– И что, вот прямо так отдать своего любимого мужчину какой-то денежной мошне?!– Решительно заявила внезапно пришедшая Ревность.

– Но ведь ты обещала это сделать. Много людей ждут от тебя, что ты сделаешь свою непосредственную работу.– Отвечала скандалящей ревности спокойная Обязательность.

– И что? Я что подписывалась своего мужчину отдавать этой проститутке?

– Успокойся, подруга. Он, кстати, и не наш вовсе. А у Сабина твоей вон какие груди! А попа какая! Себя в зеркале давно видела? Мужчины, они ведь не собаки – на кости не бросаются.

Ника дёрнулась от замечания Ответственности. Порывшись в сумочке, своего зеркальца она не нашла. Пришлось пробежать половину лестничного пролёта, чтобы взглянуть на оконное стекло. Смотрящее с мутного и немытого окна чудовище заявило в поддержку Ответственности:

– Ну вот, красилась бы хоть чуточку! Самой не страшно?

– Так вот, я даже обязана его соблазнить! Главный сказал! Поэтому – он мой и ничей больше. И крутится рядом, я ни кому не позволю!– Всё также решительно протестовала Ревность.

Но рассказать, как идут дела с водорослью, с его водорослью, ты обязана!– Заявляла уже начинающая раздражаться Ответственность.– Что же, ты всё скрывать будешь? Рано или поздно ты сама запутаешься, и про тебя скажут, что ты – врунья.

– Зато ты сделаешь всё, что хотела, а иначе себя просто в жертву общественному мнению принесёшь.– Неожиданно переметнувшись на сторону Ревности, заявила Гордость.– И вообще, а ну-ка замолчали все! Пусть сама решает. Она девочка уже большая, а то я на вас доктора сейчас позову!

Внутренний разговор этих сущностей произвёл хоть и косвенный, но позитивный эффект. Сделав для себя выводы о своём внешнем виде, Ника позвонила в дверь. Пока Ной шёл открывать дверь, она решила для себя, что выводы сделать нужно, но секреты ни какие не городить. Жизнь помогла ей – Ной вообще был занят другим. Дверь открыл чем-то очень обрадованный хозяин. Радость просто светилось в его посветлевшем и изменившемся от этого лице.

– Мне пришло письмо!

С этими словами в руки Ники был сунут обычный помятый бумажный конверт. Разум журналистки тут-же вошёл в особое возбуждённое состояние, дающее мозгу и организму впитывать в себя всю информацию, да и мысли вообще. Она стала похожа на не огранённый камень, чувствующей всё вокруг.

– А я думала оно электронное...

– Читай и не придирайся. С Камчатки пришло. Там у меня старичок есть знакомый. Почерк у него хороший. Ему мышь давить непривычно.

– А ты давишь?

– Ну, попросишь – надавлю. Читай!

Подавшись на принуждение, Ника взяла в руки помятое письмо. «Как про Сабину сказать-то?» – настойчивым дятлом беспокоил висок, но пока эта экзекуция чуть откладывалась. На коленях расправилась пришедшая радость. Аккуратным старческим почерком было исписано целых три листа. Началось чтение, в течение которого Ной безуспешно пытался справляться со своим радостным возбуждением.

«Здравствуйте, уважаемый Ной! Я хочу написать Вам о невероятном событии, которое произошло на прошлой неделе. Если бы Вы подробно не описали мне это, то я бы подумал, что это – чудо. Но в чудеса я не верю, тем более что я ожидал это. Я всё очень внимательно осмотрел, а потом сел писать Вам письмо. Вы просили меня смотреть на наши корабли. В прошлый вторник они стали белыми. У нас несколько кораблей старых стоит. Вернее – лежит на

скалах. Я на двух в своё время я даже ходил. Я их хорошо знаю. Они были очень грязные. В чистых штанах туда и заходить нечего. Весь чёрный за минуту будешь! И мазута остатки все время текут из них, вернее – текли. Сначала стала белой вода. Белой как молоко. Раньше такого никогда не было. А потом мутными стали борта кораблей. А они также были в мазуте и смазке. Да и ржавые все были. Правда, ржавыми и остались. Через два дня вода начала становиться прозрачной и молоко все ушло с водой. Только борта остались белыми. Мазута больше нет, а если он начинает течь, то сразу белеет...».

– Ну, вот и всё. Там написано много, но это в основном восторги старого шкипера. Хотя очень интересный старичок. Ему бы романы писать! – прервал чтение возбуждённый Ной.

– Тебя так сильно обрадовало это письмо?

– А на тебя впечатления оно не произвело?

– Ну, немного произвело. Мы тогда с тобой два года насчитали, а тут и одного не прошло.

Ной немного смутился невозможностью объяснить такое уменьшение сроков.

– Ну... кто его знает, почему... Может течение в Индийском океане подхватило, может по рекам как ни-будь прошло, может океан за... изгадили сильно.

– А чем тебя так обрадовал этот старичок?

– Понимаешь... водоросль очень живучая и плодовитая. И она уже обошла весь мир кругом. Про это я письмо и получил. А главное – я стал свободен!

Гости направились к двери, но на полпути Ника вспомнила что-то, вернулась, извинилась, залезла в мусорное ведро и достала от туда выкинуть Норм банку. Спрятав её в свою сумку, извинилась ещё раз и победно побежала в след за львом. В душах у лаборантов запел голос юродивого из «Бориса Годунова»: «А у меня украли копеечку!». Да и во след уходящим, по коридору неслись крики: «Иван Иванович! Иван Иванович!».

ГЛАВА 22. ДВОЕ НЕПРИЧАСТНЫХ.

На следующий день Иван Ивановича пил чай вместе с Ираклием Феопемптовичем. Иван Иванович очень хотел видеть самого изобретателя, но Главный скрывал его во всю силу своего таланта, а он это умел мастерски. На первый взгляд было видно, что хитрый редактор, выбивающийся в великие учёные, из всех сил скрывает принадлежащее ему сокровище. Но правда состояла в том, что он не знал Ноя, ни разу его не видел, не понимал существо его предложений, даже не знал точно, как его зовут. Но это было совершенной ерундой для господина Главного редактора.

– Ираклий Феопемтович, но Вы понимаете исключительную ценность этого изобретения? Я готов признать за собой второе место в этом вопросе, но для этого ведь нужно видеть его вживую! Вы ведь уничтожили все, даже крохотные, зацепки за него. Его жена вылила среду и забрала тару, в которой была принесена культура. Она просто как шпион себя повела.

Главный заметил отсутствие буквы «п» в своём отчестве, но не придал этому ни какого значения. Как его только не величать за жизнь! Был и «Феопемыч», и «Феометович», даже – «Феопомпович». Так что гость его ещё и почти правильно назвал. И тут он подумал: «а вот Ника всегда меня правильно называет». Он уже несколько раз мысленно пообещал удочерить худенькую Нику за то, что она произвела такой эффект на этого учёного гордеца.

– Вероника Александрова является талантливейшим журналистом нашего журнала и параллельно с этим, она возглавляет эту научную разработку. К тому же она незамужняя.

– Ну, не об этом речь. Я понимаю, что она защищала свои интересы, но...

– Другим также хочется жить?

– Нет, ну что Вы! Я не про это. Просто наука не даёт зачастую быстрых и явных результатов.

– И поэтому, после её смерти, благодарные потомки достойно оценят этот вклад в дело научного прогресса...– и Главный ехидно улыбнулся – А я вот всегда в первую очередь думаю о том, сколько конкретных рублей принесёт мне то или иное дело. И Вам советую.

Но Иван Ивановича романтиком науки не был. А если бы был, то тогда он никогда не стал бы членом-корреспондентом и научным руководителем солидной организации.

– Ваши предложения?

– Мы с Вами становимся соучредителями фирмы. Ваш сектор – наука, мой – практика. А Вероника Александрова берёт на себя оперативное руководство.

– Краткость – сестра таланта. А автор изобретения?

– Ну... Авторские отчисления и должность директора по развитию.

– Он будет согласен?

На этот раз Главный задумался. Дело в том, что эти мысли ему как-то раньше ни когда не приходили.

– Думаю, что согласится. Всё для этого сделаем. Ведь кроме идеи тут ещё ой как много делать придётся!

– Как мы назовём нашу организацию?

– Предлагаю: «Рога и копыта».

Учёного разобрал смех. Отсмеявшись, он снова сделал серьёзное лицо.

– Не про это речь, а про форму. «Научно-промышленная организация», думаю, будет правильно.

Согласно кивнув, Главный снова вызвонил Потапа. Когда он пришёл, начальники уже успели оценить качество хорошего коньяка.

– Потап, ты берёшь все эти процессы под свой контроль. Создаём фирму. Опять пригласи юриста и экономиста, будем решать с ними.

Иван Иванович несколько отошёл от бодрящих поначалу винных паров, и уже решительно, а не отстранённо и холодно как раньше, воскликнул:

– Нет! Про это мы говорить будем, когда мои юрист и экономист также будут!

– Ну, звоните, звоните, звоните!

И был несколько раздражённо предложен телефон. Всё закрутилось.

Проговорив со всеми пришедшими более четырёх часов, дважды поругавшись, Главный и сам бы не смог выговорить своё отчество. Тело настойчиво требовало отдыха, но время ждать не хотело. В кабинете сейчас сидел один Потап.

– Ника здесь?

– Да, да. Вроде бы сидела, что-то писала.

– Ты плохо работаешь! Что значит «что-то писала»? Ты это должен знать, что она писала!

– Ой, сейчас же узнаю.

– Сейчас не трудись, с ней я говорить буду.

– Да, да, сейчас позову.

– Нет! Я позвоню. Твоё участие таким навязчивым быть не должно. Иди.

Выходя, Потап услышал себе в спину утомлённый голос:

– Я похож на сваху?

– Нет, Ираклий Феом...

– Знаю, знаю, но – нужно. Всё – иди, наконец!

После звонка Главного Ника вбежала с какими-то встревоженными, начинавшими краснеть, глазами. Опыт подсказывал старому журналисту, что оторвал от статьи, но поговорить нужно было обязательно.

– Здравствуй, Вероника! Ну и как результаты визита к учёным? Чем вы там вообще занимались?

– Изумительно! Всё прошло очень хорошо. Есть интересные мысли. Сейчас как раз дописываю статью про экологию.

– Оставь пока.

– Как? Вы ведь сами мне крайние сроки установили!

– Потом допишешь, а сейчас мне нужна другая статья.

– Всегда готова!

– Но я её не напечатаю.

У Ники поначалу мысли не смогли принять хоть какой-то определённый вид.

– Это как? Чего её писать-то тогда?

– Внимательно выслушай меня... Эта статья должна быть написана ядом и желчью.

– Ну, это не ко мне... Этого у Потапа полно, он спокойно напишет.

– Нет – ты! Ты и ни кто другой! Чем вы там вчера занимались, что Иван Иванович считает вас мужем и женой?

Туман в голове только крепчал.

– Ой... ни чем таким... я вообще только о науке думала...

– Ты не понимаешь, они тебя считают стервой, на которой он женат, и которая строит вокруг него непреодолимую крепость.

– Но я только средú вылила!

– Когда?

– Нет, нет – нефть, а не средú.

– Не важно. Важно то, что ты будешь стервой, и напишешь страшно злую статью про всю их нефтяную возню. А я покажу там её и приложу массу тяжёлых усилий, что бы статья не увидела свет ни в нашем, ни в каком другом журнале.

– У меня не получится.

– Замуж выйти за... как его звать-то?

– Ной.

– Замуж выйти за Ноя?

– Ерунда. Он меня вообще девочкой считает.

– Так даже пикантнее. Может тебе маммопластику сделать?

– Чего?

– Грудь увеличить.

– Ой... нет...

– Я оплачу.

– У него жена есть?

– Нет, он в разводе.

– А! – почти закричал Главный – Правильно выяснила! Верной дорогой идёте товарищи! Поинтересовалась правильно, но вообще я тебя сделаю директором одного научно-производственного предприятия.

– Но я этого вообще не знаю...

– Узнаешь! А днём или ночью – это уж, как карта ляжет. Новую статью жду как можно быстрее. Два дня! Всё – пошла писать.

Почти вытолкнутая в спину концентрированной волей Главного, Ника начала искать в себе яд.

ГЛАВА 23. ПАСЬЯНС НЕ СОЙДЁТСЯ.

Главный неосознанно пытался думать. Вообще спокойно делать это он был непривычен, но сегодняшние переговоры из него просто высосали все силы. Сейчас он сидел в приятном изнеможении и полном довольстве собой.

Когда-то давно, намекая на его склонности, коллеги подарили ему колоду хороших игральных карт. Дело в том, что когда он решал любые проблемы в коллективе, это походило на раскладывание пасьянса. Хотя ни какими добрыми чувствами к работникам это не сопровождалось, но и злых чувств также не было. А пасьянс часто сходил. Эта похожесть и была подмечена журналистской братией, почему и появился этот подарок. А сейчас время как раз советовало просто спокойно подумать. Разложив колоду, он начал разглядывать красивые картинки.

«Вот, джокер. Кто такой – ни кто не знает, чего ждать от него – непонятно. Правильно нарисован: шут в колпаке. Ни в одну игру не идёт, просто в колоде есть и всё. Ной, Ной... Вот положим-ка его сюда... Ты – Ной... Ты – Ной...». Потом взгляд его упал на даму червей. «Ника? Нет... Она вроде как-то хуже. Вот... Дама треф, кладём рядом.» Положив рядом обе карты, он глубоко задумался. «Ну, а моё место где? Должно быть вот тут...». И решительный палец упёрся в стол снизу выбранной парочки. Порывшись в куче карт, в ней был найден властный и решительный трефовый король. Поглядев немного на карту с явным удовольствием, Главный положил короля на нужное место. Мысль возвращалась к парочке. «Ника, Ника... Кто же тебя развлекать будет? Кто будет...». И на стол легла рядом с джокером карта червовой дамы. После этого лицо трефовой дамы как будто напряглось и взволновалось. «А куда деваться? Некуда. Червовая дама нужна... Непременно нужна. Она тебя развлекать будет...». Червовая дама расплылась в улыбке ещё шире. «Кто ты такая, я пока не знаю, но и ты должна помнить, что над вами вот этот пиковый туз...» И тот занял отведённое место. Места под трефовым королём заняли валет-Потап и пиковый король Иван Иванович. Добротность Потапа естественно обеспечила ему червовую масть. Но центром этого пасьянса всё равно был Ной.

Рассматривание пасьянса было прервано всё тем-же червовым валетом.

– Тук, так, тук, извините, новости у меня.

– Ну? – недовольно прервав свои мысли над пасьянсом, затребовал ответа Главный. Набрав полную грудь воздуха и возомнив себя Павликом Морозовым, начал вещать Потап:

– Наша Ника хочет устроить диверсию! Все наши планы и цели она хочет разрушить своей статьёй, в которой...

– Я знаю.

Потап был поражён этим до глубины души. Он-то ожидал, что его информация произведёт фурор. Ведь не зря же статья эта была окружена невероятной тайной!

– Как?!

– Послушай меня, Потапик, внимательно послушай. Ника пишет то, что должна писать. А ты ей в этом будешь оказывать максимальную помощь. Максимальную! И, не дай тебе Бог, рассказать хоть кому ни будь про это!

– Учёным также не говорить?

– Вот именно им и не говорить в первую очередь!

– Так, фирмы не будет?

– А вот если расскажешь, то и не будет. Но учти, что я тебя тогда в сортире замочу, причём с особой жестокостью.

Потап ни чего толком не понял, но его исполнительность могла дать стопроцентную гарантию исполнения приказа. Как можно атаковать учёных в момент заключения с ними договора? Или атака это просто возможность склонить чашу весов договора на свою сторону? Но было понимание того, что есть вещи, которые он просто не понимает. Что большой начальнический пасьянс учитывает всё.

– Всё? Проблем больше нет?

– Есть. Я в социальной сети...

– ...время трачу.– Закончил за Потапа Главный.– Или что полезное там пишешь?

– Полезное, полезное. Я там писал про очистку от нефти...

– Заставь дурака Богу молиться... Кто тебе это-то позволял?! Трепать в нашей любимой помойке эту тему – по краю ходить. Имей в виду – по краю пропасти.

– Но я прошёл по этому краю! Нами заинтересовалась одна девушка.

Главный взял со стола червового валета и со злобой кинул его на пол. Ему тогда казалось, что привлечение к делам этого болтуна оказалось самой большой ошибкой.

– Ты что мне всю свою эротическую переписку рассказывать будешь?

– Это тут не приём. Дело в том, что она очень заинтересовалась тем, что мы делаем. А она, между прочим, менеджер научного фонда по развитию экологических разработок.

Гнев приготовился поспешно скрыться, так как вдалеке замаячил призрак выгоды.

– У нас есть такие фонды?

– У нас – нет. А в Америке – есть.

– А ты, мой друг, английский знаешь что ли?

– Ну, знаю немного. Но она и по-русски хорошо пишет.

Главный вздохнул и одно мгновение помечтал о прохладном шезлонге на берегу океана.

– Потап, всё понял, но я замучен за сегодняшний день. Я даже и ругаться не могу. Иди, Нике помогай.

Потап уже и раньше начинал чувствовать, что он вступил на очень скользкий путь. Хоть интрига особо сложной и не была, но это была не его интрига. Становиться гладиатором в этом беллетристическом Колизее очень не хотелось, поэтому хитрая голова отказалась понимать примитивное. Конечно, он сделает всё как сказано, но выбрасывать свои карты в этот пасьянс пока не будет. А вот симпатичная Сабина, от которой прямо пахнет деньгами, это – другое дело. Это его карта! Да и Главный вроде как-то не очень заинтересован.

А Главный подобрал с пола скомканную в гневе карту, разгладил и снова положил её на своё место. Червовая дама всё также улыбалась, но сейчас редактору казалось, что он её знает. Напряжение сегодняшнего дня сделало его чуть-чуть пророком.

– Ну, красавица, – сказал он даме, – в фонде работаете?

Дама всё продолжала просто улыбаться, хоть Главному и казалось, что ей что-то нужно.

ГЛАВА 24. ТАЩИТЬ ИЛЬ НЕ ТАЩИТЬ – ВОТ В ЧЁМ ВОПРОС!

На небосклоне Эраста Рифовича начали ходить тучи. Причём, чей именно был этот небосклон, было непонятно. Прошрое мероприятие, которое он провернул под руководством Ноя, казалось ему очень выгодным. А то, что потом ему дали новую должность, напрягало его. И дело состояло в том, что тот министр, чьим заместителем стал Эраст, был вор. И вор наглый и опытный. Ему хотелось иметь в своих замах человека, полностью поддерживающего себя. А вором Эраст не был. Не то, чтобы он отличался какой-то особой честностью, но по сравнению с начальником он был святым. Глубиной души Эраст предчувствовал срок, что его крайне волновало. Поэтому слухи о том, что начальник хочет убрать его с этого нового места, даже немного радовали. Но с другой стороны, для достижения этого места Ной давал свои однозначные рекомендации, идти против которых не хотелось. Нынешние проблемы носили уж больно секретный характер, так что пришлось просить Ноя о конфиденциальной встрече у него дома.

– Как Вы думаете, Эрнест Рифович, почему я в прошлый раз я советовал идти к нему?

Эраст Рифович моргал и пытался думать. Вообще нужно сказать, что глупым он не был, но его ум имел привычные рамки и направления работы. А работа Ноя ни в то ни в другое не укладывалась. Так что ничего интересного в голову не шло.

– Почему?

– Начну издалека. Один римский император имел естественные проблемы с бюджетом. И для его пополнения он придумал сажать на государственные должности воров и взяточников. Ждал определённое время,

чтобы они ценностей насосались, и отдавал их под суд. Суд совершенно честно осуждал их и приговаривал к конфискации имущества в доход государства.

– Так что, нам его наворованное как-то получить нужно?

Ной рассмеялся.

– Боже упаси! Его нужно в доход государства определить, а не в наш. Получив компромат на него можно правильно его подать и получить место.

Эраст понимающе кивал, причём, изнутри у него просто ярким цветком расцветала принесённая информация.

– Он хочет убить одного предпринимателя!– Выпалил он.

– Ах вот как... Я и не предполагал, что такой чин может вот так запросто запланировать убийство.

– Может-то он, может, да вот только у меня ни волоска от доказательств нет. Он секретчик ещё тот! Он весь свой кабинет как бункер всякими приборчиками обставил. Ни чего нельзя прослушать или записать...

– Так уж и ни чего?

– Я опыт ставил.

И расстроенный гость рассказал, как он купил простенького жучка и потаённо поставил его в кабинете начальника.

– И, Алла бирса, что ума хватило слушать его не пытаться! Через час после того, как поставил, начался жуткий скандал. Вызвал охрану, специалистов своих. Ездили, искали, кто слушает... Правда, я возглавил следственную бригаду, да и остатки от жучка подальше выбросил. Ещё пытался, да безуспешно.

– Эта информация была бы нам полезнее, чем та о которой я в начале думал.

– Мы можем её достать?

А вообще, Эраст Рифович уважал Ноя. И не только уважал, но и верил ему безгранично. Хотя он и был старше лет на десять, но ни какого горделивого отношения не было и в помине. Вера эта была поддержана бесконечной вереницей событий, в которых сомнений быть не могло. Она уже даже походила на религиозное чувство, пусть и на уровне колдовства. Эраст верил в Ноя, как в великого шамана, которому доступно многое непонятное в этом мире.

– Нужно пробовать. Я Вам рассказывал, что я могу чувствовать некоторые вещи на расстоянии через воду?

Эраст послушно кивнул. Особо он этого не понимал, но то, что это работает, у него в своё время была возможность убедиться на практике.

– Между мной и объектом наблюдения должна быть непрерывное водное сообщение, но можно и прерывать не на большие расстояния. Например – ряд банок с водой. А у вас там вода есть?

В ответ на это внезапно родилась очень интересная мысль. Если бы только можно было сейчас представить, к каким дальнейшим мыслям приведёт она потом Ноя! Но сейчас он знал только, что нужна вода, ряд стоящих друг за другом банок, ведущих от его кабинета к кабинету начальника. Зачем это было нужно, становилось уже немного понятно, да и Ноем он верил беспредельно. А идея пришла толковая.

– А рыбки Вам мешать будут?

В одно мгновение Ной понял всё. До этого ему было совершенно непонятно, как это сделать, а сейчас всё это просто материализовалось из воздуха.

– Аквариумы вдоль стен?

– Всё это можно будет сделать из моего кабинета. Аквариума четыре поставим без проблем. Разные рыбки, то-сё, красиво будет!

– А рыбки... нет рыбки не помешают. Только больно шустрых не нужно – отвлекать будут.

Дело приобретало понятные очертания, а в далёких водах уже плавали будущие немые свидетели подвигов министра.

ГЛАВА 25. В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Фантазии Ивана Ивановича потихоньку давали маленькие корешки в Никиной головке.

Звоня в квартиру Ноя, ей уже начинало казаться, что она забыла свои ключи и что очень хорошо, что муж дома. А, по факту, дверь ей отворил посторонний мужчина, настоящее имя которого было ещё и неизвестно.

– Ной, слушай, а не могли бы мы дать нашей фирме эту водоросль?

– Вот-те здрасте! То есть и вам – "здрасте". Я вообще и в прошлый раз об этом не думал. Это ты ведь там шухер по поводу ликвидации спор устроила.

– Ну!– обиженно заголосила Ника,– Я помню! Но сейчас дать-то мы их можем?

– Да у них и так сейчас самая дорогая канализация.

– Это почему это?

– Так ты вылила большой стакан со спорами в неё. Они могли добыть споры оттуда в любое мгновение, если бы догадались.

– А! Я не знала... Прости меня, пожалуйста!

– Это за что это? Что водорослей не дала что ли? Так вот, что я тебе скажу: я уже несколько месяцев назад отдал эту водоросль.

– Кому?!

– Всему миру. Каждый, кто хочет, может набрать воды в море-океане, и там будет эта водоросль. Может быть будет...

– Так значит – можем?

– Более это не моя собственность. Я отдал её всему миру.

– Так можем?

Подсознательно Ника конечно понимала судьбу водоросли. Более того, слышала про это не один раз, но принимать ответственность за своё решение юная директриса ещё не умела.

– Ох, утомила меня... Да, отдавайте кому угодно! Хоть в переходе раздавать можно.

Ника была несколько шокирована этим известием, но желание продать общедоступную вещь было просто неудержимо

– А если про это ни кому не говорить?

– Ну... От тебя зависит.

– А ты можешь не говорить?

– Да мне и некому говорить. Так что в этом можешь на меня рассчитывать.

А новость распирала изнутри. Не привычная к такой работе журналистика пока ещё пребывала в начальной стадии эйфории, хоть ответственность за принимаемые решения уже чувствовалась.

– Ной, у нас теперь есть своя фирма.

– У нас?

Сказано было, действительно не очень понятно, но такие радужные новости позволяли говорить «нашу» на совершенно законных основаниях.

– Тебе предлагают должность директора по развитию!

– Успокойся и расскажи по порядку.

– Мы ходили к химикам?

– Ходили.

– Мы там произвели фурор?

– Произвели.

– Они хотя водоросль использовать?

– Пусть используют.

– А мы?

– Ты чая опять хочешь?

– Какого чая! Наш журнал и та фирма по нефтеобработке создали научно-производственную фирму «Чистый мир», где ты и я – директора!

– Подожди, но ведь вы – журналисты, а не химики.

– Ну не волнует совершенно! Не боги горшки обжигают.

– А ни чего, что я директором не буду?

Эта новость привела в удивление на этот раз Нику.

– Но почему?

– Не хочу.

Ноя разобрал смех от воспоминания лаконичного ответа Булгаковского Филиппа Филипповича. В ответ на это, раза два надувались в попытке ответа

худенькие щёки, но какого-то более мудрого вопроса, что уже прозвучал, не родилось.

– Но... но почему?

– Непонятное – пугает. Здесь мне очень много чего не понятно.

– Тебе деньги не нужны?

– Нужны. Иногда, даже очень нужны. Понимаешь...

Ной на мгновение задумался. Он смотрел на свою собеседницу и не мог понять, почему это хочется объяснить, научить, предостеречь, будто это была его дочь.

– В первый год всё будет хорошо. Будут платить деньги, восхищаться изобретением. Во второй – будут требовать развитие темы, в третий – возмутятся бездеятельностью и потребуют отчётов по выданным деньгам. Хорошо, если в четвёртый год не посадят...

– Но ведь можно продолжать?

– Это ты мне говоришь? Я эту тему закрыл. Дальше я могу лишь наблюдать. А рассчитывать на продолжение, всё равно, что себе признаться в первоначальных недоделках. А я сделал всё.

Говорящие сидели друг перед другом молча. Мысли их были совершенно про разное. Ною фирма была неинтересна. Его почему-то начала интересовать эта маленькая, хрупкая, неказистая девочка. Какие чувства вызывала она, было не до конца понятно, но он не выгнал её при первой встрече. Не выгнал и потом, хотя она этого может и заслуживала. С одной стороны, она напоминала его дочь, с другой – просто вызывала жалость. Но детей у Ноя не было... Мысли же Ники напоминали собой кучу бирюлек, которые были сделаны из гранат. Чтобы разобрать эту кучу, нужно было с предельной аккуратностью разобрать их по одной, приём за чеку задевать было нельзя. Она также ходила в двух разных костюмах: с одной стороны, играть роль жены было интересно, а с другой – представляться маленькой девочкой было приятно. Но сейчас маленькая девочка загрустил после недавнего возбуждения, а Ною её уже и до этого было жалко.

– Ну, не расстраивайся, не такой я уж и пропащий. Ходит ко мне иногда один клиент, и я у него спокойно конверты беру. А вообще, я человек ответственный, но быть обязанным кому-то не хочу.

Удивление Никино особо не проходило, и тогда было найдено хорошее решение проблемы.

– А вообще, если уж хочешь, то лекции про водоросль свою прочесть могу. Хорошо должны получиться, ведь во всём мире ещё не один лектор настолько хорошо объект своих лекций не знает.

Надежда развеселить увенчалась некоторым успехом. Личико посветлело, а язычок заявил:

– Я люблю... твой чай.

Ной рассмеялся и пошёл поить чаем новую директрису.

ГЛАВА 26. ПИРАНЬЯ МЕЧТЫ.

Эраст Рифович с детства любил аквариумных рыбок. Он любил просто смотреть, как они плавали в маленьком аквариуме и ели корм. Но размер этих аквариумов сейчас нужен был совершенно другой. Для реализации задуманного нужно было придумать что-то действительно интересное и необычное. Господину министру было бы больше по нраву, если бы у него в кабинете поставили вольер с боевым бультерьером. Он бы тогда мог кормить его посетителями. А тут – рыбки... За такое несчастного заместителя непромедлительно съели бы самостоятельно. Но его хитрая голова решила всё правильно. Эраст Рифович поставил четыре аквариума, по одному с каждой стороны стен его и министра кабинетов. В своём он завёл пару толстых телескопов, которые, кажется, просто собирались лопнуть от важности. Следующий аквариум приютил в себе крупных скалярий. Они медленно плавали вниз и вверх как-то судорожно вдыхая там непривычный другим рыбам воздух. В третьем жилище поселилась крупная цихлида, которая всё время решала единственный вопрос: «Как бы покушать?» А в кабинет министра пошла редкая и дорогая гостья. Её мысли были примерно такими же, но всё же немножко другими: «Кого бы съесть?» Для неё это было совершенно нормально, ведь она была пираньей. Редкой, декоративной розовой пираньей, которая любила мясо. Впечатление она произвела на министра сногшибательное. Наконец он нашёл родственную душу! Он сам с большим наслаждением кормил её маленькими кусочками мяса. Даже иногда он приносил из дома куски покрупнее, что бы бедная рыбка покрутилась около них в желании отгрызть кусочек поменьше. Конечно, если бы на её месте была обычная чёрная пиранья, то радости не было бы предела. Но об их цветах особо известно не было. Когда розовая гостья кушала, хозяин следил за ней затаив дыхание. Он испытывал какое-то почти сексуальное возбуждение от этого, а до остальных рыб ему уже не было дела.

В своём кабинете, рядом с аквариумом, Эраст устроил небольшой закуток, где потом и располагался Ной со своим подвешенным камнем. Сначала Ной думал, что нужно будет проводить в этом заточении много времени. Хотя, заточение было более чем удобным. Приходя ранним утром, пока секретарша ещё спала, он располагался на своём наблюдательном месте, а хозяин кабинета очень тихо исчезал из поля зрения. Вообще прочие социальные удобства кабинета позволяли заниматься этим довольно долго, но случившееся открытие не позволило это сделать. Дело в том, что в моменты экстатического наблюдения министром своей рыбки, его разум терял всякие тормоза и Ной мог чувствовать в нём всё, что угодно.

А чувствовалось это довольно просто. Сидя перед своим камнем в аквариуме, он всё своё внимание уделял приходившим мыслям. Причём, они не все были собственные. Задачей было всего лишь отделить их от своих, и записать выделенные на диктофон. Потом записи поступали в распоряжение Эраста Рифовича, который переводил их с рыбьего языка на человеческий довольно успешно. Первое, что было услышано по воде, было: «Урод белобрысый! Кушай, солнце моё, кушай... Через недельку покрошу...». Ни какого белобрысого урода у Ноя на примете вообще не было и солнышком он ни кого не называл. Так что всё это было отнесено на министерский счёт. Но эти слова, удивительно с какой лёгкостью, были поняты Эрастом: «Господин Загорский очень светлую наружность имеет, а именно он и является главным врагом. Я с самого начала и узнал о планах министра именно в его адрес. И сейчас он собрался заказать его как раз перед самым советом акционеров, чтобы с этого свои особые дивиденды получить». И дело пошло! Ной вообще, по началу, предполагал, что придётся «слушать» по ночам какие-то встречи с наёмными убийцами, входить в ход работы энергетической отрасли, а в реальности всё получилось гораздо проще. Министр был человек злым и жестоким. И вот именно эта парочка и открывала потаённые пути к его сердцу. Внутри у него постоянно шла какая-то страшная пьеса, в которой его желания, фантазии и планы безжалостно расправлялись с врагами. И это всё было очень хорошо «слышно». За три дня было собрано материалов на вполне весомый том уголовного дела. Ной был просто счастлив. На самом гребне волны чувств, с Эраста было даже взято обещание поставить памятник этой розовой чудеснице. Но это распоряжение оказалось невыполненным...

– Ну что, Эраст Рифович, – говорил в конце наблюдения развеселившейся Ной, – что мы будем со всем этим делать?

Но тут уже инициатива стремительно переходила от неспешного и слишком умного Ноя к деловому и решительному Эрасту. Их симбиоз вполне учитывал это, так что – «мавр сделал своё дело»:

– Ну, это дело как раз понятное. Я не позволю себе ещё и этим Вас озабочивать. А вообще – в милицию отнесу.

Это постановка вопроса вполне устраивала нашего гуру. Так что он, предупредив, чтобы в следующий раз при таких мероприятиях для успокоения нервов «слушающему» предоставлялось ведро валерьянки, ушёл с чувством выполненного долга. А розовой пиранье успокаивать нервы было ни к чему...

Ни в какую полицию Эраст звонить не стал. Он понимал, что томик этот будет интересен в несколько другом месте. Причём, хоть он и свято верил в каждую букву написанного, но также понимал, что ни одного доказательства в папке нет и в помине. Нужна была такая организация, которая не запросила бы доказательства в первую очередь, а просто поверила без них. Совершенно понятно, что всё проверят тысячу раз, проведут целый ряд действий, допросят

даже пиранью, но на папку прореагируют сразу. Но с «открытым лицом» идти туда нельзя. Как в древнегреческой драме актёр закрывал себе лицо маской, «персоной», и вот уже простой человек превращался, скажем – в Зевса. Вот и персоне Эраста нужна была такая персона. Но она была несколько иной – трусливой и управляемой. Спецслужбам могло стать известно, что это не совсем Эрастова сущность, но без этой персоны драма могла не получиться. А сыграть её хотелось...

Эраст намеренно «сыграл дурака» и позвонил в службу по своему рабочему телефону и не представился. Он знал, что на господина министра «зуб уже точили» и что его информация представляла существенный интерес. Нужно было только успеть до того момента, как эти преступные планы пришли в действие. Господину Загорскому нужно было бы поставить большую свечку за Эраста, если бы он знал про это.

Уже вечером того же дня, домой позвонил вежливый молодой человек с лицом барракуды. Номер и место звонка, естественно, вычислили сразу. Звонившего – также. Эраст талантливо сыграл трясущегося от страха зама. Но не только трясущегося, но и знающего очень много секретов, которые совершенно случайно стали ему известны. Правда, не всё было так уж просто. Пришлось немного повозиться и совершенно достоверно доказать пришедшему свои сомнения в его полномочиях. Взаимно понравившись, Эраст с удовольствием удовлетворил интерес гостя по задержанию крупного государственного деятеля да ещё по такому «блатному» делу.

Получив ВРИО после ареста начальника, был снова позван Ноя для упрочения «эффекта», и уже после этого искомое место министра энергетики было получено под фанфары спецслужб. Вообще Эраст Рифович оказался нужным всем. Спецслужбы просто надеялись на его лояльность и управляемость, а вот масса довольно крупных бизнесменов после прихода внимательного и мягкого министра устроили что-то вроде праздничного карнавала в честь его назначения. Особо добрым и щедрым он не был, но находящийся ранее в «пожизненном эцихе с гвоздями» бизнес очень хорошо оценил тот факт, что новым министром он «был переведён в камеру общего режима» со всеми ей доступными вольностями.

ГЛАВА 27. ДОННЫЙ УДИЛЬЩИК.

Потап убивал время. Ему правда казалось, что он выполняет в социальной сети невероятный по значимости труд. Себе он представлялся каким-то супершпионом, выполняющим трудную работу по потреблению иностранных денег, но на самом деле он был просто толстеньким оболтусом, именно которого и собрались съесть. Он немного рассказал о «Чистом мире»,

немного почитал вранья на эту тему, но одно из них заметно выделялись среди прочих.

Есть такая хитрая рыбка под названием «донный удильщик». Она обладает уникальным языком, который во тьме морской очень похож на червя. Что бы мимо него не проплыли симпатичные рыбки, он даже зажигает маленький фонарик, который и говорит всем: «здесь червячок!». Вот найдётся глупышка, что соберётся скушать его, так удильщик и сыт становится. Потап увидел как раз такой огонёк. Звали его – Сабина. Она была редким любителем покушать какого ни будь зазевавшегося Потапа на бескрайних просторах интернета. Чем привлекать их у неё было. И речь идёт не о глазах, волосах, груди и других обычных «фонариках». В её пасти очень соблазнительно шевелился знак доллара. Так обычно и бывает – плывёт несчастный на свет фонарика в ночи и думает: «Классные груди!», потом начинает шевелиться червячок: «Ой, тут и заработать можно!», а под конец, под довольное жевание удильщика: «Ё-моё, что ж я сделал!».

Потап на первый взгляд казался очень аппетитным, знакомство выходило хорошее, но чувствительное обоняние говорило опытной хищнице, что это всего лишь пена. Пена над чем-то действительно очень важным.

Сабина была очень спокойной и целенаправленной женщиной. Она совершенно спокойно легла бы под любого начальника, если бы он за это ей предлагал выгодный контракт. А если бы сердобольное общество начало недовольно качать головой с осуждающим шёпотом «это позор какой-то...», она совершенно спокойно, без следа стеснения, парировала бы: «Но мне же нужно было договор заключать!». А если бы чуть позже этот начальник начал чинить препятствия для перевода денег, то она просто насыпала бы ему яда с таким же спокойным оправданием: «Но ведь мне нужно было денежную транзакцию осуществить!». Причём и первое и второе говорилось с таким чувством, что общество, безусловно, согласилось бы с такими оправданиями.

А Потап был всего лишь ступенькой и зацепочкой за что-то более важное. Всё завертелось очень быстро. Уже через неделю она приехала в журнал. Через открытую Потапом дверь, сперва зашла её широкая улыбка. Но эта улыбка очень быстро сообразила, кто такой этот Потап и что с него молока не получишь никакого.

На все потаповские вежливости вроде: «Good afternoon, mis. Sabina!», он получил на почти чистом русском: «Извините, можно мне в «Чистый мир» попасть?». Попасть она могла, но в этом случае её «русский друг» потерял бы и свои призрачные надежды на золотой дождь с полосатых небес. Как он не юлил и не заговаривал эти красивые зубы, в ответ он слышал лишь: «Извините, можно мне в «Чистый мир» попасть?».

Но вообще, Сабина была человеком добрым. Ко всему, происходящему вокруг, она испытывала добрые и светлые чувства. Экология была областью

особо добрых её начинаний. Масляная плёнка на луже вызывала в ней искренние переживания и желание исправить лужу как таковую. Но тут гнездились только одно «но». Всё это упиралось преимущественно только в набор красивых фраз, приводящих к укреплению её собственного бюджета и бюджета фонда. В ней жило глубокое, почти религиозное чувство, что всё происходящее происходит по высшему плану. По поводу любого происшествия она могла сказать: «Значит – так было нужно». Причём, это было-бы сказано и при добавлении яда в кофе мешающему ей человеку. И Потапа Сабина также искренне жалела. Жалела и когда он привёл её в «Чистый мир», и когда она была там у него отнята злой начальницей.

Ника была недовольна этими фантазиями Потапа, но со стороны «великих начальников», Ираклия Феопемптовича и Ивана Ивановича, этот визит был поддержан на сто процентов. Практически не говоря ни слова со своей американской гостьей, Ника повела её показывать своё изобретение. Да, она также сделала изобретение. Но она была журналистом, и это изобретение было скорее игрушечное продолжение водоросли, чем что-то практически полезное. Но стоимость оно имело уникально низкую. Однажды, добираясь в лабораторию в фирме Ивана Ивановича, она за пятьдесят рублей купила лазерную указку. Всё изобретение заключалось в том, что подсвечивая лазерным лучом нефтяную смесь с запущенным в неё зародышами, она получила невероятно красивый эффект. Появляющиеся в нефти мелкие песчинки начинали рассеивать луч по всем сторонам, причём, чем дальше шёл этот процесс, тем красивее становилось сияние вокруг него. Грязная, мутная, чёрная жижа за несколько мгновений превращалась в удивительный светящийся букет, который потом медленно пропадал с оседанием песка на дно. Зрителей это завораживало настолько, что они напрочь забывали свои вопросы.

Вот на это шоу Ника и вела крайне любопытную Сабину.

– Скажите, миссис, а мне можно посмотреть, как работает это изобретение?

– Да.– Сухо отвечала Ника, хоть в глубине души и была довольна ошибкой «миссис».

– Могу ли я сфотографировать его?

– Нет, не сможете.

– Но как ни-будь можно мне показать в моём фонде эти результаты?

Особо злой Ника не была, поэтому её внешняя холодность довольно быстро улетучилась, хотя Сабина грудь и приводила её постоянно в неосознанно замешательство.

– Нет, не в секретах дело. Можете снять, но только снять на видео. Хотя и на нём, скорее всего, мало что получится. Это нужно видеть.

Уже знакомые лаборанты, заранее начали готовить вновь изготовленную стеклянную трубу с установленным и тщательно замаскированным лазером. Труба была больше, чем у Ноя, и нефти туда лили больше. Поэтому продолжительность всего шоу несколько выросла, что было только полезным зрелищности этого процесса.

– Вау!– Вырвалось из поражённой Сабины.– А что это было?

– Водоросль съела нефть, а песок после этого просто осел на дно. Не ожидали такого простого объяснения?

– Я думала, что это будет всё же как-то сложнее,– призналась Сабина.

Послышавшееся в голосе разочарование задело Никину гордость за водоросль Ноя.

– Так вот, вы сами сможете сделать сложный и эффективный способ очистки водоёмов от нефти. Без нашего участия.

Но Сабина на такое обижаться вообще не умела, поэтому этот выпад прошёл вообще незамеченным.

– Но мы хотим работать с вами.

– Если такое желание есть, то нас оно радует.

– Мне говорили, что над этой водорослей работает ещё один учёный, Ной Комиту?

Нике передёрнуло. В глубине души она надеялась, что минет её чаша сия. Но Сабина знала чуть больше, чем хотела показывать. Даже фамилию его псевдонимную знала.

– Зачем нужна эта встреча?

– Но ведь водоросль открыта им, он работает с ней. Наверное, права на её использование принадлежат ему. Для нашей дальнейшей работы мы всё равно должны заключать с ним договор.

– Он...– Нике приходилось что-то очень быстро придумывать.– Он обычно никого не принимает.

– Но речь здесь вообще не идёт о каких-то научных делах. Я тем более, и не учёная вовсе. Но мне было бы очень интересно узнать многие вещи. Где, например, корни у этой водоросли, где листья?

Ника постепенно переходила из состояния глухой обороны в состояние ехидного хихиканья. Злобы особой уже не было. Но, что визитёрша не была особо учёной, было понятно сразу. Вволю ехидно посмеявшись, Ника почувствовала себя умудрённым профессором, который начал вещать прописные истины неразумным детям. Поучающе рассказав про листья и корни, Ника рассеяла свою возникшую злость.

Пока злоба кипела, как чайник, в сторону Сабины была выпущена масса ядовитых стрел. Но, к Никину удивлению, ни одна из них своей цели не достигла. Сабина не прореагировала ни на одну шпильку, колкость или

оскорбление. Она вела себя так, будто они её вообще не касаются, а она занимается другим интересным и очень важным делом.

Все слова записывались на диктофон, частенько щёлкал фотоаппарат, работала видеокамера. Когда после всех рассказов, Сабина вернулась к трубе с уже осевшими спорами и пыталась хоть пальчик погрузить в жидкость, Ника практически силой отогнала её. Это было опять-таки воспринято как совершенно правильные действия. После этого Сабина совершенно искренне, без тени иронии, поблагодарила за исчерпывающую лекцию и очень душевно простилась уходя.

Ника не ожидала такой реакции. Она предполагала крики, взаимные шпильки, обвинения, угрозы, ругань. Но ни чего этого не было и в помине, хоть поводы для этого и были созданы.

После этого, напротив, у начальницы возникло чувство, что её обворовали. Причём, обворовали очень искусно, принудили какой-то непонятной силой рассказать и показать всё самостоятельно. Тяжело вздохнув и попрощавшись с лаборантами, Вероника решила ни за что не пускать американку к Ною. А лаборанты были поражены произошедшим не меньше участниц поединка. Было время, когда им казалось, что девушки схватятся в рукопашную. Но получить удовольствие посмотреть на это у них не получилось.

ГЛАВА 28. ТРИ СЕСТРЫ.

Вероника, кажется, немного потолстела от обиды. Впервые перед дверью Ноя, она стояла в непонятной нерешительности. Нужно было сказать про Сабину, но делать этого совершенно не хотелось. Хитрая и непонятная ревность, таившаяся до этого за границами сознания, а сейчас нагло и решительно вылезла наружу. И не она одна...

– И что, вот прямо так отдать своего любимого мужчину какой-то денежной мошне?!– Решительно заявила внезапно пришедшая Ревность.

– Но ведь ты обещала это сделать. Много людей ждут от тебя, что ты сделаешь свою непосредственную работу.– Отвечала скандалящей ревности спокойная Обязательность.

– И что? Я что подписывалась своего мужчину отдавать этой проститутке?

– Успокойся, подруга. Он, кстати, и не наш вовсе. А у Сабина твоей вон какие груди! А попа какая! Себя в зеркале давно видела? Мужчины, они ведь не собаки – на кости не бросаются.

Ника дёрнулась от замечания Ответственности. Порывшись в сумочке, своего зеркальца она не нашла. Пришлось пробежать половину лестничного пролёта, чтобы взглянуть на оконное стекло. Смотрящее с мутного и немытого окна чудовище заявило в поддержку Ответственности:

– Ну вот, красилась бы хоть чуточку! Самой не страшно?

– Так вот, я даже обязана его соблазнять! Главный сказал! Поэтому – он мой и ничей больше. И крутится рядом, я ни кому не позволю!– Всё также решительно протестовала Ревность.

Но рассказать, как идут дела с водорослью, с его водорослью, ты обязана!– Заявляла уже начинающая раздражаться Ответственность.– Что же, ты всё скрывать будешь? Рано или поздно ты сама запутаешься, и про тебя скажут, что ты – врунья.

– Зато ты сделаешь всё, что хотела, а иначе себя просто в жертву общественному мнению принесёшь.– Неожиданно переметнувшись на сторону Ревности, заявила Гордость.– И вообще, а ну-ка замолчали все! Пусть сама решает. Она девочка уже большая, а то я на вас доктора сейчас позову!

Внутренний разговор этих сущностей произвёл хоть и косвенный, но позитивный эффект. Сделав для себя выводы о своём внешнем виде, Ника позвонила в дверь. Пока Ной шёл открывать дверь, она решила для себя, что выводы сделать нужно, но секреты ни какие не городить. Жизнь помогла ей – Ной вообще был занят другим. Дверь открыл чем-то очень обрадованный хозяин. Радость просто светилось в его посветлевшем и изменившемся от этого лице.

– Мне пришло письмо!

С этими словами в руки Ники был сунут обычный помятый бумажный конверт. Разум журналистки тут-же вошёл в особое возбуждённое состояние, дающее мозгу и организму впитывать в себя всю информацию, да и мысли вообще. Она стала похожа на не огранённый камень, чувствующей всё вокруг.

– А я думала оно электронное...

– Читай и не придирайся. С Камчатки пришло. Там у меня старичок есть знакомый. Почерк у него хороший. Ему мышь давить непривычно.

– А ты давишь?

– Ну, попросишь – надавлю. Читай!

Подавшись на принуждение, Ника взяла в руки помятое письмо. «Как про Сабину сказать-то?» – настойчивым дятлом беспокоил висок, но пока эта экзекуция чуть откладывалась. На коленях расправилась пришедшая радость. Аккуратным старческим почерком было исписано целых три листа. Началось чтение, в течение которого Ной безуспешно пытался справиться со своим радостным возбуждением.

«Здравствуйте, уважаемый Ной! Я хочу написать Вам о невероятном событии, которое произошло на прошлой неделе. Если бы Вы подробно не описали мне это, то я бы подумал, что это – чудо. Но в чудеса я не верю, тем более что я ожидал это. Я всё очень внимательно осмотрел, а потом сел писать Вам письмо. Вы просили меня смотреть на наши корабли. В прошлый вторник они стали белыми. У нас несколько кораблей старых стоит. Вернее – лежит на скалах. Я на двух в своё время я даже ходил. Я их хорошо знаю. Они были очень

грязные. В чистых штанах туда и заходить нечего. Весь чёрный за минуту будешь! И мазута остатки все время текут из них, вернее – текли. Сначала стала белой вода. Белой как молоко. Раньше такого никогда не было. А потом мутными стали борта кораблей. А они также были в мазуте и смазке. Да и ржавые все были. Правда, ржавыми и остались. Через два дня вода начала становиться прозрачной и молоко все ушло с водой. Только борта остались белыми. Мазута больше нет, а если он начинает течь, то сразу белеет...».

– Ну, вот и всё. Там написано много, но это в основном восторги старого шкипера. Хотя очень интересный старичок. Ему бы романы писать!– прервал чтение возбуждённый Ной.

– Тебя так сильно обрадовало это письмо?

– А на тебя впечатления оно не произвело?

– Ну, немного произвело. Мы тогда с тобой два года насчитали, а тут и одного не прошло.

Ной немного смутился невозможностью объяснить такое уменьшение сроков.

– Ну... кто его знает, почему... Может течение в Индийском океане подхватило, может по рекам как ни-будь прошло, может океан за... изгадили сильно.

– А чем тебя так обрадовал этот старичок?

– Понимаешь... водоросль очень живучая и плодовитая. И она уже обошла весь мир кругом. Про это я письмо и получил. А главное – я стал свободен!

Вероника заметила радостное возбуждение и стала выкручивать восторги в деловом направлении.

– А можно его ещё раз взглянуть?

– Кого это?

– Письмо.

– Оно перед тобой ведь лежит – смотри, сколько хочешь.

– А можно я его с собой возьму?

– Дай водицы испить, хозяйка, а то так есть хочется, что и переночевать негде! Драгоценность отнять хочешь?

– Но я его хочу очень внимательно прочесть. Я ведь уже статью представила! Она может очень хорошей получиться.

– Старый дедушка описывает старые корабли, рядом с которыми живёт... Получается просто «Старик и море». Переплюнуть хочешь?

– Я уже испросилась вся!– Ника сложила руки в молитвенной просьбе.– Пожалуйста!

– Ну хорошо, бери.

– Вот спасибо! Я побегу писать.

– Такое ощущение, что меня просто обокрали.– Сказал в шуточный обиде Ной.– А поговорить?

– Это будет самая интересная статья про экологию! Теперь меня идеи начали изнутри разрывать. Я не обокрала, а взяла займы. Верну с огромным процентом.

– Ну, меня тоже изнутри просто разрывает.

– Я скоро вернусь, пока!

– А что, тебе не интересно от чего я стал свободен?

– От меня?

– А это возможно?

– Нет.

– Я получил лучшее, что может получить учёный – я получил свободу от своего изобретения!

Уходящая задержалась и села в удивлении на диван.

– Это как это? Учёным это разве нужно?

– Да, нужно. Но обычно изобретение или бросают, или возюкаются с ним до самого конца. А я полностью завершил его! Теперь оно – часть природы. Природа приняла мою водоросль. Она обогнула весь мир!

Вдруг Ника вспомнила, что она собиралась сделать в самом начале. От этого воспоминания даже как-то свет вокруг поблёл и спина испариной покрылась.

– Ой, я ведь новость принесла. Нами заинтересовалась одна дама из Штатов.

– И?

– Тебе ведь с ней встретиться, наверное, нужно.

– Зачем?

В Никиной головке завертелась одна только мысль: «Пошли её, пошли её, пошли!», но мадам Ответственность решила сказать по-другому.

– Ведь дальнейшее продвижение нашей технологии обязательно потребует привлечения разных сил.

– Я свободен от своего изобретения. Мне от него больше ничего не нужно.

– А встреча?

– Ой, ладно, встречайся сама. А ты сейчас статью писать пошла?

Выставленная таким образом за дверь, Ника чувствовала бабочек у себя в душе: ни каких Сабин больше быть не может!

ГЛАВА 29. КРОТЫ И ИХ ЯМКИ.

Камчатка звала каким-то неведомым зовом, но сразу выехать туда было невозможно. Одна тайная мысль неотступно звала в редакцию, а Потап любил

волноваться. Сейчас ему не давала покоя неизвестность вокруг командировки коллеги.

– Ну и где ты была? Ни слова не сказала, Главный молчит и смеётся. Говорит – «на задании редакции». Оплатил дорогую командировку, почти на месяц куда-то свалить намерилась. Куда едешь-то?

– Далеко.

– В Америку что ли?

– Практически. Видна будет.

Глупая зависть начала грызть толстячка нестерпимо. С недавнего времени он переменялся в отношении к Нике. Он чувствовал от неё довольно отчётливую угрозу и вражду. Хотя следовало бы понимать, что эта угроза и вражда были его собственные.

– Вот и помогай ей после этого! Так бы я поехать мог. Ведь по моим же материалам поедешь, и ведь мне – «ни строчки, ни вздоха»! На Кубу что ли едешь?

Было понятно, что все эти волнения росли из зависти. Особого секрета в Камчатке не было, но выпить по примеру Главного глоток крови было приятно.

– Сам съездить хочешь?– развеселившаяся на пустом месте Ника начала петь одну простенькую песенку,– «В Магадан, еду в Магадан». Хочешь в Магадан?

– Ты что, в Магадан едешь?

– Эх, Потапик, дальше... На Камчатку.

– И ведь Ной, зараза, ни слова не сказал!

– Так он и не знал про это. Подожди, а ты это с ним встречался что ли?

Никуну встревожило поминание уже потихоньку превращавшегося в любимое имени. Вообще волнение вспыхнуло вновь, и бывшие тревоги по поводу Сабины зазвучали с новой силой.

– А ты как предполагала? Конечно, встречался – мой агент все-таки.

– Это он твой агент?

Потапу очень не понравилось, что его роль первооткрывателя в этом деле подвергалась сомнению.

– А что твой что ли?

– Это мы его секретари, а не он наш агент. И... что он про меня сказал?

– Сказал, что ты с ума сошла.

– Ну, правильно сказал. Не боишься, вдруг это заразно?

– Рассказывай.

– О чем?

– Побью.

– Я побью.

– Да ладно, крабы взяток не берут – не о чем тебе там писать.

– Взятки берут люди, которые ловят камчатского краба.

– Нет, с ними я встречаться не буду, но...– Ника с этими словами вдруг из серой мышки начала превращаться в злую фурию,– ты мне должен пообещать одну вещь!

Вообще Ника была очень довольна словам Ноя, но не взять клятву с Потапа она не могла.

– Ты ни слова не скажешь про Ноя Сабине!

– А если я того... сказал уже?

В глазах девушки засветилась совершенно первобытная ярость. Потап снова испугался.

– Да не бесись! Ни чего не сказал – пошутил я.

– Потапик, так вот, если узнаю, что ты рассказал о нём что-то Сабине, дал его адрес, фотографию, намекнул на цвет глаз, то я тебя удавлю на твоих же собственных кишках!

– Клянусь быть как рыба! Как жареная рыба! Клянусь здоровьем Главного!

– Шут! – и Ника выбежала по направлению Камчатки.

Сразу после этого шут побежал к Главному. В глазах Главного светился глубокий интерес к вошедшему, но остальное лицо выражало недовольство, что его отвлекли.

– Что случилось?

– Вероника собралась делать под нас подкоп. У меня есть данные, что на Камчатку ведутся работы по защите от нефти. Скорее всего, она туда поехала из-за них. Хочет уйти со всеми нашими разработками!

Конечно, у Потапа ничего не было кроме окрепшей за последнюю неделю ненависти. Формально особой лжи он не говорил, так - «журналистские предположения». И вообще за каждым его словом просилась частица «бы».

– Она Вам сказала, зачем поехала? Про что писать?

– Она собирается провезти материалы по поддержке проекта. Тем более что эту довольно дорогую командировку мне частично нефтяники оплатили.

Правильнее было сказать, что командировку частично оплатил именно Главный, но знать другим эти тонкости было совершенно необязательно. А Иван Иванович Нику побаивался, почему и оплатил командировку, даже до конца и не поняв её цели.

– Надеюсь, привезёт хорошие материалы. Там, конечно девяносто процентов будет под грифом «Чу, вечерело...», заметки фенолога, но процентов десять серьёзное продолжение могут иметь.

– А подкоп?

– А ты не фантазируешь? Прошлый раз ты со статьёй тоже голову пеплом посыпать собирался.

Действительно Потап сразу планов запугивания нефтяников непубликуемой Никиной статьёй не понял, а Главный снял с неё много сливок во время заключения договора. Но сейчас всё было по-другому. Раньше он не знал многого, а сейчас в своей лжи он был полностью уверен.

– Иван Иванович очень недоволен Ноем. Он ни чего не делает в фирме.

– Подожди, но он ведь там и не работает?

– Но водоросль-то его!

Логика была какой-то нечёткой, но - убедительной.

– Так вот, водоросль его, но он не делает для неё ничего, да и подруга егошняя – также. Да и Иван Иванович её уже бояться перестает. Водоросль у него есть, а то, что ничего нового не происходит, наводит его на мысль о своей собственности над ней. Смысла в них обоих уже нет никакого.

– Ты в этом уверен?– Вглядываясь в самую Потапскую суть, спросил Главный.

Потап не сразу поверил, что его сомнительное предложение так быстро получало поддержку. Правда, верить в это и не нужно было, так как его трудов в этом практически не было. Дело в том, что Иван Иванович уже несколько раз также пытался сделать подкоп под Нику, полагая в глубине души, что её опасность вымышленная. Но Главного страшило то, что прогнав Нику, Иван-Иваныч очень много под себя загребёт. А следующим на увольнение тогда встанет сам Ираклий Феопемптович. Формально его уволить не могли, но нефтяники бы с большим удовольствием поставили бы его «в самый дальний угол». Ника-то была просто наёмным менеджером с гордым именем «директор». Её уволить было можно, но делать это, не имея под ногами другой надёжной почвы, было опасно. Но на этот раз, Потап какое-никакое подобие такой почвы как раз и предлагал.

– Уверен полностью. Тем более что у меня и мысль одна есть.

– Излагай.

– Пусть нефтяники сами уберут Нику, реализуя своё крепнущее недовольство. А мы в то время предложим финансирование от Сабинина фонда.

– Откуда?

– Эта та американка, которую я нашёл. Я Вам про неё и её научный фонд говорил. Она очень хочет сотрудничать.

– А платить?

– И платить также. Тем более...– Потап помедлил, меняя мысль своего изложения,– Ника ненавидит её и ревнует страшно к Ною.

– А Ной нам будет нужен?

– Зачем? Не нужен вовсе. Водоросль у нас уже есть, а нового так ничего и не делается.

Идея Главному понравилась. Просидев некоторое время, размышляя над коренным изменением своего пасьянса, он построил себе новые планы. Конечно, чтобы предпринимать какие-то конкретные действия нужно будет проверить массу вопросов, но в целом решение было принято.

– Узнай всё. Приведи эту американку ко мне. Сейчас отправь ко мне нашу сладкую парочку.

– Это – юриста и экономиста?

Главный кивнул и махнул рукой, отправляя успешного крота на дело, но когда тот уже почти вышел, остановил его:

– Если у нас всё получится, место займёшь ты.

Обнадёженный обещанием Потап, побежал начинать рыть свой подкоп.

ГЛАВА 30. ТУЗ ПИК.

Новый кабинет Эрасту очень нравился. За свою жизнь он поменял массу кабинетов и кабинетиков, но этот был приятнее всех. Особенно он был приятен большой блестящей табличкой на двери. Вообще последнее время министр сидел в кабинете напротив, но такой красивой таблички там не было.

Первым делом кабинет был избавлен от злобной и оголодавшей за время проведения оперативных мероприятий по удалению предыдущего начальника гостыи. Также, вослед за пираньей, всю полноту свободы ощутила и длинноногий секретарь бывшего хозяина. Другие рыбы также вернулись в магазин, кроме телескопов, с которыми Эраст Рифович расстаться не смог. В приёмной место заняла другая девушка. Но назвать её секретаршей повернулся бы язык только у недалёкого человека. Самому Эрасту иногда казалось, что начальником сидит именно она, а он просто бумажки подписывает. Алина была при нём всегда. Она была абсолютно уверена в своём кресле рядом с дверью кабинета, как и в том, кто будет там хозяином. Когда Эраст менял кабинет Алина спокойно не делала ни чего, ожидая свой новый стул. Жена Эраста с ней была знакома. Иногда, к огромной радости секретарши, ей даже дарились коробки конфет. Конфеты Алина не любила и практически никогда не ела, но говорить об этом жене начальника было неприлично. Но это была совершенно не мягкость, а беззаветное служение своему статусу. А пройти недозволенному посетителю через неё было невозможно.

– Эраст Рифович, пришёл Иван Иванович Ключев, директор НПО «Олито». Был записан на приём позавчера. Вы сказали, что примете его. Он пришёл, пригласить?

Эраст Рифович хорошо знал Ивана Ивановича. Знакомы они были довольно давно, ещё, когда его звали просто Ваней. Потом его звали товарищ Клюев, и только потом – Иван Иванович. Пройдя хороший путь через школу, комсомол, университет и аспирантуру, он направил свои стопы в Академию наук. Но оставаться там казалось голодно, да и первого места там получить ой как было проблематично! Так что приятное слово «нефть» и определило весь процесс дальнейшего питания. Эраст знал этого посетителя, хотя особым его другом и не был. Надменный и рафинированный Ваня всегда считал простого и наивного Эрика каким-то дурачком и оболтусом. Но теперь приёма у этого оболтуса пришлось дожидаться два дня, причём это было ещё и очень быстро.

– Алиночка, он что, у тебя ждёт? Зови, зови.

Вошедший Иван Иванович сразу же после того, как переступил порог высокого кабинета, потерял весь блеск члена-корреспондента. Он затылком начал опять понимать, что его зовут – Ваня, а пришёл он с деликатной просьбой. Эраст открыл рот первый.

– Иван Иванович, здравствуй дорогой! Сколько лет мы с тобой не встречались!

– Да, давно. У тебя вот сейчас домик такой хороший.

– Хороший.

Быстро обговорив обычные вопросы давно навидевшихся знакомых, Эрасту первому стало жалко времени.

– Ну, давай к делу. Нужно-то что? Ты ведь не поговорить ко мне пришёл.

Иван Иванович глубоко вздохнул. Ему показалось, что его жалоба камнем упадёт именно в его собственный огород.

– Эраст, у меня ведь дело о воровстве,– заговорщицки начал Иван Иванович.

– Удивил.

– Нашу фирму ведут к продаже стратегически важных разработок за рубеж.

– Посадим.

– Кого?– Удивился быстроте ответа учёный.

– Тебя.

– А меня-то за что?

– Ты же сам сказал «нашу фирму»,– отсмеявшись, Эраст вернулся к серьёзному взгляду на проблему,– ты же занимаешься нефтянкой, так что у вас случилось?

Коротко рассказав существо работы, Иван Иванович перешёл к существу проблемы.

– У нашей фирмы два соучредителя – моя фирма и один журнал.

– Научный журнал что ли?

– Да, нет, не совсем. Скорее он даже – антинаучный. Обычная жёлтая пресса.

– А зачем потребовалось их брать? Зачем нужны они были?

Учёный вздохнул. Рассказывать, что это его взяли, а не он взял, очень не хотелось.

– Ну, неважно это. А важно то, что они собираются сделать сейчас. Водоросль эта пришла от них, а сейчас они собрались её в Америку продавать. Уже и фонд нашли, подозреваю, что уже договор составили.

– А ты почему не помешал?

– Не мог я. Мне самому пришлось её у них выпрашивать. Это сейчас поняли, разобрались, освоили. А у них сейчас начались распри. Директора нашей общей фирмы назначил этот второй журналист. Она баба ещё та стерва, но у неё даже и мысли не возникало за рубеж что-то продавать. А сейчас на Камчатку в командировку уехала, а её тут взяли и сместили! А тот, кто вместо неё пришёл, продаст всё и всем. Прежняя приезжую американку так отшила! Чуть не подрались. А этот...

– А вообще, это кому-то нужно? Кто-то покупает?

Услышав это, Иван Иванович вскочил и забегал отчаянно жестикулируя.

– Нужно?! Нужно?! Это стратегические технологии! Тут не только нефть, тут и ещё море чего!

– Слушай, прекрати шуметь! Я думаю. А другие учёные подтвердить стратегический характер исследований смогут?

– Да!

– Не кричи, а то моя Алина охрану вызовет. А тебе, Иван Иванович, партийное задание – нужно срочно создать список таких учёных и производств, которые могли бы подтвердить стратегическую важность этих технологий, переговорить с ними и дать его мне. Дальше – моё дело, как это всё оформить. Запретим к вывозу.

– Быстрее бы, а то ведь продадут!

– Так ты иди – быстро пиши, а я сейчас распоряджусь начать готовить экспертный совет.

Учёный уже собирался убежать, но на полпути был остановлен пришедшей мыслью министра.

– Стой! Шустрый какой... Сядь назад. На год меня старше, а прыгаешь как блоха. Кому принадлежат права на водоросль вашу? Авторские права чем защищены?

Этот вопрос опять поверг посетителя в глубокое уныние. За всю свою жизнь он таких моментов до этого и не припоминал вовсе. А тут пришлось опять признавать свои недоработки.

– Нет авторского... Его сделать невозможно – водоросли этой пока в природе нет, как она была выращена мне не известно. А без всего этого и ссылаться не на что.

– Ерунда. Учёный ведь, авторское свидетельство обязательно нужно сделать. Я сам этим займусь.

– А как можно будет запретить это?

– В нашем деле этот журналист не нужен. Это теперь также моё дело. Иди, Иван Иванович, пиши список. Завтра жду.

Алина занесла начальнику чай с его любимой мятой. На напряжённо-задумчивом его лице без сомнения читалась глубокое размышление. Язык, на котором это всё было написано, был в точности известен Алине. Более того, в силу своей женской интуиции, иногда она уже предполагала решение возникших проблем. Эраст догадывался об этом...

– Алина, сядь.

Присевшая Алина молча ждала озвучивания этой проблемы.

– Как тебе показался посетитель?

Вопросу она не удивилась ни капельки. Его Эраст Рифович задавал довольно часто, желая узнать женское мнение, безошибочное в этих тонких губах секретарши.

– Учёный, гордый учёный. Кажется, его хотят...– поискав слово, которое точнее отразило существо положения, Алина продолжила,– съест.

– А фирма?

– Не знаю. Поискать?

– Поискать. Нужно на первых порах узнать про обе его фирмы и что у них с зарубежьем затевается. И... нужно потом заняться авторским свидетельством, кто отправляет, как отправляет, как писать – всё узнать.

– Да, да, я однажды такое делать помогала. Вспомню. А на чьё имя делать нужно, кто автор, кто правообладатель?

Вопрос пока ещё отчётливого ответа не имел, но подсознательная жадность уже диктовало своё.

– Пока моё, а с автором потом разберёмся.

Ушедшая в приёмную Алина спиной почувствовала уточнение своим словам – «Я хочу съест!». Было понятно, что поварихой придётся поработать и ей самой, но это совершенно не смущало.

Все дела были закончены. Алина была силой отпущена домой, а Эраст Рифович позвонил парню с лицом барракуды.

Глава 31. *Давние знакомые.*

Побыв Вероникой Александровной лишь малое время, Ника вспомнила своё журналистское назначение. Возвращаться в свой журнал она не хотела, да

и не могла. Её могли не увольнять и обеспечить работой, но всё это проходило бы под флагами жалости и презрения. А эти флаги сейчас не очень сочетались с нынешними установками. На щите Вероники де-Арк было написано кровавыми буквами по чёрному полю ненависти слово «мечь». Часто бывает, что именно в такие времена внезапно просыпается талант. Статья писалась вдохновенно.

Неодолимый голод после напряжённой работы загнал журналистку в кафе. Делать что-то дома не хотелось, а кушать – очень. И вот в аппетитной темноте соблазнительно нарисовался профиль Ноя. Он ел в одиночестве пирожное с кофе. В любом другом случае, она сказала бы: «пил кофе с пирожным», но именно сейчас она думала по-другому.

– Ой, Ной, здравствуй! Как мне тебе много рассказать нужно! Я только покушаю...

Эклер очень напряжённая вещь, особенно когда он свежий. Одно неаккуратное нажатие на него может привести к необходимости серьёзно мыть руки. И неожиданность встречи совершило-таки непредвиденное.

– Я не думала тебя тут встретить. Я три дня безвылазно статью писала, после того, как с Камчатки вернулась.

– Здравствуй...– процедил вытирающийся от крема Ной,– я тоже не думал... Откуда ты приехала?!

– Ну, с Камчатки, с Камчатки. Ты же мне адрес того дедушки дал.

– Я дал?!

– Дал. На конверте он сам обратный адрес ведь написал.

К тому времени Ника интенсивно углубилась в потребление принесённой еды, а Ною осталось просто молча смотреть на неё. В голове остатком крема звучали какие-то коротенькие и мягкие мысли: «Камчатка... Да, женщина-загадка... Туда зачем поехала? А ест шустро! У неё на еду деньги есть? Надо покормить её... Хотя, наверное – есть, всё-таки директор фирмы... Глаза красные... Ночь-то спала или всё статью писала? Тяжёлая у них жизнь!»

Быстро наевшаяся Ника незамедлительно вернулась к речи:

– А что ты здесь делаешь?

– Встреча у меня тут. А тебя на Камчатку что погнало?

– Я сильно помешаю?

– Это деловая встреча, мне бы не хотелось...

– Но у меня так много новостей!

– И ты их хочешь мне сейчас рассказать?

– Ной, это нужные новости!

Новости действительно были важными. Было удивительно, как за такое короткое время произошло столько событий.

– Первое – нас выгнали с работы!

– Нас?

– Ну – меня!– Гримаса ненависти на мгновение мелькнула на поевшем личике,– Главный – гад, а Потап – козёл! И ведь что придумали! Дескать, я ерундой занимаюсь, а ты ничего нового не предлагаешь.

– Вообще они правы. Я ведь про это тебе и с самого начала говорил,– совершенно спокойно отвечал Ной,– Ничего нового я не собирался делать, учитывая, что я там и не работаю. Лекции прочёл, деньги за них получил, а больше – не моё дело. Да и нечего там делать больше.

– А через дня два, я найду журнал, где опубликуют мою новую статью. Вот тогда я посмотрю, что они на это скажут!

Ника вдруг на мгновение замолчала. Ей пришло в голову, что все эти дразги крутились возле водоросли, водоросли Ноя, и спросить разрешения надо было-бы сначала у него.

– Ой, скажи, а ты не против, если я расскажу про то, что твоя водоросль мир объехала?

– Как странно... Сейчас это уже идёт как-то мимо меня. Она уже не моя. Я отдал, подарил её всему миру. Так что – публикуй, что хочешь. Но чисто из интереса, о чем же ты там написала?

– Они меня из фирмы выгнали! А торговать чем они собираются? Тем, что сейчас везде есть. В любой луже.

– Ну, в лужах – вряд ли. Но в океанической воде, скорее всего, будет.

– Ты от них ни копейки не получаешь, а они гору бабок на этом зашибить вздумали!

– Ну и пусть зашибают, коли умение есть.

– Не...ет!– Заявила с кровожадной улыбкой Ника.– Это я их позашибу статьёй своей. Я сначала написала первый вариант, но там всё так посредственно получалось, а потом я взбесилась и статья вышла сильная.

Но в самый разгар ненависти к столику с видом внимательного японца подошёл Эраст.

– Добрый день. Прошу прощения, что отвлекаю, просто я хотел быстро рассказать некоторые новости. Или, может быть, в другой раз?

Ной встал и первым подал руку пришедшему.

– Нет, нет, не смущайтесь, Эраст Рифович. Это у меня как раз некоторые накладки возникли, а именно Вас-то я и ждал.

Оставленная без внимания накладка тихо готовилась к приступу плача. Усаженный за столик Эраст покосившись на готовую плакать Нику, посчитал, что его присутствие становится лишним с самого начала.

– Извините, пожалуйста, но мне лучше прийти в другой раз.

К тому времени в уже готовой расплакаться головке мелькнула мысль, что лишняя на этом обеде именно она...

– Ой, Вы извините, пожалуйста! Это я сейчас уйду. Я просто уже всё рассказала. А глаза красные... Просто рассказывала, как меня из этого гадского «Чистого мира» уволили.

Ника уже почти встала, как маленькая, но тревожная мысль засветилась в глазах Эраста.

– Какого «Чистого мира»? Научно-производственного объединения «Чистый мир» что ли?

Ной спохватился, что не представил гостей друг другу.

– Да, познакомьтесь: Вероника...

– Александровна...– послушно подсказала обратная сажающаяся за стол Ника.

– Да, Вероника Александровна, бывший директор «Чистого мира». А это – Эраст Рифович...– причину сегодняшней встречи Ной ещё точно не знал, но Эраст быстро и весомо пришёл ему на помощь.

– Министр энергетики нашего правительства.

Господину министру было жутко приятно говорить это. Пока это было внове, в очень приятной нове. Что касается журналистки, то ей сейчас даже на мгновение забылась трагедия с потерей директорства. Чуткий носик почуял очень приятный, хоть и практически неуловимый, аромат новых возможностей. А Ной смотрел попеременно то на одного, то на другую просто бессмысленно моргая глазами. Эраст начал чувствовать, что к нему на руки сама попросилась хорошая козырная карта.

– А почему Вас уволили с должности?

– Ну, это особого значения не имеет...

– Напрасно так думаете, очень даже имеет. Вчера первым делом передо мной поставили вопрос как раз о «Чистом мире». Так что я с Вами косвенно знаком. А что Вы делаете... делали?

– Внедряли водоросль Ноя.

– Как водоросль?!

– Ной ведь создал водоросль, которая...

– Прошу прощения, что перебиваю, не правильно задал вопрос. Как Ноя? Про эту водоросль я в курсе. Ной, Вы этим также занимаетесь?

Ной молча утвердительно покачал головой. А ответ перехватила Ника, которая с удивительным возбуждением повторила всё то, что последнее время регулярно рассказывала гостям «Чистого мира». Эраст Рифович слушал её с редким интересом, ловя каждое слово. А то, что происходило сейчас, в Никиной жизни не происходило никогда. Вся её бесконечная речь была дослушана до конца. Дослушана с интересом, иногда лишь прерываемая вопросами по существу.

– А почему это не начало внедряться?– Эраст задал вопрос успешному полностью вытереться от крема Ною.

– Ну, это не от меня зависит. Вы знаете, что расширить моё дело – не моя цель, да и не в моих возможностях. Я вообще – профессиональный тунейдец. А вот Ника сейчас написала про это статью. Правда – не читал ещё.

– Как интересно! А о чем статья, Вероника Александровна?

– Она вообще про экологию. А в частности про то, что эта водоросль своим ходом размножилась до Камчатки и там уже нефть со старых кораблей осыпается.

– Она уже есть в морской воде?

– Да, это на опыте доказано.

Эраст Рифович немного напрягся лицом.

– Как интересно! Я даже и не знал, что Ной занимается экологией.

– Или – политикой.

– Это более понятно. А мне можно будет прочесть Вашу работу?

– Ну, я её только что написала... Сейчас буду искать, где можно будет опубликовать. В своём журнале этого делать сейчас совершенно не хочу!

– Но у меня есть к Вам сейчас одна просьба. Не публикуйте пока эту статью, а пришлите мне.

– Но... Но почему?

Министр порылся в кармане и достал только что отпечатанные визитки. Вручая одну, он ответил вопросом на заданный вопрос:

– Кушать что будете?

– Ну... Птичка по зёрнышку клюёт. Пока мелочами займусь, а потом и место найдётся.

– Не надо зёрнышек. Как можно быстрее пришлите статью, а потом приходите ко мне на приём. Я всё решу.

В парус ударил сильный попутный ветер. Куда он прибьёт судёнышко было до конца не понятно, но какие-то шансы замаячили вдалеке. Стремительно попрощавшись, Ника оставила мужчин в одиночестве и побежала отправлять статью.

Эраст сидел напротив Ноя и задумчиво пил чай.

– Это действительно так?

– Что?

– Что водоросль уже есть в воде?

– Есть! – радостно ответил Ной, но радости Эраст с ним не поделил.

– А кто про это знает?

– Пока – никто.

– Это хорошо... А Вероника Александровна супругой приходится?

Вопрос застал Ноя врасплох.

– Нет, не супруга... Да мы даже и не встречались... кроме работы...

– Ной, Вы ведь знаете, кому я обязан своими успехами. А сейчас я хочу взять Ваше дело под свою защиту. И первое, что нужно, чтобы про доступность

водоросли до определённого момента ни кто не знал. А Веронику Александровну я работой обеспечу. Только нужно, чтоб она больно не торопилась. Сейчас торопиться нужно мне, а не ей.

Озаботившись новым делом, Эраст быстро простился и убежал проч. Да и Ника явила невероятную скорость, на которую только способен человек. За то небольшое время, что мужчины разговаривали после её ухода, она успела добежать до дома, отправить электронную почту и прибежать обратно. Она поймала как раз в тот момент, когда Ной, сытый и довольный, неспешно выходил из кафе.

– Ой, хорошо, что я успела! А кто он вообще такой? Откуда ты его знаешь? Ты для него что-то делал? У него такое имя интересное. А кто он по национальности?

– Так!– Ной решительно поднял руку.– Замолчи! Медленно задай свои вопросы. Чего ты там спрашивала: кто он такой? Назначен неделю назад министром энергетики.

– А ты ему что-то делал?

– Я с ним очень много времени уже работаю.

– По водоросли?

– Нет, он про водоросль и не знал вовсе.

Мозг Ноя справился с прозвучавшим потоком слов и вспомнил последний вопрос сам.

– А по национальности точно не знаю, кажется – татарин.

– Ной, прости, а у тебя имя тоже непривычное. Скажи, а оно настоящее?

– Как женская верность.

– А я? Я что – неверная?

– Что за вопрос? Это просто шутка...

Но шутка про верность была воспринята как-то уж глубоко, и Ника уже начинала хныкать.

– В чем дело?

– Я – лохушка!

– Ну, а по существу?

– Меня Главный почти прогнал... Он предал меня! Выгнал меня, как только ему это стало выгодно!

– Ой, вот это мне самое тяжёлое, тяжелее, чем вопросы про имя и фамилию.

Вопрос быстро прекратил слёзотечение.

– Что тяжелее?

– Слезы женские. С одной стороны хочется помочь, а с другой – ни чего не понимаешь.

С этими словами Ной положил руку на плечо хныкающей Ники, желая хоть чем-то её успокоить.

– Что, ты хочешь найти новую работу?

– А у тебя есть? Конечно – хочу!

– Слёзки высохли очень быстро.

– Я редко плачу, только когда меня предают... А где у тебя есть место?

– У меня нет. Все места у Эраста.

– Секретаршей что ли?

– Кто тебя пустит в секретарши! Его Алина это место для себя на несколько перерождений вперёд зарезервировала.

– Его жена?

– Нет, у него другая жена.

С этими словами Ника медленно прислонилась к Ною и обняла его за спину.

– Алина – секретарь, прирождённый секретарь. Эраст сам никогда от неё не откажется. А тебя уже вообще невестой моей видят.

Ника дёрнулась и отстранилась от Ноя.

– Это предложение?

– Угрожаете, Вероника Александровна?

– Ой, ну ладно, шла ведь куда-то... А статья моя это – бомба! Все зашевелятся!

– Не спеши только взрывать. Перед этим с Эрастом поговори.

– Ну ладно, до встречи!

Отлепившаяся Вероника прошла несколько шагов вперёд, а потом обернулась.

– !

Глава 32. Бросок барракуды.

Молодой человек с лицом барракуды уже вечером сидел на кухне у Эраста и доверительно пил чай. Его большая нижняя челюсть приветливо улыбалась, как будто только что съела рыбку. Большие круглые глаза молча говорили о полном понимании и крайнем интересе к новому делу. Контролируемый объект захлёбываясь рассказывал о гнусной угрозе, исходящий от журналистов. Зубов у молодого человека видно не было, но на барракуду он походил отчётливо. А, в этом случае, зубы обязательно были, причём, крайне острые.

«Наверху» проблема была понятна. Её решение – также. Всю решительную деятельность «Чистого мира» нужно было однозначно контролировать без помощи каких либо журналистов. В тишине кухни прозвучало мнение начальства гостя, что место директора должно

принадлежать другому человеку, а не досточтимому Потапу. Потом оказалось, что Эраст Рифович был уже знаком с ним. Новый директор пил чай с мятой и подробно рассказывал о дальнейших действиях министра. Это была интересная игра, в которой человек с лицом барракуды прикидывался, что у него нет зубов, а Эраст прикидывался наивным простачком. Причём оба знали об этой взаимной игре.

На следующий день обиженная Ника собирала по капле яд в баночку с кока-колой. Ей уже рассказали добрые люди о её отставке. Даже показали приказ. Было до глубины души обидно, что Главный так поступил с ней. А в комнате журналистов впервые не было Потапа. Можно было даже поплакать. Но что-то очень тихо зашевелились за дверь, задышало и зажило в коридоре. Слёзы были немедленно отменены, а Ника решительно распахнула дверь. На пороге стоял довольный Потап.

– Тук, тук, тук, я ваш – глюк!

– Входи, входи, глюк, – с глубокой печалью заявила Ника.

– Стою в коридоре слышу голоса знакомые, думаю: не буду мешать.

– Конечно, подслушивать-то куда более удобно...

– Ой, ладно! Да и не слышно ничего. Слышу только, что хныкает кто-то.

Потап привычно врал. Ни голосов он не слышал, ни хныканья. Вдохнув пару раз чтобы успокоиться от грядущих потрясений, он смело понёс их в массы:

– А меня директором «Чистого мира» назначили! И это правильно, ведь с Ноем я тебя познакомил.

Нике стало просто противно. В душе она пожелала своей горестной судьбы своему коллеге.

– Да, спасибо. Только мне теперь за это место на ковчеге тебе достать ещё что ли?

– Ну, место не надо. Как поездка-то прошла? Расскажи.

– Пошёл ты!

Довести до решительного конца разговор им не позволила сама воплощённая справедливость. А лицо она имело похожее на барракуду.

– Вероника Александровна? – Получив кивок на свой вопрос, он продолжал, – хочу поставить Вас в известность о возбуждении дела о разглашении государственных секретов НПО «Чистый мир».

– Я больше там не работаю! А когда работала, так ни чего не кому даже намёком...

– Я это всё очень хорошо знаю. Я хочу, что бы Вы прошли со мной и поставили меня в известность о проводимых действиях в бытность Вас в должности директора НПО.

– А почему это я говорить должна? Кто Вы такой? Я просто болтать ни с кем не намерена!

Барракуда понимающе кивнул и подписал смертный приговор весёлому настроению Потапа.

– Я saniрующий управляющий этого объединения. То есть, сейчас занимаю Ваше только что потерянное место.

– А...

В Никиной головке прозвучало окончание вопроса «прежний директор?». Барракуда понял и не высказанное.

– Прежний, назначенный четыре дня назад директор отстранён от работы. А Вы всё-таки пройдёте со мной.

Не до конца понимая нужно ли заводить руки за спину, но испытывая чёрное злорадство над остолбеневшим Потапом, госпожа бывший директор прошла мимо своего врага, как шла французская королева на эшафот.

Шло время, а Потап и Главный сидели в комнате журналистов и смотрели каждый в свою глубь. Главного редактора сегодня также нашли соответствующие органы и предупредили о множестве обнаруженных грехов и заведённых по ним делу. Ужасов особых Ираклий Феопемптович пока ещё украсть не успел, но то, что облачка на чистом небе превратились в тяжёлые грозовые тучи, было уже понятно. А Потап просто трясся от страха. По идее, за прошедшие четыре дня на нём уже повисла масса безделушек, которые при желании могли сильно затянуться на его шее. Да ещё Веронику органы увели... Живой бы оставили... Но к вечеру в комнату с трясущимися от страха мужчинами вошла изменившаяся Ника. Уходила она как королева на казнь, а вернулась как вампир, жаждущий крови. Присутствующие в один голос вскричали:

– Ну, что?

Но Вероника удовлетворять их фантазии не спешила. Спокойно усевшись и, допив свою тёплую и выдохнувшуюся газировку, она заявила совсем мимо темы:

– Ираклий Феопемптович, опубликуйте мою статью. Я с Камчатки привезла.

– Да, опубликую, опубликую! Что с тобой-то было?

– Ни чего не было. Посидели, поговорили. Директором теперь он будет. А я, дура, надеялась, что министр меня вернёт. Скушали меня, граждане, и косточки не выплюнули. Буду теперь в переходе песни петь...

– Но что сказали?– Главный всё хотел уточнить про свою судьбу.

– Сказали? «Чистый мир» больше к нам не относится. А Вам, Потап Георгиевич, просил передать особый привет для Сабины. Всё из-за неё былём поросло. Вы же собирались без меня технологию в Америку продать? Успели обогатиться?

Главный в раздражении кинул платок, который только что тискал руками, в журналиста.

– Поздравляю! Твоя идея!– А после, спохватившись, вернулся с вопросами к Нике,– какой министр?

– Ну как же, Эраст Рифович, министр энергетики. Чаёк вчера с ним сидели, пили.

– А Ной в курсе происшедшего?– Очнулся от внутренней истерики Потап.

– Ну и он был. Втроём пили. А Ной ел эклер. И я также хочу!

– Да? Я к нему завтра схожу...

Ника бросилась дикой кошкой к горлу и так перепуганного товарища:

– Не смей! Забудь о нём! К Сабине своей иди! Понял?– И, чуть остыв, вернулась к редактору, - Ираклий Феопемптович, пожалуйста, взгляните мою статью. Я Вас уж больше доставать не буду, но... Статья уникальная! Не пожалеете!

Главному делать уже больше ни чего не оставалось, как отправиться читать статью, а Потапу – закрыться дома у себя в комнате и тихо дрожать со страха. А Ника... Ника пошла лечить свои нервы у Ноя.

Поднимаясь по уже тёмной лестнице, она опять встретила с уже знакомым чудовищем. Было тёмное время, когда солнце уже выключили, а освещение в подъезде ещё не включили. Из темноты окна довольно отчётливо выглянуло утомлённое и помятое лицо, которое уже ничего не боялось.

– Ной, добрый вечер. Можно к тебе?

Ной даже обрадовался, что кто-то пришёл. Сейчас наступали редкие, но грозные моменты, когда думать часто оказывалось не о чем.

– Заходи, заходи. Что случилось? На тебе лица нет!

– Нет, ни чего... Меня просто на работе не восстановили. Место уже занято, а сейчас с допроса КГБ иду.

– Сейчас КГБ нет.

– А у меня – есть,– печально улыбнулась гостя,– это моё личное КГБ. Ной, слушай, можно я у тебя переночую? Мне так много тебе нужно было бы рассказать, но мне не хочется. А так – хоть с кем-то словом перебросится...

– Ну, оставайся, только не знаю...

Ника не дождалась окончания фразы. Не дождалась по тому, что Ной как-то потерял её продолжение.

– Ой, ничего не надо! Я страшно неприятная! Страшная и неприятная... Так, коврик под дверью, ни чего больше.

– А чай?

– И чай.

– Ну ладно, пойду, поищу коврик.

Ной пошёл устраивать лежанку для Ники. Пока он застилал диван в гостиной, она стояла у косяка двери, причём – стояла молча. Усталость сегодняшнего дня взяла своё, и ей ни чего не хотелось. Не хотелось ни чая, ни пряников, ни говорить, ни спать, ни чего... Но чай всё-таки выпить пришлось, а

пряники – съесть. Потом, уже перед самой ночью, Ной заглянул в дверь комнаты, где была уложена Ника. Она спала как утомлённый ребёнок, держа губы уточкой. Во всём её облике как-то внезапно проявился этот ребёнок, который просто хотел спать. Ной тихо закрыл дверь и с необыкновенным чувством радости в душе заснул в своей кровати.

Глава 33. Дружные враги.

На сумрачном горизонте товарища Клюева было крайне беспокойно. Он очень хорошо помнил, что с журналистами он расправился с помощью своего старого знакомого. Но не оказался ли этот Эраст худшим злом, чем бывшие напарники? Причём, гораздо более сильным злом. И кто бы мог знать, что этот министр такой близкий знакомый Ноя? Конечно, он рассказал ему все свои секреты. А тут ещё бывшая директриса так отомстила! Но совершенно непонятно – она же жена этого изобретателя. Или – нет? Ведь она рассказала всем, где можно взять эту водоросль, а это в первую очередь ударяет по её же мужу. Причём рекламу эту дала та, кто сама сначала отгоняла всех.

А Эраст крепко взялся за дело. И авторские свидетельства сам оформлять взялся вместе с этим Ноем. Клюева туда и близко не подпустили... Сейчас все дела «Чистого мира» делаются вместе с ним, но даже нет сомнений, что потом министру станет тесно в такой компании. Останется Ваня у разбитого корыта. Да и внешнее управление также пошло из под руки Эраста. Журналиста уже в правлении нет, все его люди выгнаны – следующий Иван Иванович. Новый управляющий как-то очень хищнически улыбается и на пустом месте секреты до небес городит. Получается, что водоросль эту уже расхватали. Не понятно кто, но расхватали. Но что делать с ней ни кто пока ничего не знает. Вот тут можно начать укореняться. А Сабина – ерунда. Она опасна обладателю патента на водоросль, но если эта водоросль общедоступна – то пусть с ней Эраст Рифович и собачится. А Ивану Ивановичу она – конкурент, но не враг. Может с неё и польза какая получится.

Весь этот вихрь перемешанных мыслей и отрывочных знаний без устали тербил тревожную душу учёного, а вот у Сабины был совершенно другой вихрь. В такую глубину размышлений она особо и не лезла, но статью Ники она прочла несколько раз. Она читала её спокойно и деловито. Дочитав статью до конца, она думала над прочитанным, выделяла ключевые слова, смотрела их в интернете, делала выводы и искала непонятные моменты. После этого весь процесс повторялся снова. В конце концов, эта методичная работы была увенчана достойным планом действий. Этот вихрь оказался гораздо более продуктивным. Но нужно было добыть водоросль. Незамедлительно вернувшись домой, она всё рассказала руководству Фонда. Вначале Фонд не очень верил в рассказанное, но описанная совершенно чёткая и

ошеломительная выгода мгновенно растопила лёд недоверия. Тем более что первоначальное финансирование требовалось уж и не такое большое. Получив деньги на него, Сабина на небольшое время превратилась в учёного. Сделав одно изобретение, она оплатила участие инженеров, купила по их наущению серьёзное оборудование и зафрахтовала корабль. Изобретение особо сложным не было. Существо его заключалось в перевёрнутом стакане. Под стаканом стояло глубокое блюдце, в которое наливалась нефть. Эта парочка опускалась в воду, нефть всплывала в стакан, и через его стеклянное дно можно было наблюдать за изменением её цвета. Но сделано это устройство было чрезвычайно сложно. На стакан смотрели специальные видеокамеры, подсвеченные специальными прожекторами. Во всплывающей нефти стояли специальные датчики чего угодно. Стоял специальный насос, который постоянно качал воду внутрь устройства. Вся куча информации поднималась вверх, на борт корабля, где два специальных мощных компьютера обрабатывали её, ожидая чего-то необычного. Хозяйке всего этого добра оставалось пить воду и смотреть тревожно на горизонт.

Корабль взял курс на Японию. Вначале ничего особого не происходило. Цвет нефти был неизменно чёрным, но переливающаяся блёстками труба Ники не позволяла Сабине ни на минуту усомниться в результате. Через неделю плавания она была за это вознаграждена в полной мере. В один из дней нефть побледнела. Винты корабля мгновенно были остановлены, а скучающие инженеры проснулись от недельной спячки и с интересом следили за происходящими изменениями. Немного поодаль от них, также скучающая химик была немедленно пригнана Сабининой к изобретённому стакану. Побелевшую нефть слили и в освободившийся стакан вернули её чёрную сестрицу. Она также очень быстро за бортом побелела. Химик тут же поступила в нежные, но до удивительности жёсткие Сабининские ручки. Всем в этой группе начальница начала представляться кем-то вроде волшебницы. Она отдавала приказы, а химик переливала, делала смеси, нагревала, остужала, фильтровала, не понимая ни одного момента из тех, что делала. Инженеров особо далеко от этого процесса не гнали, да и им самим всё стало как-то по-детски интересным. Поняв этот интерес, Сабина тут же начала гонять их с мутной жидкостью к холодильнику, бегать по палубе сушить её, трясти бутылки, изображая из себя не взятую центрифугу. Через день всё было завершено. Водоросль оказалась крайне живучая и плодовитая. Её замораживали, высушивали, держали на солнце, заливали питьевой водой из бутылочки – ей всё это было всё нипочём. Подождав ещё несколько дней чтобы узнать, как долго она может храниться в виде осадка, Сабина записала у себя в дневнике: «У меня есть водоросль!». Можно было идти обратно в порт, но до этого нужно было решить один вопрос. Инженеры и химик ведь знали уже очень много. Конечно, лучшим решением было бы выбросить их за борт,

но такой возможностью Сабина не обладала. Пришлось, собрав их в полутьме кают-компания, объяснять всю секретность опыта. Финальным гвоздём, на котором Сабина собиралась повесить их молчание, явилось обещание престижных мест в фирме по применению такой нефти. Слушатели не поняли ничего, но предложение казалось очень заманчивым.

И, надев шапочку великого учёного, она бросилась во все возможные конференции. Не до конца понимая половину слов, Сабина деятельно записывала непонятные, а стало быть – ключевые слова, записывалась на новые конференции. Однажды, озаботив своего химика, была написана научная статья, потом – вторая, потом – третья с инженерами. Рейтинг в своём Фонде она вырастила себе небывалый. Статьи уже приобретали вполне научный и интересный вид, тем более что опыты со своей добычей она начала вовсю проводить. Перевернутый стакан был запатентован, были проведены ещё два плавания по миру. И после всего этого она в кратчайшие сроки создала себе облик великого учёного-новатора. Понимая то, что она скорее экономист, чем химик, сама Сабина сначала начала писать всякие бизнес-планы. Правда, основным планом было не подпускать свой Фонд к найденной золотой жиле. И однажды, на одной конференции, среди участников был замечен господин Ключев. Сабине все время казалось, что от неё было скрыто что-то ещё очень важное и перспективное, а замеченный Иван Иванович неожиданно обострил эти мысли.

Обменявшись обычными, хотя и довольно тёплыми приветствиями, они начали выстраивать друг перед другом своеобразную шахматную партию. Причём, белыми фигурами играла Сабина. Свою цель она заявила сразу и без каких-либо экивоков. Белой королеве был нужен чёрный король. Раньше Сабина никогда не встречалась с Ноем. Вокруг него стояла довольно прочная стена, которую сейчас и хотелось перепрыгнуть. Рядом же с ним стояла его чёрная королева, которая и возводила эту стену. Новость о том, что эта королева оказалась сильно поражённой в правах, немного ободрила Сабину, хотя она и понимала, что на границах этой стены стоят ещё черные министерские ладьи.

Иван Иванович принял первый ход и в свою очередь атаковал белого короля, которым оказался научный Фонд, в котором работала Сабина. Кроме этой королевы у него было довольно много финансов, на которых очень хорошо росли исследовательские площадки на буровых платформах. Подвигав немного фигуры на этом поле, противники нашли решение, чтобы и на ёлку влезть, и вишенку съесть, и не уколоться. Господин Ключев обещал, что он решит все вопросы с новым директором «Чистого мира». Тем более что после такого распространения этой водоросли по всему миру, интерес по защите этого секрета как-то сильно угас. В ответ на это, он попросил возможность посетить одну плавучую лабораторию и выполнить на ней некоторые

эксперименты. На этом и ударили по рукам. Один пошёл искать возможности уговорить Барракуду, а вторая – дорожку в лабораторию.

Поставив удочки на Ноя, Сабина углубилась в чрезвычайно интересное занятие. Нужно было начинать использовать эту водоросль. Конечно, с самого начала про это было написано множество фантазий, но сейчас приходило время реализовывать их. Началась тихая и незаметная на первый взгляд борьба с Фондом. Но это противостояние было очень и очень серьёзно. Раньше Сабина только тратила деньги, а сейчас начинала их зарабатывать.

А сейчас ещё нарисовалось одно изобретение, которое понижало статус Фонда практически до нуля. Поплавав туда-сюда на кораблях, Сабина поняла, что водоросль эта растёт не так уж и везде. Где-то нефть белела молниеносно, где-то медленно, а где-то вообще оставалась чёрной. А споры она создала ужас, какие устойчивые! Мысль её состояла в том, что нужно будет размножить много спор, сконцентрировать их, разлить по бутылочкам которыми уже можно будет спокойно торговать. Выливать на место не сотню кубов морской воды, а одну маленькую бутылочку было гораздо веселее. По факту, эта мысль казалась не на много меньше, чем сама водоросль.

Оставшиеся в живых после первого плавания инженеры и химик все нашли что делать. В кратчайшие сроки было разработано и собрано множество приборов по разведению найденной мути. Химик же стала правой рукой белой королевы, а Фонд уже начинал мешать.

Первое, что было разработано – способ очистки нефтяных пятен на воде. Это оказалось весьма полезным, только ни кто не покупал. Тех, кто делал эти пятна, они не очень и волновали. Химик активно включилась в процесс изобретения. Её средство очистки корабельных танков оказалось несколько более покупаемым, чем просто очистка воды. Но следующее её изобретение принесло гораздо больший экономический эффект. Дело в том, что белела не только чистая нефть. Водоросль ела и машинное масло, и бензин, и многое другое, даже немного растворяла подсолнечное. Особый песок, конечно, выпадал преимущественно из нефти, но продукты из неё также водоросли нравились. С этим и пришёл золотой час Сабины. Теперь мысли посыпались уже из неё, как из рога изобилия. Средство для стирки промасленной одежды, средство для мытья посуды, полов, мойки двигателей машин, даже – средство для чистки канализации! И вот это расхватывалось «на ура»!

Дело не испортила даже одна маленькая неприятность. Обработанная водорослью одна серьёзная течь на глубоководной буровой, как-то уж больно быстро и непонятно затянулась. Но – затянулась то она – затянулась, но через полгода через всю толщу воды поднялся острый риф, который потом ковырнул по дну два корабля. Риф торпедировали, правда, попали не сразу. Больно уж он был узкий! Кусочек от раскрошенного рифа Сабина даже подарила Ивану Ивановичу как сувенир. Он, правда, особо такому сувениру не порадовался, а

отдал его Ною. И отдал не напрасно. Этот камень произвёл на получателя просто религиозное впечатление. Но ни Фонд ни Сабина, к счастью, об этом не узнали.

Глава 34. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

Эраст Рифович вообще не был человеком жадным. Но множество вещей, которые принадлежали не лично ему, оказались серьёзно ущемлёнными. С одной стороны, ему особенно не хотелось войны, но государственная служба, обида за бескорыстного Ноя, плохие дела «Чистого мира» вызывали у него несвойственную жадность. Глядя на то, как практически его водоросль добывает у чужих людей деньги, министр рождал в себе праведное негодование. И, проведав от знающих людей о небывалом успехе Сабининских патентов, Эраст Рифович подал в суд.

В своё время ему многие говорили, что патентовать водоросль было невозможно, но желание не переспоришь. Под удивлённое хмыканье Ноя, бурное несогласие Ивана Ивановича и настоятельную поддержку Барракуды на свет появился патент в жанре русских народных сказок. Ной хмыкнул, Иван Иванович махнул рукой, а Барракуда был счастлив. Так был получен патент на устройство водоросли, как ни странно это звучало. Красиво описанные химические процессы и точно указанные способы их осуществления грешили только одним – было непонятно, как это все было сделать на практике.

А Сабина начала патентовать не водоросль, а методы её применения. Благо к тому времени она их уже наработала море. Не удивив ни кого, суд признал все права на использование водоросли за Сабининым Фондом. Эраст Рифович с самого начала предполагал принятие решения не в свою пользу, но обращение в суд уже было делом принципа. И, как показала сама жизнь, очень правильного принципа.

А потом у победительницы случились неожиданности. Получить судебное подтверждение на бумажке было здорово, но реальная жизнь над ней подсмеивалась. То, что с глубины моря-океана над нефтяными скважинами начали расти рифы, так это было просто грустно. Справиться с этим было совсем не трудно, пара залпов – и рифа нет. Но грусть не одна заявила. Была и средняя её сестрица, печаль. В отличии от грусти, которая денег вообще не потребовала, печаль такой бескорыстной не была. Дело в том, что нефтяникам работать стало гораздо труднее. Бур начинало частенько перекашивать, а уж когда начинала идти нефть, то все каменело так, что хоть новую скважину бури. Хотя настоящей печалью это стало при следующем случае. Если при бурении причины окаменевания были ещё не понятны, все было глубоко и невидно, то с гребными винтами судов правда очень быстро выпала в осадок. Дело в том, что у этих винтов были валы, а у валов – сальники, а у сальников – сало, а сало

также частенько из нефти делалось. Рано или поздно сало это становилось похожим на песок, что валам понравиться не могло. Песок нашли, удивились, напряглись. Некоторые даже начали подозревать Сабининскую водоросль, но доказать это опять было очень трудно. А потом пришла тоска... Мыть полы и стирать робы было относительно безопасно, а мыть двигатели машин не нужно было бы. Когда впервые появилось это средство в продаже, радости не было предела. Двигатель после него становился как новый, и даже – чище. Сервисы с большой радостью взяли его на вооружение. Шло время и обнаружилось, что этим средством можно мыть вообще, что угодно. Там и водители начали им с масляными пятнами бороться. Водоросль потихоньку селились в непромытых ямках и дырочках, а после чего пробралась внутрь двигателя. Масло водоросли очень понравилось, и скоро взявшись за дело, двигатели начали наполняться песком. А с этим особо не поездишь. И виновник этой всеобщей трагедии немедленно оказался известным. Помыть двигатель себе хотели многие. Некоторые даже сами себе его мыли. А избавиться от этого можно было только одним способом – сменить машину. И это уже стало со временем походило на эпидемию. Конечно, производители автомобилей возблагодарили небо за Сабину, но все остальные захотели получить с неё компенсацию за свои убытки, и убытки не малые. Отдавать деньги очень не хотелось. В голове мечущейся Сабины даже возникла шальная мысль о вытребовании компенсации от «Чистого мира». Барракуду непонятно кто, но от этого вопроса устранил. Ему действительно было бы, наверное, проще просто пристрелить эту жалобщицу, но здесь нужно было делать все нежнее и аккуратнее. Поэтому щит достался в руки Эрасту. И вот именно сейчас он и понял какую небывалую выгоду принёс произошедший недавно проигрыш в суде. Пышущей недовольной злобой девушке он спокойно предъявил постановление суда, что все права принадлежат ей. А если права принадлежат ей, тогда и ответственность также лежит там же.

Но вообще знавшие Сабину лично, очень поражались её возникшей перемене. Причины такой перемены конечно были понятны, но оказывается, что раньше девичья злоба просто спала и таилась во сне, а сейчас проснулась и ринулась в бой. Недовольно умывшись ехидным ответом Эраста Рифовича, она вспомнила про Ноя.

Обещанное белой королевой чёрному офицеру было с одного взгляда ложью. Ходить и серьёзно договариваться о сотрудничестве она конечно не стала. Оправдание было элементарно: договор был устный и не до конца определённый. Вообще Сабина была человеком наполовину честным, наполовину добрым и наполовину ответственным. А половинки эти были кристально чистыми друг от друга. Если напористая и жадная злоба была достойно встречена ехидным щитом Эраста, то сейчас на первый план выходили эта честность, доброта и ответственность.

Потратив практически последние деньги на билет домой, Сабина вспомнила о Фонде. Он, в глубине своей коллективной души, конечно хотел её съест. Такие же взаимные желания испытывала и Сабина, но они были абсолютно естественны и в порядке вещей. А сейчас возникала потребность в его участии, и собственные интересы, стало быть, нужно будет спрятать на дальнюю полку. Было абсолютно понятно, что Ключев был основным конкурентом американских учёных. Но именно он был единственной тропинкой к Ною.

Ни какого другого пути не было видно. Все слова, которые мог сказать Эраст при просьбе о знакомстве с Ноем, она знала. Потап пропал из поля зрения. Главный редактор также был недоступен. В действительности оба журналиста просто боялись даже упоминаться рядом с Сабинной. После происшедших событий, Главный серьёзно опасался государства, а Потап, в свою очередь, боялся Главного. Как никак, именно дружба с ней и произвела все молнии над крышей «Чистого мира». Так что как организовать связь с Ноем было совершенно непонятно. Никто с таким именем, ни в каком списке не значился. Ни где он не работал, зарплату ни где не получал, статей не писал, но факт его существования казался достоверным. Так что договариваться с Иваном Ивановичем оказалось единственным доступным путём.

Сразу после того, как была заключена договор, Сабина и не думала искать выходы на нужную экспериментальную площадку. В глубине души было понимание абсолютной невозможности этого, а связывать возникнувшие при этом вопросы со своей персоной она не хотела. Да и обещание было просто узнать, как можно это сделать, а не добывать реального разрешения. Но начавшиеся потом проблемы сильно подняли значимость встречи с Ноем. Так что и задача решения проблемы с опытной площадкой также перешла из мусорного класса в насущные потребности.

Иван Иванович был щедрым и наивным человеком. Но даже вся его щедрость и наивность не позволили просто отдать искомые данные. Очень тревожило то, что со «сдачей» Ноя Эраст Рифович как-то незаметно становился лицом предаваемым. Переговорив со всеми, с кем нужно было переговорить, у Ивана Ивановича остался только один разговор с Барракудой.

К тому времени Сабина уже дошла до точки кипения и начала интенсивно думать над просьбой учёного. Просьба была довольно экстравагантной и почти нереализуемой. Получить доступ на такой объект было нереально. Тем более – делать на ней какие-то свои эксперименты. Тут Сабина даже вовсе ходить не стала. Но в раскладывании делового пасьянса она была крупным специалистом. Хотя этот специалист иногда смахивала на мошенницу, но её интенсивная деятельность просто не давала времени подумать об этом. Достать допуск в действующую лабораторию она, конечно, не смогла бы, да и Фонд уже не даст и ломаного цента под финансирование ни

одной из новых программ. Но получить пока ещё не осознанные, но решительно предвкушаемые секреты водоросли очень хотелось.

И вот в дверях своего кабинета Иван Иванович увидел удивительно спокойное лицо американки.

– Здравствуйте, господин профессор! Я очень рада привезти Вам новости о наших договорённостях.

Товарищ Ключев был несколько встревожен этим визитом. Он очень хорошо понимал, что под этим внезапным визитом крылась очень актуальная потребность. В наивной и бескорыстной душе учёного, пришедшая неожиданно разбудила внутреннего бойца Сумо, который очень захотел вытолкнуть её за пределы своего воображаемого круга. Осложнением было то, что вокруг него стояло недовольство министра и Барракуды. Но колья стояли не только у него. Сабину, в свою очередь, очень сильно мотивировало множество судебных исков. Так что битва намечалась интересная.

– Договорённости у Вас были с Ираклием Феопемптовичем, а со мной были только устные рассуждения. И я не намерен, уважаемая мисс Блекборн, делать что-то опять в одном направлении.

Иван Иванович немного врал. Дело в том, что он уже подсуетился в этом деле. Так, Эраст Рифович был заинтересован тем, что даже в сложившейся ситуации проигранных исков, можно будет всё развернуть к своей выгоде. Барракуда был ближе министра, но его Иван Иванович подсознательно боялся и визит к нему стоял первым номером в списке дел. Но ни кто не мог заставить делать именно этот первый номер. Когда будет всё решено, тогда он и будет соблазнять Барракуду.

– Но разве я обманывала Вас хоть один раз?

– Вынуть из под рук наши разработки, это почти – обман.

– Но ведь мы с Вами недавно договаривались!

– А Вы что, доступ в лабораторию мне привезли?

Это был тяжёлый вопрос. Ни чего мисс Блекборн не привезла, хотя в рукаве у неё и были припрятаны несколько приятных козырных карт.

– Нет, но...

Иван Иванович удивительно спокойно и даже с умиротворением вспылал и прервал Сабину на полуслове.

– Ну, вот и всё. Разговаривать нам больше и не о чем.

– Нет, есть о чём! Я договорилась о финансовой поддержке.

– А я – о визите к господину Комиту. И как мы обменяемся своими достижениями?

Предложение о финансовой поддержке звучало совершенно нереально, вот Иван Иванович и решил немного подзадорить собеседницу адресом Ноя.

– Прошу Вас, выслушайте меня! Да, мне не дали доступа в ту лабораторию, но я нашла экспериментальную базу. Вам ведь нужно изучать эту водоросль?

Учёный кивнул.

– Вы читали мои статьи?

Учёный опять кивнул.

– Вся аппаратура экспериментов будет у Вас, все образцы производственного оборудования, что сможем привести, все мои неопубликованные материалы. Мы сможем всё собрать у вас!

Сабина успешно играла на самом краю своего круга картой, которая, правда, козырной не была в принципе. Дело в том, что практически всё было собрано на складе на утилизацию, производство остановлено, но коробки были очень красивые.

– Ну и когда?

– А куда? Куда можно везти?

Дело приобрело более серьёзный вид.

– Ко мне на работу, да и «Чистый мир» ещё жив, вопреки Вашим стараниям. Записать адрес?

– Да, конечно. Завтра, нет – сегодня позвоню своим работникам, чтобы они отправили уже собранный контейнер куда скажете. Только... Для изучения распространения корабль нужен, а я не смогу его предоставить.

Постепенно схватка Сумо превращалась в Пассодобль.

– Ну что, уважаемая, будем заключать договор.

И всё вокруг опять начало крутиться и суетиться.

Глава 28. Кризис среднего возраста.

Ника радостно бежала по подъезду. Не понятно, куда делась вся ее депрессия от прошедших событий, но сейчас она несла Нюю кулинарный подарок сладкого вкуса. На самом деле, в самой глубине души худенькой журналистки гремели небывалые громы. Но чётко их расслышать не получалось, а поэтому проще всего было их спрятать за неудержимой весёлостью. Окрылённо вбежав к двери, она радостно позвонила. Однако сегодняшний день не собирался приносить бесплатную поддержку этой радости. В открытой кухне, в той самой кухне, где она сама регулярно пила чай, сидела горестная Сабина. В одно мгновение Ника поняла полный крах своей жизни. В первый момент она хотела просто уйти и не мешать влюблённым. Выйти на ближайший мост и потом мирно улечься в гробу, завещая всем долгую память о своей несчастной и неразделённой любви. После чего возникло желание сначала убить Сабину, а уж потом идти на мост. Но счастливые глаза Нюя, которыми он встречал Нику, несколько остановили её

решимость. Для него этот визит создавал хоть и неосознанную, но возможность избавиться от Сабининского канючения.

– Вот, Ника, это Сабина. Она интересуется моей водорослью.

– Не переживайте, мы знакомы. Я ей на работе водоросли демонстрировала. И не смотря на мои слова, она всё-таки припёрлась сюда!

Ной был удивлён начинающимся ходом разговора. До этого весь разговор сводится к какому-то бесконечному диалогу глухого с немым. Сабина уже бесчисленное число раз просила немного исправить водоросль или разработать другую, которая поможет исправить те проблемы, которые создала первая. Ной пытался объяснить ей всю невозможность этого, но создавалось впечатление, что его просто не слышали. Но на самом деле Сабина очень хорошо слышала каждое слово, но не верила ни одному из них. Ей казалось, что Ной просто или набивает цену, или охраняет какой-то секрет.

– Ой, Вероника Александрова, помогите мне! Я так сильно нуждаюсь в этом!

Сабина талантливо играла убитую горем просительницу. Даже бросилась к Нике, попробовала обнять её и взять за руки. Делать это было внове и совершенно непривычно, но что так делают – она видела.

– А что нужно-то?– задала вопрос уже успокоившаяся Ника.

– Вероника Александровна, я обращаюсь к Вам с большими проблемами. Она начала нас атаковать. Всё рушится просто на глазах! Нам очень нужно изменить водоросль!

Недовольный Ной сбоку переводил существо просьб:

– Они сделали некоторые вещи, которые не нужно было бы делать, и сейчас от этого терпят убытки.

– Я уже говорила, какие угодно деньги!,– сразу заобещала в ответ Сабина.

Ника подумала, и заключила:

– Это невозможно.

– Но мы очень хорошо заплатим!

Ной недовольно заключил:

– Вот эту песню я уже полчаса слушаю.

Почувствовав раздражение Ноя на Сабину, Нику понесло. Она почувствовала, что ход был за ней.

– Наша водоросль – это не газон перед домом. Говорить о том, что её посадить, а потом выполоть – невозможно. Проще сменить планету будет.

– Что с ней нельзя сделать?

– Выполоть. Выкопать из грядки и выбросить. Остальные слова понятны?

Сабина хлопала как-то внезапно выросшими реснички.

– Чего вы все ожидаете от неё? Она что будет делать то, что вам нужно? Так вот – нет. Она будет делать то, что нужно ей. То, для чего она создавалась. И к нам бегать не нужно. Водоросль живёт своей жизнью, она уже есть во всём

мировом океане. Там вы её и нашли. Если она захочет измениться – она сама изменится, без нашего участия. И вы со всеми своими увёртками с этим нечего сделать не сможете! Это ясно? Если ясно, то тогда больше не задерживаем. Всего хорошего!

После того, как Сабину выставили за дверь, Ной вернулся к только что услышанному:

– Ты откуда знаешь, что она изменяться может? Я тебе об этом никогда не говорил. Я сам про это лишь недавно узнал.

– А что, не может?

– Да нет, может. А ты откуда про это узнала?

– Ну... А как по другому-то?

Ной засмеялся

– Как нам завещал дедушка Дарвин.

– А он что-то про эту водоросль писал?

– Ой, ладно... Чай будешь?

Вечный чай был очень кстати принесённому Никой подарку.

– Устал я от этой дамы. Как репей какой-то глупый. Всё ждёт, что я, как старик Хоттабыч, волосок из бороды выдернуть и им баланс наведу.

– А у тебя есть борода?

– Она у меня в душе растёт. Такая окладистая!

Последняя собственная шутка Ноя немного его же и успокоила.

– Так вот, моя борода находится не в их распоряжении! Ни этой цацы, ни Эраста! Надоели! Я хочу заниматься своим любимым делом, а не бизнес-планы им писать!

– А Эраст от тебя что-то хочет?

– Что он от меня ждёт?! Я добиваться своих авторских прав не буду. Не буду, потому что я – автор. А вот если это изобретено было не мной – тогда за авторство бороться нужно было бы. Да и вообще эти права не к изобретениям относятся, а к деньгам. А если они с деньгами не связаны, то и доказывать права на них не нужно. Да и на что они рассчитывали? Продавать глупо – везде на дне есть.

– Нет, но ведь то, что сделал ты, не обязательно связано с деньгами. Тебе ведь авторское свидетельство Эраст твой сделал. Разве это тебе душу не греет?

– Нет, не греет. Тем более что деньгами там всё равно мою водоросль запачкали. Я то – автор, а правообладатель – Эраст! Как бы я не бежал от этого, но в душе всё равно, где-то на дне, претензии к министру нашему шевелятся. А не было бы денег – и этих претензий не было. Если не будешь гордиться созданным, то именно тогда твои заслуги и не будут забыты.

– Но ведь это даёт...

Ной не дослушал, а от души рассмеялся над недосказанной, но понятной мыслью.

– Вот эта зануда сейчас и бегает со своими проблемами! Просто водоросль ей за жадность отомстила.

Говорящие как-то синхронно замолчали. Ной вообще был сегодня раздосадован приходом Сабины. В его возмущённой душе роились уже давно зародившиеся там мысли. Ника решила сменить тему разговора.

– Скажи, а как ты её вообще сделал? Ну – водоросль эту.

– Ты что, хочешь узнать основы творчества?

– Очень хочу!

– Вообще – вопрос мой глупый, а твой ответ – естественный. Но узнать это нельзя – это нужно чувствовать.

– А что нужно чувствовать? Я очень-очень буду стараться!

– Объяснить это и просто и сложно одновременно. Стараться здесь нужно всю жизнь.

– Понятно. Не хочешь говорить мне. Профессиональная тайна, так сказать...

Ной пошарил в столе и достал коробку скрепок.

– А у тебя зачем скрепки на кухне?

– Некому готовить, я вот сам плёнку кулинарную скрепками защищаю... Не отвлекайся! Представь прямую линию.

Ника изобразила на лице представленную линию. Изображение это было не ахти какое, но Ной решил, что скрепкам оно вполне соответствовало. Они были высыпаны из коробки на стол и выстроены друг за другом по прямой.

– Вот у меня получается прямая линия. Эта та линия, которую ты только что представила?

– Ну...

– Что – «ну»? Я же знаю, что прямее ты и не представляла. Это я смог сделать потому, что я знал, что такое прямая линия. Ты её представила, а я сделал.

– Получается, что нужно всего лишь представить?

– Нужно доказать, что результаты твоей фантазии, будут жить. Первое – было простым, а второе сложным.

– Но ведь так можно представить все, что угодно!

– Можно. Только учти, что придуманное мной – очень простое, а придумывать это в поте лица своего мне пришлось четыре года. Лишь после этого природа приняла мою водоросль. А сейчас – она больше не моя.

– Но ведь её всякие Сабины сейчас использовать пытаются...

– Надоело мне это всё. Когда я начинал эти дела, я не думал, что из них такая ерунда выйдет.

– Как это – ерунда! Ни чего не ерунда! Эта водоросль чрезвычайно нужна... природе...

– Я не про неё говорю. Ерунда из неё получилась, а сама она – штука важная. Да и из дела Эраста гадость вышла. Начал вокруг меня как курица над цыплёнком прыгать. Даже – не как курица, а как коршун над цыплёнком. Охраняет то он – охраняет, но для того, чтобы потом поживиться за мой счёт.

– Ох уж этот Эраст... Гад он!

Ника всё ещё перекаладывала ответственность за свою нетерпеливость на чужие плечи.

– Он не хочет, чтобы я принадлежал ещё кому-то, кроме него. А вокруг водоросли вообще схватки бульдогов под ковром. Я уеду отсюда.

– А это не будет ли бегством?

– Бегством? От чего-то – да. Но не от того, что ты имеешь в виду. Я не должен ни кому ни чего. Ни кто не может бросить мне никакого упрёка. Одного только жалею, что в бумажках Эрастовых автором прописался. Да и вокруг все всех как-то предавать начали. За кого не возьмись, всё жуют друг друга, да так аппетитно!

– А главный специалист в этом – Потап,– вспомнила своего последователя в «Чистом мире» Ника,– а Сабина?

– Уже соскучилась? Мы с ней в разных океанах проживаем.

– А со мной?

Ной задумался.

– А это как сама выберешь.

Ной стал вдруг совсем другим. Юмор и шутки ушли прочь. Туда же ушло и раздражение. Ника затронула сейчас самую вершину чувств, которые копились уже давно.

– Ника, ты поедешь со мной?

– А что меня здесь держит?– Ника вошла вслед за Ноем в состояние спокойного размышления,– Ни чего не держит. Работы я все потеряла, журналистика моя скукожилась, предали все, кто только мог. Убегу хоть на край земли!

– А в середину?

– В шахты что ли?

– Нет, не в шахты. Поедем со мной на Урал, в Сибирь.

– Там в палатке жить будем?

– В какой палатке? Нормальный город. У него даже сайт в интернете есть. На самом везде в Сибирь. Я о нём уже давно думал. Нужно отказаться от всего и стать другим. Когда дело завершено, человек должен устраниваться. То, что я делал – я успешно завершил. Это меня больше не держит. Мой ковчег отплывает.

Ника была человеком увлекающимся и экспрессивным. Её спокойствия хватило только на три фразы, а после началось возбуждение.

– Ной, мой любимый Ной! Убегу куда угодно, на любом ковчеге! Нужно – научусь коров доить, нужно – научусь работать в поле. Я поеду, поеду, поеду!
И восторженная девушка обхватила за шею своего названного мужа.

Глава 35. *Полицейский чудотворец.*

Ковчег Ноя в конце концов привалило к искомому городку. На работу он там, уже по многолетней привычке, не устраивался ни на какую, но работал всё время не покладая камней. Дело в том, что он совершенно неожиданно открыл в себе крайнюю метеочувствительность. Точность его прогнозов являла собой неоспоримую конкуренцию Гидрометцентру. А точнее – он никогда в них не ошибался. Причём, точность была феноменальная. Мог сказать: «На этом поле сегодня дождя не будет – вся вода на соседнем выльется». Так и происходило. Так что, еду они с любовьюницей принципиально не покупали. Как уж у него это получалось, до какой стратосферы воспарял его взгляд, он и сам до конца не понимал. Но то, что было удобнее платить натурой, его не расстраивало.

А уж после того, как он явил в городке акт чудотворения, его авторитет вообще поднялся на небывалую высоту. Дело в том, что «слушая» однажды погоду в одном хозяйстве, он стал свидетелем неприятнейшего случая. Место своего хранения неожиданно для всех покинуло очень много хорошего битума. Собрать его с земли было невозможно, а у Ноя под рукой была бутылка со спорами. Собираясь провести загородом один опыт, совершенно случайно, как рояль в кустах, под рукой Ноя оказались эти зародыши. Он вытребовал себе миску с кистью и, как деловой священник, окропил место разлива. То, что после этого он быстро убежал, добавило ему её большой ареол загадочности. Дело в том, что разлитый битум застыл и превратился в чёрный камень. Благодарные хозяева с большим трудом выворотили его потом из земли, но разбивать не стали, а поставили на память потомкам, как клумбу у главного здания. А Ной получил негласный титул священника от экологии.

А Ника вначале думала научиться доить коров, но жизнь напрочь разрушила все её розовые мечты. Под начало к журналистке попало два класса отъявленных головорезов. Паинькой она и сама никогда не была, так что учитель русского языка из профессионального словоплёта получился на славу! А потом ещё – театральный кружок, да и прочие непредвиденности. А коровы она так ни разу там и не увидела.

Но однажды в соседнем посёлке неизвестные взломали монастырский храм и украли две вещи. Полиция была, завела дело, взмахивала руками, качала головами, но надежд не обещала. И виновной она не в чём-то не была. Мать игуменя жалела нынешних полицейских, понимая всю сложность дела. Дело в том, что украдены были вещи, продать или использовать которые было невозможно. Пропала дарохранительница современного Софринского

производства, красивая, с драгоценными металлами, но не такой уж большой стоимости. Также украли ковчежец с одной святыней. Тоже красивый, тоже с золотой отделкой. Примечательно было то, что обе украденные вещи имели большую религиозную ценность, но экономической ценности не представляли вовсе. Ни один ломбард или маравихер их бы не купил, коллекционеры на них не стали бы и смотреть, а использовать по назначению краденное было уже нельзя. Игуменья была несколько утешена в своей печали тем, что святотатцы, видимо, не притрагивались к престолу, а просто обокрали самое красивое место алтаря. А рядом были и другие вещи, стоимость которых при продаже была бы на порядок выше украденных. Полиция терялась в догадках, куда могли бы понести украденное, но как вернуть святыни даже не догадывалась.

У хозяйки просто большим гвоздём всё время стучалось в висок непонимание всего происшедшего. Осквернить эти вещи? Но тогда ведь нужно было показать это. Сатанисты? Тоже странно – им то зачем украденное? Как искать? Не объявление же давать... Правда две сестры нашли одного человека, который должен был помочь, но больно уж он был сомнительный. С одной стороны это был какой-то экстрасенс или просто – колдун, а с другой стороны – ни в чём ужасном он замечен не был. Да и занимался он просто прогнозом погоды, причём, его прогнозу погоды можно было без опасений верить. Как относиться к его титулу священника от экологии игуменья даже не представляла. А звали его как библейского патриарха. В целом, Ной был скопищем непонятностей, к которому в обычной жизни игуменья ни когда-бы не обратилась. Но дело было экстраординарное. И хотелось попробовать, может хоть полиции поможет!

Ной оказался приятным мужчиной, который сразу откликнулся на просьбу. Быстро собравшись в дорогу, они вместе с женой радостно поспешили за трясущимися от страха неизвестности монашками. Приехав в соседний городок, Ной сразу принялся за дело. Монашкам очень понравилось, что в ограбленный алтарь ему даже и не нужно было заходить. Довольно уже туда полицейские ходили! Сев на широкую скамейку в притворе, Ной запросил тарелку с простой водой. Очень серьёзные опасения чертовщины подвигли налить в неё святой воды. Священник от экологии положил в неё какой-то камень и ушёл в себя. Усевшиеся чуть поодаль женщины тревожно смотрели во все глаза. Причём, крайне удивлённой была и сидящая там Ника. Уже много раз видел, как проходит это действие, в этот раз всё проходило как-то не так.

С самого первого мгновения, когда Ной опустил свой камень в тарелку с водой, он почувствовал запах. Запах этот не совсем соответствовал притвору монастырского храма. Дело в том, что сильно запахло плохой водкой. Немного погодя, прямо перед внутренним взором, возникло золото. Оно мелькало жёлтыми искрами и светилось изнутри. Потом среди всего великолепия появилась тёмное пятнышко. Ной попытался отогнать мешающее свечение и

сосредоточиться на этом пятне. После этого оно превратилось в маленький жёлудь. А потом он «увидел» грязный подвал какого-то маленького дома. Пахло старым подвалом. К этому запаху опять начал примешиваться запах водки. Золото начало осыпается в сознании, а в голове возникло изображение шторы не окне. Опять вернулся тот «увиденный» дом.

Ной на мгновение потерял идущие перед ним картины. Красивая деревянная отделка, широкая деревянная скамья, на которой он сидел, неотступно смотрящие шесть женских глаз, заляпанная маслом блестящая баночка. «Цианистая медь» – шепнуло подсознание. Опять запахло водкой. Ной поправил камень и снова окунулся в видения.

Для него это было внове. Таких видений и ощущений запахов у него ещё никогда в жизни не было. А тут опять начал просится в нос запах подвала, и он увидел улицу. Как в картах на компьютере. Улица начала обрастать другими улицами, всё бесконечно укрупнялось, но среди всего этого отчётливо представлялся медный крючок на двери подвала. Ной потихоньку освоился со всем этим.

Просидев минут десять, в каком-то странном изнеможении, с каплями пота на лице, Ной вышел на крыльцо храма. Закрываясь от яркого солнца рукой, он задумчиво смотрел на небо. Ника и монашки выбежали следом. Отослав одну из служительниц за водой попить, он начал «вещать».

– Не волнуйтесь, всё к вам вернётся. И никакой он не сатанист.

– А кто же?

– Дурак и пьяница.

Такое предположение ещё более напрягло просительниц. Как то уж всё получалось больно быстро. Но ничего страшного пока не случилось. Ни каких чёрных карт или волшебных шаров он не доставал, даже в храм далеко не заходил, а тут вроде бы всё узнал. Пророк, однако...

– А можно ли нам обратно наши святыни как-то получить?

– Заберёте.

– А почему они взяли эти вещи? Чтобы грех был сильнее что ли?

От этого вопроса Ной очнулся от нашедшей на него усталости или задумчивости.

– Эх, сдуру, исключительно – сдуру. Они самыми красивыми на полке были. Правда, – Ной задумался, – из маленького жёлудя дуб растёт. Пойдёмте, заберём. Сейчас как раз можно. Только кража украденного это ведь не очень плохо?

Что имелось в виду, было не очень понятно, но ответ, что всё равно кража – плохо, развеселил сыщика. Как-то незаметно для себя вся компания двинулась по пыльной дороге и шаг за шагом разговорилась. Опасения всё больше и больше рассеивались. Оказалось, что мужчина этот – химик, что у него учёная степень есть, что жена его – учитель в школе, а он ездит по деревням и

занимается метеорологией. Ничего страшного вроде не получалось. Даже немного забылось то, что ему сейчас что-то рассказывала тарелка с водой. Но ведь – со святой водой!

– Ну вот, уважаемые, это и есть дом злодея.

Компания остановилась рядом с маленьким и грязным частным домиком с немывыми уже много лет стёклами окон.

– Как будем забирать? Ведь у нас проблема – сейчас хозяина нет, но если он будет, получится скандал с рукоприкладством. Звать полицию – придётся вам ей объяснять, откуда это вы про дом узнали. А я сейчас прямо вижу, как они лежат в коробке, в какой-то белой тряпочке с крестом и бантиками, в подвале.

Сказанное поразило монашек до глубины души. Так вот куда делась шторка из алтаря! Вор в неё просто украденное завернул. Но откуда известно это? Ведь привезли его только что в незнакомый городок по сестринской инициативе. Или знакомый? А может он уже их ждал? Сомнения продолжались, и Ной уже сам начал искать их разрешение.

– Ну а если мы просто поменяем на что-то эти вещи? Тогда и совесть чиста, и шуму нет.

Мозг Ники проснулся и начал соображать в этом направлении какие-то приколы.

– А вот – точно! Они на что похожи-то? Что такое дарохранильница?

Монашки пожали плечами:

– Ну, вроде чашечки с крышкой...

– А ковчежец? Корабль маленький?

На этот раз улыбка мелькнула на лицах:

– Нет, это ящичек просто, коробочка такая.

Ника уже всё решила и взяла всю инициативу в свои руки. Походив около дома, она нашла стакан и пачку из под сигарет.

– Вот, это его достойнее будет. На это и сменим. Окно можно открыть, форточка там не закрыта.

– Да её нет, – замечал Ной.

Допросив «мужа» о расположении краденного, Ника вползла в предварительно открытое окно. Уже начинался вечер. «Откуда он знает, где там что лежит? Он там бывал?» – думала пожилая монашка. А Ника не думала. Не думала вовсе, а безоговорочно верила своему названному мужу. Жизнь до этого уже много раз доказывала всю правильность даже самых его фантастических высказываний. Выбравшись через полчаса наружу, в её руках был мешок.

Торжественная процессия с видом победителей возвращалась по ночным улицам к храму. На скамейке около него сидела уставшая и постаревшая за последнее время мать игуменья. Она очень ждала возвращения из

неведанного своих сестёр, а день уже давно начал подбираться к своему окончанию. Ей даже начало казаться, что за них она волнуется больше, чем за украденные святыни. Волноваться ей не подобало не из монашеского смирения, не из должной веры, но – слаб человек! Когда к скамейке подошли пятеро вернувшихся, она даже не смогла встать навстречу. На их лицах было написано всё. И в наступающих сумерках это можно было прочесть. Вернувшиеся сели рядом. Ноя в то время начала теревить одна мысль о будущем:

– А что вы будете делать с вором?

Игуменья смотрела на стоящий рядом с ней на скамейке мешок и не могла, от нахлынувших чувств, сказать что-либо. На помощь опять пришла пожилая монахиня:

– Пусть будет всё так, как должно быть!

– А должно быть то, чтобы вы простили вора,– удивительный Ной продолжал всех удивлять,– он придёт через недельку в храм, поглядите на него.

– Как это? Зачем он придёт?

– А вот представьте: украл из церкви священные предметы, сложил их в занавеске в погребе, задвинул дверь столом. Ушёл, выпил на радостях, возвращается, а в его коробке произошли такие перемены! Вы-то сёстры в курсе, какие. В доме ни чего не тронут, всё на своих местах. А предметы сами переродились соответственно воровской душе – так и лежат в шторке, как и оставлял. Ну, день с испуга выпьет, два, три. Потом уже больше не сможет. Конечно, прибежит в обворованный храм с непонятным намерением. Кстати, службы-то идут?

Игуменья только беззвучно кивнула.

– Ну вот, предупредите священника, чтобы про воровство в проповедях своих красочнее говорил. Да странных мужичков больно со службы не гоняйте. Несколько дней таких пройдёт – сам прибежит, и сам расскажет всё. Скрутите его в верёвку, а потом – хоть сторожа из него делайте! А перед полицией извинитесь, но вора не отдавайте, а то придётся с этим ой как много чего ещё рассказывать!

Немного успокоившаяся игуменья всё же выдавила из себя одну глупость:

– Большое Вам спасибо! Сколько мы должны Вам?

Ной не отвечал ничего, лишь через некоторое время, уже почти в темноте, сказал:

– Поздно. Поспать бы нам где...

Монашки побежали в соседние монастырские дома, а игуменья думать уже не могла.

Глава 36. Там, где чёрт сам не успеет – там Потапа пошлёт.

Прошедшей ночью мать игуменью отвезли на скорой, а Ноя уговорили остаться ещё на день. Пережитое волнение наглядно доказывало монахине свою неправильность. По упиравшись сколько возможно, под напором болезни и сестёр, на скорую она всё-таки согласилась.

На третий день пребывания Ноя в этом городке, как что-то непонятное из другого мира, в мирном и опрятном гостевом домике появился из воздуха Потап.

– Здравствуйте, господа милостивые! Долго идти до вас. Приютите, обогрейте усталого путника!

Вежливая и почтительная учительница вдруг в одно мгновение превратилась в базарную хамку.

– Чего припёрся, рогатый?

– Ну, вы меня и встречаете! Как и не рады вовсе? А я от Главного ушёл, не интересно от кого приехал-то?

Вообще было жарко, и все двери, в которые просочился Потап, были открыты именно поэтому. На свежем воздухе первоначальное омерзение проходило быстрее.

– Так от кого приехал?– Открыл недовольный рот Ной.

– От хранителя твоего высочайшего, от министра. А ты вообще как это таких знакомых надыбал? Ты ведь вроде как колдун. Как это монашки с тобой дружбу водить стали?

– Исключительно по нужде великой. Нас как нашёл?

– Так начальница их рассказала.

Возможность того, что этот Потап познакомился с игуменьей, расстраивала. Хоть особо он её и не знал, но возможность такого разговора всё-таки тревожила Ноя.

– Кто, игуменья?!

– Ну, натурально. Знал я примерно, куда ты уехал. Да и столько башмаков вытоптал, пока узнал! А тут мне говорят, что с монашками уехал, а куда – непонятно. Монастырей – море, где искать – не знаю. А тут монашку на скорой привезли, ну я и понял – без тебя не обошлось.

Доброе расставание при Никином бегстве всё ещё грело бывшую журналистку.

– Так припёрся зачем?

– Ах ты какая добрая! Изгадила нам всё бесами своими, а теперь и говорить не хочешь.

– Я?

– А кто?! Пока твоей статьи последней не было, у нас у всех всё в шоколаде плескалось. Подумаешь, два дня подождать не смогла, пока Эраст Рифович тебе место не подыскал! А ты американцам этим всё сдала.

– Это как это я сделала?

– А кто рассказал, что водорослей этих полно в океане? А?– немного успокоившись Потап вдруг переменял тон, – Ну, да ладно, кто старое помянет – тому и глаз вон. Узнал вот, где вотчина монашкина и приехал.

– Что с тобой?– Искренне удивилась Ника,– Милосердие раньше тебя никогда не задевало.

– Ой, не возводи напраслину! Милосердие – существо моё... скрытое.

Ною надоело слушать взаимные пикировки бывших коллег. Он отвык от них. Вообще в последнее время он отвык от постоянных разборок своего прежнего города. Даже то, что сам лично он в них участия никогда не принимал, но из его поля зрения ссор не убирало. Поэтому даже крохотный намёк на прошлую жизнь был ему неприятен. Все ещё знакомые имена как-то очень быстро потеряли свой человеческий облик, даже если они его и имели раньше. Жизнь странно расширилась. Низкая и высокая её часть стали обращать на себя все больше и больше внимания. Так, самой большой проблемой, возникшей за последнее время, было то, что один мужичок обещал за прогнозы мешок сахара, который вёз уже второй месяц. А с другой стороны, с «высокой» стороны, Ной начал думать уже над совершенно другими проблемами. Это не монастырь оказал очень серьёзное впечатление. И там были простые люди, причём, в большинстве своём, они были просто испуганные жизнью. Но думы летали уже очень высоко.

– Я не верю в милосердие. Такой жук, как ты, сюда летел не без цели. Что нужно?

– Вернись к нам! Совсем худо стало...

Бурная смесь нижайших просьб перемешанная с непонятными угрозами вдруг потоком изверглась на голову Ноя. За прошедшее время изменилось довольно многое. Первое, что с какой-то непонятной гордостью рассказал Потап, была история его собственного предательства Главного. Сам он, конечно, этого не хотел, но санатор, пришедший на его место, решительно потребовал предоставить весь компромат уже на сам журнал. Главный, естественно, сам был виноват во всем. Схватившись после отъятия «Чистого мира» за Никину статью, он посыпал крутой горчицей учёных, спецслужбы, государство, за границу и многих ещё кого. Эраст Рифович, Иван Иванович и барракуда переварить все это без последствий для Главного не смогли. После всего происшедшего он обнаружил у себя талант художника-мариниста и внезапно наступившую пенсию. А Потапа добрые люди не забыли. Эраст Рифович взял его своим заместителем с целью защиты от Сабина и случая, если кого-то при случае потребуется предать.

– Да, а водоросль твою у нас отняли. Через суд американцы доказали свои авторские права и собственность. Так что, на всё свою ручку змеючью Сабина положила.

– Так ты раньше ведь следы от этой ручки целовать собирался.

– Больно нужно! Но ты вот патенты не сделал, а она умудрилась.

– Мне не нужны патенты. Мне своё авторство не доказывать.

– Да и министр также сделать быстро не смог, и... Правильно, что не смог.

– Это почему это?

– А когда проблемы собрались появиться, Эраст от неё её же патентами закрылся: ваша собственность – ваша ответственность, говорит. Ничего ответить не смогла. Я прямо счастлив был! Но Иван Иванович без патентов, как без рук. Он, правда, каких-то там своих написал. Там как трубопроводы делать твоей водорослью, грунты закреплять, бетоны подводные делать, так – мелочёвка всякая. А Сабина сначала победительницу праздновала, а потом, когда убытки нарисовались, прямо с цепи сорвалась! Ной, мы так на тебя надеемся, что ты с ней что-то...

Никю разбудило давно забытое чувство.

– Я тебе это что-то знаешь куда засуну?! Сам её весели. Вали отсюда, товарищ!

Снова проснувшаяся Никина ревность Ноя особенно не порадовала. Ему и самому хотелось отправить отсюда старого знакомого, но его невероятная прилипчивость не давала шансов отделаться от него просто так.

– Ладно шуметь, Ника. А тебя я не пойму совершенно. Вроде дела идут, лучше некуда. Аллель сами нашли, разработки крутые сделали. Моя-то лужа не такая глубокая.

– Чего нашли?– Переспросил не понявший слова Потап,– какую алелю?

– Аллель, мой наивный друг, аллель,– засмеялся в ответ Ной,– но это не моё изобретение! Не надо ещё и по нему с меня авторское свидетельство требовать!

– А кто-то ещё по твоей водоросли уже работает? Чьё изобретение?

– Успокойся, изобретение природы. Я тут ни чего не делал. А алеля твоя – это когда толпа водорослей собирается в кучу и рождает не песок, а кирпич. Я когда их делал, про аллель вообще и не думал. А потом твоя любимая Сабина камни привезла с рифов, которые у них там выросли. Я их посмотрел и всё сразу понял. А сейчас слышу – Иван Иванович с ним также столкнулся, да так удачно!

Ника в раздражении ушла к окну и стала смотреть на также начавшуюся склоку в семье монастырских воробьёв.

– Он тоже, что ли аллель эту делает? Ты с ним говорил?

– Это ты мне только что сказал. Грунты закреплять, бетоны делать как без аллели? Это я тут как шаман с кистью вокруг луж прыгаю, зародышами трясусь, а у него серьёзно всё.

– Но ты можешь вернуться?

Потап не отставал. К этому моменту уже немного начинала чувствоваться какая-то подспудная мысль или план, который без Ноя реализовать было невозможно.

– Ох и достал ты меня уже! Понимаешь, все проблемы вы сами себе придумываете. Дела идут, угроз нет. Сабину прогнали, чужим патентом защитились, своих написали, применение придумали, а всё недовольны! Мне что, Сабину вашу отравить нужно? Сами не можете?

От каждого поминания американки у Ники вздрагивали плечи. Она также была уже занята крайне любопытным делом. Оказывается, воробьи устраивали распрю не между собой, а с прибежавшей на их любимое дерево, рядом с трапезной, белкой. Но вполне красивая и опрятная белка сейчас начала ассоциироваться с этой настырной Сабинкой, и Нике очень сейчас захотелось кого ни будь поклевать.

– Можем, можем, только... Ой, а эта потолстела что ли?

– С тебя пример беру!– оторвалась от белки раздражённая девушка,– Целых шесть кило набрала!– уже с гордостью было заявлено Потапу.

– Это вряд ли, что с меня. Если бы с меня, то ты бы тогда забеременела.

– Ой, Потапик, ты забеременел?!

– Может быть, может быть...– шуточно резюмировал похудевший Потапик.

А вообще Потап действительно похудел. Только это была не его заслуга, а Эраста Рифовича. Товарищ министр каждый раз при встрече вышучивал этой же беременностью своего зама. Заму пришлось от этого регулярно страдать в спорткомплексе. Правда, беременность от этого не прошла...

– Хватит мне голову ерундой своей забивать! Сейчас от меня что нужно? Я просто третьим глазом вижу, что тебе нужно что-то!

Потап глубоко вздохнул и провещал миру свои фантазии:

– Мы с Эрастом Рифовичем вот о чём подумали... А если бы можно было немного изменить водоросль, ну или создать другую, которая... Ну... Сабина тогда бы втрое за неё...

Договорить он не успел. Ной, во след за Никой, пришёл в раздражение.

– Что, дорого продать можно было бы? Водоросль подкорректировать? Чтобы она камни ела, и нефтью плевалась? Океан, дорогой, тебе тогда процедить придётся. А сейчас иди отсюда!

– Вообще, что ты это меня так гоняешь?! Ты не забывай – я замминистра, а не попрошайка какая!

Но весь скандал сошёл на нет по не зависящим от замминистра причинам. Ника ещё теснее прилегла к стеклу окна:

– Андрей, Андрей, игуменья приехала! Отпустили... сама идёт... сёстры поддерживать пытаются...

– Ну – слава Богу! Теперь и мы домой ехать можем. А то без неё как-то не правильно было.

Потап странно напрягся. Он почувствовал, что это были уже какие-то другие люди.

– Андрей? Кто Андрей?

– Ты – Потап, – не отворачиваясь от окна, цедила Ника, – Георгиевич...

– Так, всё, больше времени нет. До свиданья, господин зам. министр...

И Андрей-Ной с всё ещё худой девушкой побежал на улицу.

Глава 37. Горькие крокодиловы слёзы.

По пыльной тропинке маленького городка брела утомлённая женщина. Напряжённо разглядывая номера домов, она искала какой-то номер. Но трудности не вечны, и нужный дом был найден. Зайдя в подъезд и, непривычно спотыкаясь обо все хитросплетения лестницы, Сабина опять настигла Ноя. За прошедшее время она очень изменилась. Может быть, она поняла жизнь, а может быть наоборот – жизнь помяла её. Уверенность была уже не такая уверенная, а претензии стали напоминать просьбы. Ной, открыв дверь, был очень удивлён.

– Здравствуйте, Ной! Я рада, что нашла Вас снова. Не могли бы Вы уделить мне немного внимания? – Сабина проговорила это как автомат, а потом уже добавила от души, – Мне очень нужно! Помогите мне, пожалуйста!

– Ну, входите, – обескураженно ответил Ной и сразу же запросил помощь, – Вера, Вера, иди сюда, у нас гостья!

Бывшая ещё до самого последнего времени Никой, Вера деловито вбежала в коридор, где практически остолбенела. Сейчас уже ревности к вошедшей не возникло. Или – так просто показалось, что не возникло. Древний враг появился на пороге как что-то уже давно и счастливо забытое. Сабину пустили, обогрели, напоили опять-таки чаем и принялись смотреть и слушать в четыре глаза, какие новые заморочки принесёт она в их жизнь. Но в этот раз с её приходом совершенно неожиданно началась только маленькая, но претендующая на судьбоносность, конференция. Вежливо выпив чая, Сабина перешла к делу.

– Ной, меня послал к Вам целый коллектив различных организаций. Нам очень хочется знать, какую цель Вы преследуете созданием этой... этого... животного, что ли?

– Кого?– совершенно честно удивился Ной,– Я последнее время ни чего подобного и вовсе не делал.

Сабина достала бумажку и прочла по ней:

– «Живое существо типа плазмодия, аналогичное разлагающей нефть водоросли», и вот ещё: «поддерживает интенсивную коррозию затонувших судов и является источником возникновения явления «Кровавый меч возмездия».

– Мне это всё напоминает какую-то страшную компьютерную игрушку...

– Если бы это было так!– Сабина действительно честно всплеснула руками,– У нас это называли «кровавым мечом возмездия».

Ника задёргалась от предвкушения проблем.

– Ой, мне уже сейчас страшно! А что это такое?

– В воде мирового океана появилась бактерия, которая образует что-то вроде колоний на железном мусоре в воде. Наши учёные склоняются считать её каким-то неизвестным плазмодием. Так вот, этот плазмодий поселяется на затопленных судах и разрушает их.

– А кровавый-то почему?

– Так мусор – железный. Железо разрушается, а в ионной форме оно красное. Как кровь. А когда процесс переходит в активную фазу, над кораблём на водной поверхности появляется что-то вроде окровавленного меча.

– Так проблема в том, что вода стала грязной?

– Ой, да ну вас, вода причём здесь?! Корабль среднего размера разрушается на морском дне месяца за четыре полностью!

Но Ной всё ещё не мог понять существа проблемы.

– Их ведь поднимать все равно сложно, так пусть разлагаются в воде.

– Так вот – не «пусть»! Коррозии ведь подвержен любой металл в воде, коррозия становится очень быстрой. У плавающих кораблей пришлось покрывать борта специальными составами и не пользоваться океанической водой на борту! Как Вы думаете, моряков это сильно обрадовало?

Ни Ной, ни Ника так не думали, но в дверь снова зазвонили. В этот раз открывать побежала хозяйка, и количество людей сразу выросло. Пришла мать игуменья, с уже знакомой сестрой, взятой для несения поклажи.

– Здравствуйте! Как я вижу, что помешала какому-то разговору. Уж не сердитесь сильно, я только хочу сделать один подарок. Сейчас отдам его Вам и мы уйдём.

С этими словами, пришедшая с игуменьей монашка начала копаться в своей сумке, а Ной с Никой начали уверять, что идущий разговор не важен, и что пришедшие не помешали абсолютно. Над Сабинкой сгустились туча выставления за дверь, а этого ей было ненужно. Поэтому к хору хозяев присоединилась и Сабина, которая уходила и не собиралась.

– Прошу прощения, разрешите представиться, Сабина Блекборн, Фонд научных инициатив в области экологии, Соединённые Штаты Америки. Прошу вас не смущаться из-за меня. Вы разрешите присутствовать при вашем визите?

Прогнать её уже было как-то не сподручно, поэтому Ной пошёл ещё за двумя стульями.

– Я принесла Вам в подарок одну очень интересную картину. Совсем недавно я очень обрадовалась, когда вспомнила про неё. Её мне подарил сам автор, очень интересный и умный человек. На ней изображён патриарх Ной на своём ковчеге. Вот я и подумала, что это не случайно, а картину эту мне подарили именно для Вас. Возьмите её с нашей благодарностью и молитвой!

С этими словами игуменья вручила уже вынутую своей помощницей картину, и Ной начал внимательно рассматривать принесённый подарок. Вообще рассматривать было что. На привычные иконы она не походила в принципе. На ней было изображено море, но не мирное и умильное. Море бушевало грозным штормом, с которым боролся Ковчег. Ковчег, правда, был не библейским, а привычным парусным кораблём. С его палубы глядел в мятущееся небо старый, но мощный мужчина. Его седые волосы трепал ветер, а в руках была закрытая клетка с промокшими и испуганными птицами.

– Это очень интересная картина, – уточнила Тавифа, – обычно Ноя изображают выпускающим голубя, а на этой картине он смотрит, можно ли его вообще выпустить в такую погоду. Он заботится о птице. В такой шторм птицы останутся в клетке. Смотрите – дверка у неё закрыта. Это редкая картина. Иконы Ноя пишут, но в основном на иконостазах, над Царскими Вратами, а эту картину мне очень захотелось передать именно Вам.

– Но у меня один вопрос, – Ной оторвался от картины, – Вы ведь знаете моё настоящее имя, а почему Вы меня Ноем называете?

Вопрос был действительно сложным. Дело в том, что игуменья и сама толком не понимала это. Конечно, если бы имя было какое-то дикое или фантастическое, то вопроса его использования и не возникло вовсе. Но тут было имя библейского патриарха. Начальница над монахинями понимала, что ни одна из её сестёр не зовётся крестным именем. А что сказать по поводу этого имени она просто не знала. Очнувшись от рассматривания картины из-за плеча Ноя, Сабина пришла на помощь.

– А что, разве «Ной» не настоящее имя?

Ной засмеялся.

– Ну, вам всё и расскажи!

Эта американская помощь дала возможность игуменье собраться с мыслями и спокойно приступить к ответу.

– Почему? Не знаю. Просто вот она, – игуменья показала на свою спутницу, – видела, как Вы работаете. Она рассказывала мне. Может быть Вы действительно – Ной. Откуда нам это знать? А имя патриарха Ноя – не

осуждение, а благословение. Может быть, морские волны когда ни-будь принесут нам понимание.

Тут засмеялась уже Ника.

– Уже принесли! Весь мировой океан заполнен водорослью, которую Андрей создал. Морские волны нам уже сейчас многое показывают.

– «Создал» – это дело Бога, который...

Договорить игуменье не дала Сабина. Разговоры про мировой океан и происходящие последствия вдруг привели к совершенно несвойственным ей слезам. Были они совершенно честными, что знавшим Сабину до этого могло показаться крайне необычным.

После этого начался очень непродолжительный, но бурный плач-рассказ обо всех грехах и отказах Ноя, водорослях, мечях и деньгах. Монахини испуганно замолчали, а Ника поняла, что сейчас её выход.

– Дёшево стоят, дешёвы твои слёзы, – Ника осторожно взяла подаренную картину и показала пальцем в неё, – вот в клетке у Ноя голубки сидят, одна тихая такая, в углу клетки, а другая, крылья раскрыла, на прутья бросается. Как думаешь, если она на свободу вырвется, что с ней произойдёт?

Решительные слова, даже больше похожие на атаку, мгновенно просушили Сабинины слёзы. Ника продолжала свою мысль.

– Так вот, первая голубка – это я, а вторая – ты. И что, Ной бросится улетевшую в бурю дуру спасать? Не дождёшься! Так что крылья закрой и на дне сиди!

Наступило молчание. Ной любовался Никой, Сабина сидела в полном ступоре, игуменья думала о голубках, а помощница вспоминала главную проблему своей жизни. А Ника начала уже испытывать неудобство, что её могли неправильно понять.

– Да, вы думаете – голубка? Она не голубка, она коршун, который при удачном случае сама съест кого угодно!

Ною образующаяся распря начала надоедать и он начал выкручивать на другую тему.

– Ну, а что у вас там с вором нашим получилось?

– Да, да – пришёл, – оторвалась от возникших глубоких размышлений игуменья, – как Вы сказали, так и пришёл. Я нашего батюшку попросила проповеди позабористее читать. Вот, сестра, – игуменья посмотрела на свою помощницу, – как раз видела.

– Да, да, пришёл, – подтвердила монахиня, – сначала грязный такой, неприятный да пьяненький появился. Было, раза три просто так заходил, а потом его наш отец Мартемиан его в такой оборот взял! Он на проповеди стоял где-то далеко, за спинами, а читалась она специально для него. А потом уже не смог никуда уйти: и грех тяготит, и каждое слово проповеди, как меха кузнечные в ушах гудит... Да и в душе тоже. На исповедь попросился, лепетал

там что-то несвязанное, а отец Мартемиан и вспылал – взял и практически всё про него сам и рассказал. Он в потрясении сердечном во всём и покаялся. Наложили на него суровую епитимию, он под ней ещё и сейчас ходит. Батюшка даже и полицию поминал...

– Ну, с ними всё хорошо вышло, – включилась в разговор игуменья, – сама им практически всё рассказала, вора не сдала, а они и рады этому оказались.

Во входную дверь опять позвонили. Ника вскочила с места и побежала открывать. Похоже, разбор птичек произвёл на неё очень будоражащее воздействие, и через некоторое время оставшиеся за столом слышали какую-то ругань в коридоре. Ещё через мгновение, Ника вернулась в комнату вместе с Потапом.

– Здравствуйте, здравствуйте, ой, тут целая конференция у вас!

Увидев заплаканную Сабину, Потап сначала смутился, потом – удивился, потом – напрягся, но от своего стиля всё равно не отошёл.

– Ну, эту иностранку я знаю хорошо, привет! – Потап приветственно помахал рукой, – а это, видимо, та монашка, что мне Ноя в прошлый раз выдала.

Игуменья удивлённо заявила, что в первый раз его видит. Но хозяев это особо не удивило, так как Потап совершенно спокойно мог наврать про всё, что угодно. Хотя, именно в этом случае и не наврал.

– А вот, мать игуменья, говорил Вам – не волнуйтесь. Если бы в больницу не попали – тогда этот гражданин про меня не узнал. Он по сводкам происшествий на Вас вышел, а потом меня у вас же в монастыре поймал. И сейчас просто внутренним глазом вижу, что придумал гадость какую-то! Ника, пожалуйста поговори с сёстрами пока я с этими проблемами разбираться буду. А ты, Потапик, картину мою глазками не заляпай.

Ника от сказанного сразу удивительно быстро закрыла картину ни кем раньше не замеченной, но предназначенной именно для этого тряпочкой. Мужская компания в сопровождении красноглазой Сабины отправилась на кухню, а Ника осталась за хозяйку.

К крайнему удивлению Ники, между ней и монахинями не возникло даже тени непонимания. Молодая учительница вспомнила детей, кружки, нравственность, воровство, политику, экологию, даже – особенности богослужений. Последнее было вообще невероятно до крайности, но Ника в своём журналистском прошлом посещала Сергиев Посад. Цель этой поездки была естественно утаена от гостей, зато с невероятной выпуклостью был рассказан визит в один из храмов. Визит этот был практически случайный, но гордое звание журналиста было не посрамлено.

А через некоторое время Ной вернулся к Нике с гостями.

– Они, по-моему, там сошли с ума... «От горя и лишений». Как сыр в масле катаются, а всё придумывают, придумывают...

– Они что, вместе придумывать что-то начали?

– Потап уговорил Сабину предать свою родину.

Повисло молчание.

– Зачем?

– Ну, там в основном проблемы, долги и прочие страсти. Да и мечи их возмездия скоро ведь вырастут сильно, а она с ними ничего сделать не сможет. А по всем раскладкам, виновной назначат именно её. А пострадает от этого их плазмодия именно армия. Так что несколько пожизненных сроков ей обеспечено.

– И что они собрались делать?

– Молнии во врагов метать.

– А без шуток?

– Так это и есть без шуток! Потап вычитал, что Земля – огромный конденсатор. Одна пластина – стратосфера, а вторая – земля. Что молнии происходят именно из-за огромного напряжения на них. А где ударит – вещь непредсказуемая. Вот и хотят управлять этим местом.

– А ты причём здесь?

– Вот послушал про меня здешние рассказы, что я прогнозом погоды занимаюсь, да и Эраст старые мои эксперименты значит рассказал. Наверное, поэтому он собрался до неба специальные столбы из водной взвеси городить. Чтобы мне слышно было лучше...

– А Сабина на это поддалась что ли?

– Не то слово! Это главная её идея – использовать ей разработанные ракеты для распыления жидкостей. Она ими орошать водные пространства собиралась. Вот сейчас как раз обсуждают, как наработки её сюда привезти под видом оборудования для научной площадки Ключева. Так что горшок нашёл свою крышку.

– Они там нормальные? Грибов не было?– засмеялась Ника.

Ной особо смеяться не хотел. У него было скорее глубокомысленное состояние.

– А вообще, знаете, давно, лет тридцать назад, был один наш наивный фантастический фильм «Придурок».

– Кто придурок?– Ника по привычке взволновалась сразу.

– Назывался он так. И мне сейчас кажется, что придурка хотят сделать именно из меня. Там из главного героя в конце фильма захотели сделать человека, умеющего испепелять врагов. Из меня, кажется, хотят сделать именно его.

– А что с ним стало по фильму?– Продолжала выяснять Ника

– Он отказался становиться таким. Отказался потому что прочёл Библию.

– Вообще не такой уж и наивный фильм.– вступила в рассуждения Тавифа.

– Так, может быть, и тебе отказаться от этих предложений?– Со своей стороны предлагала Ника.

На этой Ной рассмеялся.

– Делать-то, что придумает воспалённая фантазия этой парочки, я точно не буду.

– Про меня они сейчас там уже забыли, сомнений моих уже не слушают, а только друг с другом говорят. Пусть развлекаются сами, но без меня.

Глава 38. Природе понравилось.

В прошедший день было много разного и непонятного. Плачущая Сабина, буйно фантазирующий Потап, седовласый Ной на картине, благодарные монахини, живой и раздражение Ноя неуклонно звали Нику к подушке, но вот сна как раз особого и не дали. Что-то непонятное подняло её глубокой ночью, а Ноя рядышком не оказалось. Ещё не до конца проснувшись Ника в непонятной тревоге быстро совершила круг вольтижировки по квартире. Кто-то, как очень решительный дрессировщик, гонял по жизненному кругу эту лошадку на прочном поводке любви, ударяя время от времени по худому крупу кнутом ревности. Правда в этот раз круг был и не очень большим. Домчавшись до гостиной, Ника обнаружила там Ноя в позе Врублевского демона перед ему подаренной картиной.

– А ты что не спишь?

– А как ты думаешь сама?– Ной продолжал неотрывно смотреть на второго Ноя,– я думаю...

– О ком? О Сабине?

– Ах Ты, Господи!– удивлённо воскликнул Ной,– Какая Сабина? О ней ты сама думаешь всё время! Её сейчас только пожалеть можно, а не в ревности своей топить.

– Пожалеть? Почему это?

– Ну как-же, все её изобретения обернулись одними убытками, уж скоро в суде дела могут начаться. А тут ещё этот демон-искуситель Потап на измену Родине соблазнил. А её Родина к этому может очень серьёзно отнестись. Может и выкрасть, а не получится – убьёт.

– Ой, да кому эти малахольные нужны будут?!

– Ещё как нужны! А ты, кстати, не с кем про это не говори. Ни Сабина, ни Потап к нам вообще не проходили. Да и меня ревновать заканчивай!

Молча согласившись, Ника обняла Ноя и также уставилась на им рассматриваемую картину. Прошло совсем немного времени, и он вернулся к тем мыслям, от которых был оторван прибежавшей буйной лошадкой.

– Знаешь, Вера, я думал о голубях... Своих я раньше времени отпустил...

– У тебя голуби были что ли?

– Ух ты, материалистка ты моя!– улыбнулся Ной,– Образно говорю. Конечно – про свою водоросль. Тут вот патриарх смотрит, можно ли голубей выпускать, а я вот свою водоросль во всю эту грязь, кажется, рано выпустил...

– Грязь? Это дела судебные что ли? Они ведь тебя не затрагивают вовсе.

– Нет, не про суд речь... Предательства вокруг одни! Ну и деньги шуршат всюду. А суд действительно меня не касается. Я денег не получал, поэтому и не касается.

– Пойдём спать, я утром на работу ведь уйду.

Но Ной на это предложение пропустил мимо внимания.

– Я хочу от всего этого опять убежать. Если хочешь – уплыть.

– Как? Опять?

– Опять. Мне стало жалко мою водоросль. Мне стало жалко ту водоросль, которую они мечом своим назвали.

– Плазмодий.

– Не в этом суть, а в том, что она вроде моей... создана... Понимаешь, природе моя мысль понравилась. Я не знаю, что и как там в этом мече происходит, но принцип послать самое мелкое существо на ликвидацию человеческих огрех такой же,– и Ной как-то инфернально расхохотался,– человеческая деятельность более сложных существ и не заслужила!

– Ну, чего тогда жалеть их?

– Нет, ну ты права, конечно. Это им нас жалеть можно было бы.

– Скажи, а когда ты начинал эту работу, ты думал, что так всё выйдет?

Ной задумался.

– Да, представлял. Может быть не в деталях, но представлял.

– И никогда ни капельки сомнения не возникало?

– Сомневайся во всем, но не отступай ни на шаг. Мне просто сейчас кажется, что сомнения эти куда-то не туда шаги мои направили. А ссоры всё это время и дальше продолжают, так что это был не тот Арарат.

Глубоко вздохнув и посмотрев ещё раз на голубей в клетке, Ной, обняв правой рукой свою худенькую голубку, и пошёл заканчивать эту ночь.

Наступившее утро ни чего особого вроде и не обещало. Ника сбежала в школу ещё до того, как Ной более или менее разлепил свои глазки. Не смотря на коренную смену обстановки, стиль и жизни особых изменений не претерпел. Ника бегала целыми днями и зарабатывала Ною на конфеты. А Ной в основном сидел дома, потом гулял по улицам, ездил на Туру, самозабвенно читал книги, потом выезжал загород и привозил оттуда куля три еды. Правда, книги, которые он читал, были преимущественно научными, а кули – большими.

А сейчас время загнало Солнце уже довольно высоко на небо, и звонок двери, похоже, успокаиваться не собирался. В этот раз на пороге стояла вчерашняя гостья – помощница Тавифы. После обычных приветствий и

извинений, пришедшая была приглашена внутрь. Даже стало известно, что звали её Параскевой.

– Мать игуменья просила узнать, не случилось ли вчера какого-то неудобства от нас? Не обидели ли мы вас чем, и ваших гостей? Ведь они даже выйти к нам не захотели.

– Каких гостей? Были только вы. А остальные так... Хрен с редькой,– Ной улыбнулся от пришедшего в голову каламбура,– и друг друга они не слаще. От них только проблемы и неприятные воспоминания, а ваша картина... Признаюсь, я сегодня полночи на неё смотрел. А, интересно, кто её автор? Мы про это даже вчера в суматохе и не спросили.

– Автор? Он представился три года назад. Он был талантливый человек, Бог наградил его большой душой. Это – мой брат.

– Как интересно! И как жаль... Я бы с большим интересом познакомился с ним. Ведь знаете, на меня произвели большое впечатление голуби на этой картине. Они в моей душе начали ассоциироваться с моей водорослью. Да, я разработал или создал одну водоросль, которая... Как-бы по понятнее сказать...

– Не волнуйтесь, я знаю про неё. Мне рассказала о ней Ваша супруга, когда мы ещё шли,– Параскева немного остановилась подобрать правильные слова,– шли спасать наши реликвии.

– Надо же! Неожиданно. Я-то думал, что всё это уже пропало навсегда.

Монахиня улыбнулась своим воспоминаниям.

– Вот Вы прошлый раз говорили про фильм, а я скажу про один старый и удивительно добрый мультфильм. Так вот, там сказано: «делай добро и бросай его в воду». Не ожидайте внимания – тогда оно и будет.

– Вот я и бросил... А сейчас что началось из-за этого!

– Я была так поражена этим! Дело в том, что уже очень давно, в моей прошлой жизни, я пыталась сделать что-то подобное.

– Вы делали водоросль?

– Нет, не водоросль, а рис,– в глазах гостьи заблестели мысли о давно минувшем, но всё ещё волнующих вещах,– В далёкой-далёкой молодости я занималась тем, что изучала рис. Потом я обнаружила, что он лучше растёт под жёлтым светом. Даже не то, чтобы просто жёлтым цветом, а в отсвете от такого металла. Время шло, а я обнаружила, что я могу изменять растущие побеги. Я просто разговаривала с ними, хвалила, рассказывала им про то, как нужно растить корни и ростки. Потом просто начала представлять это. И это все оказалось вполне успешным. С этим всё шло лучше, чем без этого.

Ной после этих слов даже как-то проснулся. Ему эта идея даже и не казалась фантастичной. Сразу же эта идея в голове Ноя начала обрастать способами и даже механизмами реализации, основанными на его собственному опыте.

– Ой, это ведь так похоже на то, что делаю я!

– Действительно? Это меня беспокоит, мне бы не хотелось этого.

– Но Вы понимаете, что я это всё могу сделать?

– Этого делать не нужно.

– Но у меня уже целый рой мыслей возник!

– А я говорю, что не нужно. Не нужно, потому что это богохульство.

Лицо монахини было совершенно спокойным, лишь только в краешке зрачка, в небольшом движении глаза мелькнуло сожаление чего-то. А Ною очень не хотелось оставлять новую мысль и мгновенно разрастающиеся планы.

– Почему это богохульство? Что в этом плохого?

Параскева глубоко вздохнула. Ей сейчас показалось, что она ведёт диалог сама с собой прежней, причём, показалось не беспочвенно.

– Всё, что Вы начнёте делать, всё это будет только для того, чтобы улучшить этот рис. Ну или что-то другое, а не рис. А улучшать созданное Богом – это утверждать то, что Он сделал это недостаточно хорошо. Вот в этом и есть богохульство. Не нужно ни чего улучшать, всё и без того создано лучшим образом. Я на этом сильно пострадала...

– Вас что, преследовали за эти мысли? У меня просто в глазах Мендель мелькать начинает!

– Мендель был монахом и он грешен тем же, чем и я. Если бы он узнал, к чему приведут его фантазии, то он бы сжёг всё написанное. И если начнёте Вы – так и на Вас он ляжет. А я бы этого очень не хотела.

– Сестра Параскева, Вы что-то от меня скрываете. Как наказали-то?

Заблестевшие вначале воспоминанием глаза Параскевы вдруг стали матовыми от горечи.

– Это другой рассказ. Раньше я никогда и не думала, что жизнь моя так изменится. Но она изменилась. Бог привёл меня к Себе, хотя это мне тогда было нестерпимо больно... А, может быть и остановил. Но это будет тяжело слушать.

– Вам тяжело погружаться в воспоминания?

– Мне тяжело погружать Вас.

– Но этот страх напрасен. Я сейчас хочу это узнать.

– Давно, гораздо раньше пострига, у меня был муж, была дочь... Я их очень любила. Вот все мои опыты с рисом и были навсегда остановлены. Мы попали в аварию. Муж и дочь погибли на месте, а я... Я умерла чуть позже, во время моего пострига.

Ною было не до конца понятно, что нужно было говорить, но в глубине души он уже молча начинал чувствовать произошедшую трагедию. Рассказ продолжался без ненужных слов.

– Врачи меня спасли после аварии, но кое-что упустили. Сначала я даже вышла на работу и год промучила их своим горем. Я пробовала заглушить его, как могла. Потом у меня открылись последствия травмы. Врачи сделали

многое, а я побывала там...– Параскева даже как-то шутливо подняла палец кверху,– И меня тихонько и незаметно уволили с работы. Но и тогда я ещё не пришла к Нему. Меня следовало ещё наказать рублём. Дальние родственники мужа нашли способ получить наследство себе, и я лишилась квартиры. Меня приютил мой старший брат, автор вот этой картины. Но буря была в душе. Я несколько раз ходила на мост, но что-то меня останавливало каждый раз. Причём – не страх. К тому времени он уже получил от меня всё, что хотел и мог уже спокойно отпустить меня вниз, в реку. Брат меня спас. Даже в монастырь он привёз меня. Я благодарна ему безмерно! Сколько с того времени изменилось! Плохо то, что это всё ещё немного меня волнует, но я была счастлива привести эту картину Вам.

Параскева замолчала и сама удивилась, что выложила перед практически незнакомым человеком всю свою жизнь. Вообще монахине говорить такое не следовало, но от Ноя веяло каким-то непонятным спокойствием и уверенностью, что практически заставило рассказать всё это. Ной слушал очень внимательно. Почувствовав, что наступило время говорить именно ему, он взял эту инициативу себе.

– Ну, про свою работу я особо рассказывать не буду – то же самое. Но я не улучшал ничего, а только ошибки человеческие исправляю. Сейчас я понял то, что я ошибался в своих сомнениях. Мне казалось, что своих голубей,– Ной показал на картину,– я выпустил совсем не вовремя. А сейчас понимаю, что другого времени и не могло быть. Я также в своё время стоял на мосту, только я выбросил банку с зародышами. Они от этого по всему миру размножились. И это нужно было сделать обязательно!

– А может быть был смысл подождать знака и позволения сделать это?

Непонятно почему, но последняя фраза очень растревожила Ноя. Может быть, он почувствовал попытку расшатать только что принятое и ещё неокрепшее решение, а может быть эти его слова давно просились из него на волю.

– Подождать?! Чего подождать? Люди вообще уж больно много знаков ждут. Ждут – и ничего не делают. А может ценность человека в том, что он принимает решения? В том, что он учится всю свою жизнь принимать их правильно? А делать всё по готовому плану и распоряжению является ли достойным его? Вот я только сейчас понял, что природа приняла мою работу. Приняла и улучшила. Иначе моя водоросль просто бы погибла, но ни как не начала бы изменяться! Да – я продумал не всё и не до конца, но я сделал эту водоросль, а не утопил всё в творческих сомнениях. И вообще – все всё ждут и просят: «дай, дай, дай». А кто говорит: «возьми, возьми, возьми»? Может быть, именно это и нужно от человека? Со стороны человека, может быть я и сделал это не вовремя, но со стороны природы – самое то. Ведь последствия для нашего мира могут в корне отличаться от...

Ной начал искать правильное слово. Монахиня ещё раз вздохнула и в образовавшуюся паузу выдала ещё одно своё сомнение.

– Но как можно узнать точно, что принятое решение не ошибочно?

– Всё это в основном красиво звучит, а практически всё упирается как раз в безделье и самоволие. Все хотят получить готовые решения, а не разработать их. Когда природа получила мою работу, попробовала, доработала, понравилось, а потом и сама что-то подобное сделала. Вот Сабина вчера в истерике и прибежала. Так что для меня сомнений в этом не возникло, если природа в свой состав мою водоросль так приняла.

Возникшее молчание было до удивления ненапряженным. Ной с гостьей просто сидели друг перед другом, будто вели какую-то бессловесную беседу. Но потом Ной опять предложил чай.

– Я вообще пью только чай, – комментировал процесс из-за парящего чайника Ной, – потому, что я боюсь сделать что-то не то.

– Но, что можно сделать?

– Я не знаю, что может мне в голову прийти, выпей я алкоголя. Вот и люблю чай. А сделать, наверное, многое могу.

– Ведь если человек может так много, то он должен быть уверен, что никаких плохих желаний не возникнет. А алкоголь просто открывает суть человека. Вы вообще когда ни будь выпивать пробовали?

– Пробовал.

– И что появлялось в Вас?

Ной задумался. Он знал, что сказать, но это представлялось ему каким-то не реальным. Вернее – ему казалось, что таковым это покажется окружающим.

– Не волнуйтесь, ни чего страшного. Даже как раз наоборот.

– Но что именно? Вы это знаете?

– Знаю. Не хвалюсь, но я становлюсь очень религиозным, начинаю молиться и любить всех людей. С Вами такое когда ни будь бывало?

Переведя своё откровение в шутку, Ной всё равно смотрел на собеседницу совершенно серьёзными, даже трагичными глазами. Параскеве после этого стало немного не по себе.

– Должно бывать. Вы, Ной – редкий человек. В таком случае Вы защищены от многого. А где Ваша супруга?

– Жена на работе. Очень жду её, потому что нужно сказать, что мой ковчег плывёт дальше. Сбегу я от этих Зевсов-громовержцев. Да и с Вами уже, видимо, не удастся более встретиться. Только почта да телефон. Вы как, пользуете?

Параскева пользовалась эти средства связи. Мирно простившись с уже ставшим почти близким, хоть и не до конца понятным Ноем-Андреем, монахиня поспешила в гостевой домик, где её уже с начинающимся беспокойством ждала мать игуменья.

А день уже клонился к вечеру. Ной смотрел в окно на закат. Природа медленно собиралась делать ночь. Ника неслышно вернулась и тихо, почти бесшумно, подкралась к Ною сзади. Она мягко прильнула к спине, и начала также смотреть на закат через плечо.

– Солнце всё время разное, – задумчиво сказал Ной.

– Красиво... Природа тоже поспать собралась. Она вообще как живая, такое ощущение, что солнышко прямо дышит!

Ной очнулся от своих мыслей.

– Это просто в атмосфере воздушные потоки движутся. Сегодня день жаркий был.

– Нет, это она дышит.

– Мы уезжаем.

– Андрюша, ты обо мне не волнуйся, пожалуйста. Я сильная, хоть и маленькая. Если нужно – я и коров доить научусь. Если нужно – так хоть и лосей! Я ведь журналистка, я кого угодно доить смогу. Не смейся, я серьёзно!

Ной действительно смеялся.

– Нет, лосей не нужно, – смех всё разбирал изнутри, – лосих – также. И вообще, далась тебе эти коровы! Мы ведь не в голую тайгу едем. Ты-то, жена, поедешь?

Раскрасневшаяся от понимания своей ошибки Ника продолжила краснеть от нового слова.

– Спокойно. На работе меня отпускают. Тем более, что через неделю учебный год заканчивается. Да у меня и преемница за прошедшее время выросла, мне даже перевод дадут. Ведь там, куда побежим, дети будут?

– Будут, будут, не сомневайся.

– Андрюша, а ты меня сейчас женой назвал?

– Назвал. А то Параскева называет, а мне и нельзя?

– Кто?

– Вот-те здрасте! Меня ей всего рассказала, а как её величают, и не знаешь!

– Это монашка что ли?

– Была после твоего ухода.

– Жалко... Я с ней хотела бы поговорить...

– Да ты уж поговорила. И нечего её в грех пустословия вводить.

«Жена!» звучало в возбуждённой головке с покрасневшим лицом, «Жена! Я даже ему пока ни одного скандала не устраивала... Да он меня вообще тогда в мышь превратит... Ну, или в голубку... Я бы больше хотела – в голубку...». И Вероника ещё сильнее обняла Андрея за плечи.

Конец

